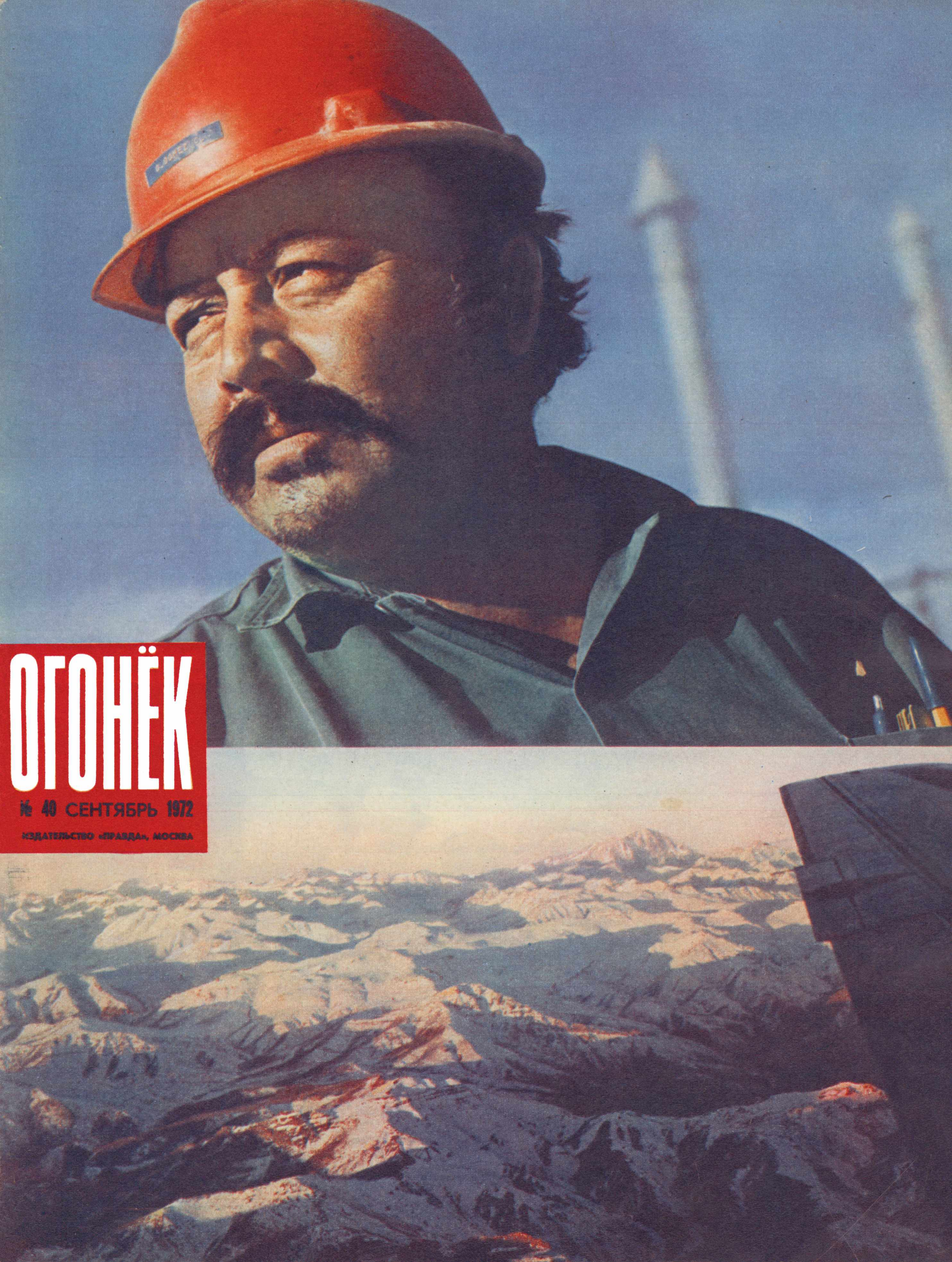

ОГОНЁК
№ 40 СЕНТЯБРЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Подбор валков в совхозе «Севастопольский».

СОВХОЗЫ КУСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ ЕЖЕДНЕВНО ЗАСЫПАЮТ В ЗАКРОМА РОДИНЫ 7 МИЛЛИОНОВ ПУДОВ ЗЕРНА.

БОЛЬШ

Пионеры в гостях у передовиков уборки — механизаторов первого класса Геннадия Доленко и Иосифа Ивасева, которые обязались намолотить по 10 тысяч центнеров зерна.

Фото В. Давыдова и Д. Карачуна (ТАСС).

Л. И. Брежнев осматривает опытное поле Алтайского научно-исследовательского института сельского хозяйства.

АЯ СТРАДА

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев в районе новостроек Алма-Аты.

Битва за хлеб... Сегодня она развернулась в полную силу на нивах Зауралья, Сибири, Северного Казахстана, там, где сосредоточена почти треть всех посевов зерновых. Гудит моторами степь — десятки тысяч различных машин, брошенных сюда на уборку урожая из других районов страны, от зари до зари не покидают полей. Помочь своим сибирским и казахстанским друзьям прибыли шестнадцать тысяч комбайнеров из Российской Федерации, с Украины, из Молдавии.

Жатва венчает труд хлебороба, а результаты этого труда ощущает вся страна. И потому вся страна шлет в подкрепление восточной житнице и машины, и людей, и доброе слово. Масштабы помощи поистине гигантские. Эффективное использование ее во многом зависит от организаторских способностей руководителей хозяйств, сельских коммунистов, от мастерства, творческой смекалки механизаторов.

Партия, ее Центральный Комитет уделяют пристальное внимание вопросам проведения всех сельскохозяйственных работ,

Директор Барнаульского шинного завода Б. Я. Панов показывает Л. И. Брежневу продукцию предприятия.

На плотине Красноярской ГЭС.

Фото Ю. БАРМИНА, Е. ЛОГВИНОВА, В. МУСАЭЛЬЯНА (ТАСС)

Целиноградская область. В совхоз «Красноярский» приехали на подмогу опытные комбайнеры Житомирщины. Вот они, посланцы Украины.

проявляют неустанную заботу об урожае. В горячие дни большой страды на переднем крае битвы за хлеб побывал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев. Его тепло встречали в Новосибирской и Омской областях, в Алтайском и Красноярском краях, в Казахстане — в столице республики и Кокчетавской области, в Узбекистане. Л. И. Брежнев знакомился с работой Алтайского научно-исследовательского института сельского хозяйства, Барнаульского шинного завода, с опытной станцией садоводства имени М. А. Лисавенко.

Тов. Л. И. Брежнев совершил поездку в Дивногорск — город, возникший на берегу Енисея в связи со строительством Красноярской ГЭС, и ознакомился там с работой гидроэлектростанции.

Радушно встретил товарища Л. И. Брежнева коллектив Красноярского машиностроительного завода. На Красноярском заводе комбайнов он интересовался технической характеристикой нового зерноуборочного комбайна «Сибиряк», технологией его производства, побывал в цехах завода.

Товарищ Л. И. Брежнев посетил пароход-музей «Св. Николай», на котором В. И. Ленин вместе со своими соратниками по революционной борьбе в 1897 году следовал в ссылку в село Шушенское.

В Алма-Ате товарищ Л. И. Брежнев осмотрел новые стройки, побывал, в частности, на строительстве высокогорного спортивного комплекса «Медео», ознакомился с состоянием бытового и культурного обслуживания трудящихся.

В хлебных районах Сибири, в Казахстане и Узбекистане состоялись собрания и совещания партийно-хозяйственного актива, в работе которых принял участие Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Эти собрания и совещания сыграли важную роль в мобилизации сил и резервов на успешное выполнение задач, поставленных перед тружениками села. Здесь всесторонне обсуждались актуальные вопросы уборки урожая, заготовок зерна, хлопка и других сельскохозяйственных продуктов, задачи партийных, советских и хозяйственных органов по руководству социалистическим соревнованием в этот ответственный период. Взвесив свои возможности, сельские труженики приняли высокие обязательства в честь 50-летия образования СССР. В полтора-два раза перевыполнить план сдачи хлеба государству—таково, например, было решение многих целинных хозяйств Казахстана.

Слово подкрепляется делом. Воодушевленные призывом партии, труженики полей живут сегодня одной большой заботой — быстро и без потерь собрать урожай, засыпать в государственные закрома больше хлеба. Весь наш народ следит за ходом этой работы. Славой овеяны дела героев всенародной страды, имена капитанов «степных кораблей». Более семи тысяч центнеров зерна выгрузил из бункера своего комбайна Дмитрий Кобылкин из совхоза «Прутской» на Алтае. На целинных землях Казахстана шестьдесят и более гектаров скашивали в день Федор Осташкин, Владимир Маркер.

На нивах Сибири и Казахстана идет трудная, напряженная борь-

СОВРЕМЕННО, ВЫСОКОПРОИЗВОДИТЕЛЬНО.

Шесть лет назад здесь же, в московском парке Сокольники, проходила международная выставка сельскохозяйственных машин и оборудования. Насколько же представительнее, мощнее было только что завершившееся ее «переиздание»—«Сельхозтехника-72»! Стали совершеннее тракторы и комбайны. Сам по себе набор машин расширился. Экспонаты, показанные фирмами и предприятиями, организациями и объединениями,— механизмы сегодняшнего и завтрашнего дня. Более 200 тысяч посетителей выставки смогли увидеть машины, созданные более чем в двадцати странах.

19 сентября на выставке побывали товарищи Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, В. В. Щербицкий.

Руководители партии и правительства с особым вниманием осмотрели экспозицию Советского Союза, которая впечатляюще рассказывает о том, как за короткий исторический срок отечественное тракторное и сельскохозяйственное машиностроение стало высокоразвитой отраслью народного хозяйства. Около 300 промышленных предприятий всех союзных республик представили на выставку более тысячи образцов современных высокопроизводительных машин.

Советские руководители ознакомились с новыми моделями тракторов, зерноуборочных комбайнов, разнообразными машинами для возделывания других сельскохозяйственных культур.

Руководители партии и правительства осмотрели разделы Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии. Экспозиции стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи наглядно показывают преимущества социалистической экономической интеграции в области сельскохозяйственного производства, предусмотренной Комплексной программой СЭВ. Они ознакомились также с экспозициями Австрии, Великобритании, Италии, Канады, США, Финляндии, Франции, ФРГ, Японии и других стран.

НА СНИМКЕ: руководители партии и правительства во время осмотра экспонатов выставки «Сельхозтехника-72».

Фото В. Мусаэльяна и В. Созинова (ТАСС).

ба за хлеб. Природа не везде милостива. Урожай выращен хороший, но кое-где от частых дождей и ветров зерновые полегли. Опытные механизаторы начеку: едва даст о себе знать «светлое окно», и машины уже в деле. Каждая секунда на счету.

Радостные вести поступают с востока страны, куда уже месяц назад переместился центр жатвы. Когда писались эти строки, из Кустаная пришло сообщение: хлеба скошены на 99 процентах площади. Вероятно, в графу сводки уборочных работ уже проставлена последняя цифра. Из восточных районов Оренбургской области земледельцы крупнейшего зернового района, Кварненского, рапортуют: план продажи хлеба государству перевыполнен.

...Идут последние, решающие дни большой страды. Союз серпа и молота, города и деревни, проявляет себя в эти дни с особой силой. Хлеб — забота всенародная, забота и горожанина и крестьянина. Они рядом, в одном строю, на поле, где решается судьба урожая.

* * *

На днях миллионы советских телезрителей увидели на голубых экранах волнующий документальный фильм «Хлеб Востока». Он рассказал о самоотверженном труде хлеборобов Казахстана и Сибири — восточной житницы страны, о пребывании Леонида Ильича Брежнева на передовой хлебного фронта.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 40 (2361)

30 СЕНТЯБРЯ 1972

НА ВЕРНОМ ПУТИ

Сергей ЛОСЕВ

Мировая общественность, правящие круги различных государств с напряженным вниманием следят за развитием советско-американских связей после весенней встречи между руководителями Советского Союза и Соединенных Штатов.

Этот интерес вызван, разумеется, не столько тем, что речь идет об отношениях между крупнейшей социалистической державой и крупнейшим капиталистическим государством, сколько содержанием договоренности, достигнутой в результате майских переговоров на высшем уровне, существом самих соглашений, которые выходят за рамки американо-советских отношений и представляют собой реальный вклад в утверждение принципов мирного сосуществования и укрепление международной безопасности.

Было бы, однако, опасным заблуждением забывать, что у этих соглашений есть немало злобных противников: разве не об этом напоминают нам резкая активизация ставленников военно-промышленного комплекса в США, потуги сионистского лобби в американском конгрессе воспрепятствовать предоставлению нашей стране режима наибольшего благоприятствования, наконец, преднамеренные усилия Тель-Авива создать накануне президентских выборов в США — такое уже было осенью 1956 года — кризисную ситуацию на Ближнем Востоке в надежде обострить советско-американские отношения.

«Похолодание после московской встречи на высшем уровне»,— под столь претенциозным заголовком, не вызывающим сомнения в намерении редакции, американский еженедельник «Ньюсуик» в одном из последних номеров поместил статью, в которой без обиняков утверждает, будто «двусторонние соглашения между Вашингтоном и Москвой — начиная от исследований раковых заболеваний и прогнозов погоды до сотрудничества в области космоса — это «витрина», «фасад», «потемкинская деревня образца 1972 года». Автор этих нетрезвых измышлений, оказывается, не на шутку рассержен тем, что после встречи в верхах «русские не размягчились», иными словами, не открыли лазейки для идеологических диверсий против социализма. Особое же его недовольство вызвали соглашения об ограничении стратегических вооружений, подписав которые США признали тот бесспорный факт, что отношения с СССР могут строиться только на основе полного равенства в обеспечении безопасности и недопущения односторонних военных преимуществ. По существу, статья перекликается с попытками Пентагона затруднить следующий, и без того сложный этап советско-американских переговоров об ограничении ядерных вооружений. Пентагон желает во что бы то ни стало ускорить создание глубоководной подводной ракетной системы «Трайдент», стратегического бомбардировщика «В-1», боеголовки для поражения «трудноуязвимых объектов», подстегнуть гонку ракетно-ядерного оружия.

Эти происки военно-промышленного комплекса идут, несомненно, вразрез с настроениями американского народа. Как показывают опросы общественного мнения, девять из каждых десяти американцев поддерживают соглашения об ограничении стратегических вооружений. Отражая эти настроения, сенат США 88 голосами против двух уже ратифицировал Договор об ограничении систем противоракетной обороны. Ломая упорное сопротивление реакционных сил в Соединенных Штатах, курс на мирное сосуществование, зафиксированный в Основах взаимоотношений между СССР и США, утверждается в международной жизни.

В развитие майских соглашений переговоры и контакты между двумя державами происходят в различных сферах. Массу положительных откликов в американской печати вызвал откровенный и конструктивный обмен мнениями между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и помощником президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером, в ходе которого состоялся обзор развития советско-американских отношений со времени встречи на высшем уровне и международных проблем, представляющих взаимный интерес для Советского Союза и Соединенных Штатов. Особо отмечается, что был достигнут значительный прогресс по ряду принципиальных вопросов торгово-экономических отношений между двумя странами, таких, как заключение долгосрочного торгового соглашения и соглашения о морском судоходстве, урегулирование расчетов по ленд-лизу, предоставление Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования. Переговоры по этим проблемам будут продолжены в Вашингтоне в конце сентября. Заместитель государственного секретаря США по европейским делам У. Стессел выразил уверенность, что многосторонние переговоры о подготовке к общеевропейскому совещанию по вопросам безопасности и сотрудничества начнутся во второй половине ноября этого года, с тем чтобы созвать само совещание в 1973 году.

В скором времени начнется новый тур переговоров между СССР и США об ограничении стратегических вооружений, на которых, в частности, может быть рассмотрен вопрос о распространении ограничений на все виды наступательного оружия.

Советские и американские ученые приступили к активной подготовке совместного эксперимента по стыковке космических кораблей «Союз» и «Аполлон», намеченного на 1975 год. Не менее успешно начато осуществление целого комплекса других соглашений о советско-американском сотрудничестве, подписанных в мае, в области охраны окружающей среды, здравоохранения, науки и техники.

Само собой разумеется, что эта конструктивная линия на развитие взаимовыгодного сотрудничества будет и впредь сочетаться во внешней политике СССР с твердым отпором империалистической агрессии.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ТОВАРИЩ НОТАРИУС

2 октября исполняется 50 лет нотариату Советского Союза. Корреспондент «Огонька» Юрий Чернявский обратился к заместителю министра юстиции СССР Николаю Александровичу ОСЕТРОВУ с просьбой рассказать о работе советских нотариальных учреждений.

ВОПРОС. Каковы задачи советского нотариата?

ОТВЕТ. Задачи эти многогранны. И прежде всего — укрепление социалистической законности, предупреждение правонарушений, охрана прав и законных интересов граждан, а также государственных учреждений, предприятий, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций.

Советский нотариус оказывает трудящимся активное содействие в осуществлении ими своих прав, следит за тем, чтобы юридическая неосведомленность гражданина и иные обстоятельства не пошли ему во вред.

В дореволюционной России нотариат обслуживал интересы помещиков и буржуазии. Нотариусами могли быть лишь представители имущих классов, ибо для занятия должности необходимо было внести значительный денежный залог.

После Великой Октябрьской социалистической революции царские нотариальные конторы практически прекратили свою деятельность. Никакого специального акта об их упразднении не было, но при ликвидации окружных судов были закрыты и нотариальные архивы. В начале 1918 года имущество нотариальных контор повсюду было муниципализировано, и появились нотариальные отделы во главе с народными нотариусами. Затем циркуляром Наркомата юстиции от 9 декабря 1918 года эти нотариальные отделы были упразднены, а функции их переданы частично отделам юстиции, частично народным судьям.

Когда страна перешла к новой экономической политике, увеличился гражданский оборот и появилась необходимость в установлении строгого государственного контроля за законностью совершаемых сделок. Необходимо было пресечь попытки капиталистических элементов произвольно расширять пределы новой экономической политики и обеспечить интересы государства.

4 октября 1922 года Совет Народных Комиссаров принял Положение о государственном нотариате. Это положение и заложило основы современного советского государственного нотариата. За время своего существования советские нотариальные органы предотвратили немало противозаконных сделок, в которых участвовали частные предприниматели.

Чем вызвана необходимость нотариата в наши дни?

Государственный нотариат призван обеспечить действенность гражданских прав, их закрепление в установленной юридической форме, долговременное хранение документов, удостоверяющих права и обязанности участников сделок. В сфере его действия —

возникновение, развитие, прекращение всевозможных правоотношений.

Следует учитывать, что для социалистического общества характерен развитой гражданский оборот, в котором участвуют не только организации, но и отдельные граждане. Рост реальных доходов населения, увеличение выпуска товаров личного пользования, расширение сферы оказываемых услуг — все это обусловливает дальнейшее возрастание оборота с участием граждан.

ВОПРОС. Каким образом нотариат выполняет свои основные задачи — укрепление социалистической законности, охрану социалистической собственности?

ОТВЕТ. Заметное место в реализации поставленных XXIV съездом КПСС задач по укреплению социалистической законности и развитию социалистических правовых отношений отводится многотысячному отряду нотариусов.

Был такой случай. В одну из московских нотариальных контор обратился гражданин Д. Он просил засвидетельствовать верность копии диплома об окончании высшего учебного заведения. Порядок заполнения диплома и печать на нем вызвали у нотариуса сомнение. Проверка показала, что диплом был подделан. Дело передали в народный суд, и Д. был осужден за подделку документа.

Вот другой случай. В нотариальную контору пришли двое граждан, чтобы удостоверить договор о купле-продаже жилого дома, изношенного на 80 процентов. Проверяя законность сделки, нотариус установил, что этот договор должен был прикрыть незаконную куплю-продажу земельного участка с садом. В удостоверении договора было отказано.

Одна из основных задач нотариальных контор — предупреждение правонарушений. Государственные нотариусы по сообщению граждан или организаций либо по собственной инициативе принимают меры к охране наследственного имущества, когда это необходимо и в интересах государства.

Определенную работу по предупреждению нарушения закона, связанного с охраной социалистической собственности на землю, нотариусы проводят, удостоверяя договоры о предоставлении в бессрочное пользование участков под индивидуальное строительство жилых домов. При этом они отказывают в удостоверении договоров, когда размер отведенных участков не соответствует размерам, установленным законом, и тут же доводят до сведения организаций обнаруженные нарушения законности.

В Украинской ССР были вскрыты случаи, когда на земельных участках, отведенных под строительство жилых домов, застройщики сооружали так называемые «времянки», закладывали фундамент, ставили заборы, а потом заключали фиктивные сделки (купли-продажи, дарения), то есть фактически продавали землю. Так, например, некто К. в городе Николаеве на отведенном ему участке построил «времянку» и продал ее гражданину В. за 3 тысячи рублей, а исполком закрепил этот участок за покупателем. Тогда В. обратился в нотариальную контору для оформления правоустанавливающего документа — договора о предоставлении земельного участка под строительство жилого дома. Нотариус, установив незаконную переуступку участка, отказал в удостоверении договора и сообщил об этом соответствующим органам.

ВОПРОС. В сельских местностях Советского Союза к свершению нотариальных действий привлечены исполкомы местных Советов. Какое своеобразие это вносит в работу нотариата?

ОТВЕТ. Наше законодательство разрешает исполнительным комитетам районных, городских, поселковых и сельских Советов депутатов трудящихся совершать нотариальные действия в тех местностях, где нет государственных нотариальных контор. В частности, они удостоверяют сделки — договоры, завещания, доверенности, свидетельствуют верность копий документов.

В укреплении социалистической законности большое значение имеет та правовая помощь, которую нотариусы оказывают работникам исполкомов местных Советов. Эта работа имеет большое значение еще и потому, что в исполкомах нотариальные действия выполняют, как правило, люди, не имеющие специальной юридической подготовки.

Очень помогает также работникам местных Советов практика в нотариальных конторах, семинарские занятия.

В первой половине 1972 года нотариусы Российской Федерации, Украинской, Белорусской, Молдавской, Грузинской, Казахской, Азербайджанской, Эстонской ССР провели более 1 600 семинаров и инструктажей с работниками местных Советов депутатов трудящихся, около 8 тысяч работников исполкомов прошли практику в нотариальных конторах.

ВОПРОС. Каково значение нотариата в жизни граждан СССР?

ОТВЕТ. О том, насколько широк и многообразен круг вопросов, которыми занимаются нотариальные конторы, и сколь велико число советских граждан и различных учреждений и организаций, обращающихся к их услугам, свидетельствует тот факт, что нотариальные конторы СССР ежегодно совершают свыше 15 миллионов нотариальных действий. Ежегодно эти конторы обслуживают свыше 25 миллионов граждан и представителей организаций.

На нотариусов возложена обязанность оказывать всем обращающимся к ним организациям и гражданам содействие в осуществлении их прав и законных интересов. Нотариус должен тщательно выяснить действительные отношения сторон, их намерения, ознакомить граждан и представителей организаций с действующим законом, разъяснить каждой стороне ее права и обязанности с тем, чтобы юридическая неосведомленность какой-либо стороны не могла быть использована ей во вред.

Нотариусы — это и пропагандисты советского права. Они часто выступают с докладами, лекциями перед населением и перед работниками различных учреждений, предприятий, организаций.

Советский нотариат во всей своей деятельности руководствуется принципами социалистической законности, строго, непримиримо охраняет интересы государства, права и законные интересы советских граждан.

Борис Николаевич ЛИВАНОВ

Советское искусство понесло тяжелую утрату. На 69-м году жизни скончался выдающийся деятель театра и кино, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР, артист и режиссер Московского Художественного академического театра имени М. Горького Борис Николаевич Ливанов.

Б. Н. Ливанов внес значительный вклад в развитие советского сценического искусства. Творчество этого замечательного художника всегда было проникнуто высокими идеями партийности и народности. Образы, созданные Б. Н. Ливановым на сцене и на экране, принадлежат к числу ярких достижений искусства социалистического реализма.

Творческий путь Б. Н. Ливанова начался в 1924 году в Московском Художественном театре. Воспитанник К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, Б. Н. Ливанов на протяжении почти полувека был одним из талантливых продолжателей дела своих великих учителей, ведущим актером и режиссером МХАТа, в течение многих лет входил в состав художественного руководства театра.

На мхатовской сцене Б. Н. Ливанов сыграл много крупных ролей в спектаклях советского и классического репертуара. Кудряш в «Грозе» А. Н. Островского, Ноздрев в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя, Соленый в «Трех сестрах» А. П. Чехова, Егор Булычев в «Егоре Булычеве и других» А. М. Горького, Швандя в «Любови Яровой» К. А. Тренева, Рыбаков и Забелин в «Кремлевских курантах» Н. Ф. Погодина, Огнев в «Фронте», А. Е. Корнейчука, Трубников в «Чужой тени» К. М. Симонова — далеко не полный перечень этих ролей.

Галерея запоминающихся образов создана Б. Н. Ливановым в кино: комиссар Бочаров — «Депутат Балтики», Дубровский в одноименном кинофильме, Муров — «Без вины виноватые», Пожарский — «Минин и Пожарский», Потемкин — «Адмирал Ушаков», капитан Руднев — «Крейсер «Варяг», комиссар Вихорев — «Балтийцы», Виноградов — «Частная жизнь Петра Виноградова». Все эти образы отличает точность социальных и психологических характеристик, высокое профессиональное мастерство, яркий темперамент и обаяние.

На основе системы К. С. Станиславского Б. Н. Ливанов искал новые пути в режиссерском творчестве. Им поставлены многие спектакли, получившие признание зрителей.

Много сил и энергии Б. Н. Ливанов отдавал общественной деятельности. Он был членом Художественного совета Министерства культуры СССР, щедро делился своим богатым опытом с молодыми актерами, режиссерами, драматургами, часто выступал с творческими отчетами перед трудящимися.

Родина, партия и правительство высоко оценили большие заслуги Б. Н. Ливанова, наградив его орденом Ленина, четырьмя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», медалями. Шесть раз ему присуждалась Государственная премия СССР. В 1948 году Б. Н. Ливанову было присвоено почетное звание народного артиста СССР.

Борис Николаевич Ливанов останется в нашей памяти как выдающийся художник советского театра и кино, отдавший свой яркий талант служению советскому народу.

Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, Е. А. Фурцева, В. Ф. Шауро, В. Ф. Промыслов, В. Н. Ягодкин, Н. А. Кузнецов, О. Н. Андровская, М. П. Болдуман, К. В. Воронков, А. Н. Грибов, Ф. Т. Ермаш, О. Н. Ефремов, Ю. А. Завадский, А. П. Зуева, Л. А. Кулиджанов, А. П. Кторов, П. В. Массальский, П. А. Марков, В. А. Орлов, М. В. Пашков, Н. А. Пономарев, Б. А. Покровский, А. А. Попов, Б. И. Равенских, В. Я. Станицын, Б. А. Смирнов, Е. Р. Симонов, А. И. Степанова, А. К. Тарасова, Г. А. Товстоногов, Н. С. Тихонов, З. П. Туманова, К. А. Ушаков, К. А. Федин, Т. Н. Хренников, М. И. Царев, М. М. Яншин.

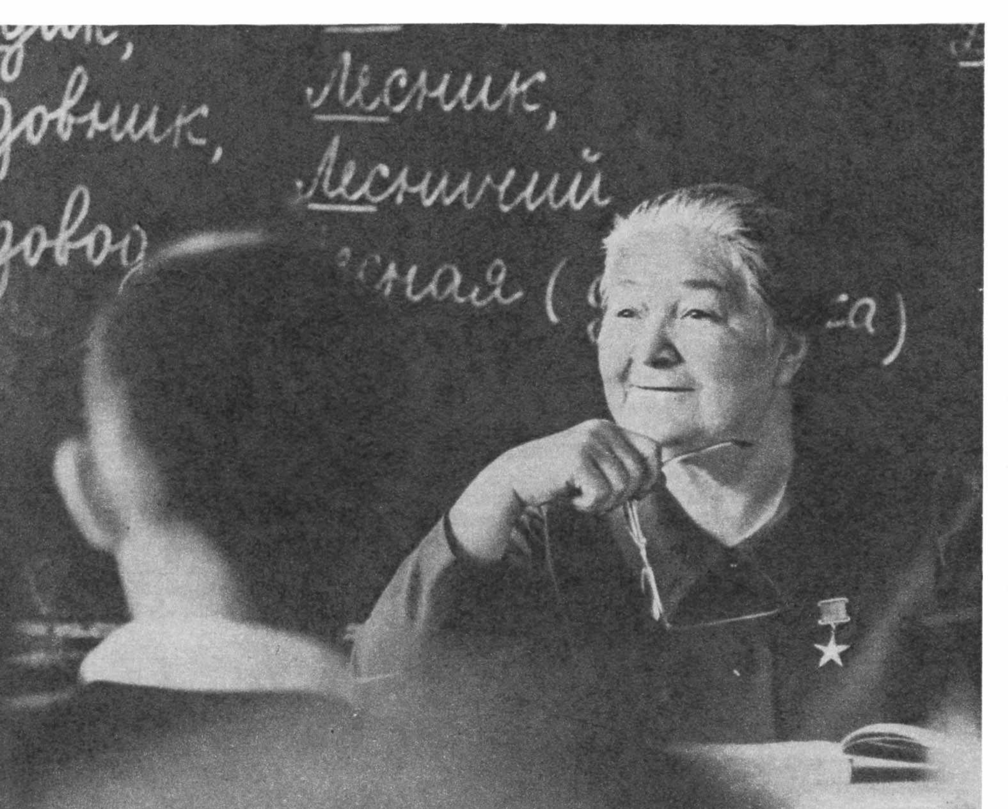
ВСТРЕЧА С ГЕРОЯМИ ДЕВЯТО

В 33-м номере журнала «Огонек» был опубликован отчет о встрече героев первых пятилеток. На днях в редакции собрались герои наших дней, те, кто достойно принял из рук строителей Магнитки, Днепрогэса, Московского метро и зачинателей стахановского движения эстафету трудовых дел. Каждый из пятнадцати гостей представлял союзную республику.

Рассказы героев девятой пятилетки читайте в 45-м номере журнала «Огонек».

В первом ряду: Мирзо Абдулович Мастангулов, летчик гражданской авиации (Таджикская ССР); Милда Августовна Аугуле, заслуженный зоотехник республики, зоотехник колхоза «Дзиркстале» (Латвийская ССР); Ага Дадаш Кербалай Оглы, Герой Социалистического Труда, член ЦК КП Азербайджана, депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР, буровой мастер треста «Касморнефть» (Азербайджанская ССР); Назира Юлдашевна Юлдашева, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, председатель колхоза имени Ленина (Узбекская ССР); Ата Овезович Ташлиев, директор Института зоологии Туркменской Академии наук (Туркменская ССР).

Во втором ряду: Анатолий Степанович Кремень, Герой Социалистического Труда, механик Новополоцкого треста № 16 (БССР); Виктор Васильевич Ермилов, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, слесарь московского завода «Красный пролетарий» (РСФСР); Владимир Сергеевич Метревели, кавалер ордена Октябрьской Революции, делегат XXIV съезда КПСС, почетный металлург, сталевар Руставского металлургического завода (Грузинская ССР); Витаутас Альгирдович Чеканаускас, лауреат премии Совета Министров СССР, главный архитектор проектов Института проектирования городского строительства (Литовская ССР); Юхан Эдуардович Клайс,

1 ОКТЯБРЯ —
ДЕНЬ УЧИТЕЛЯ

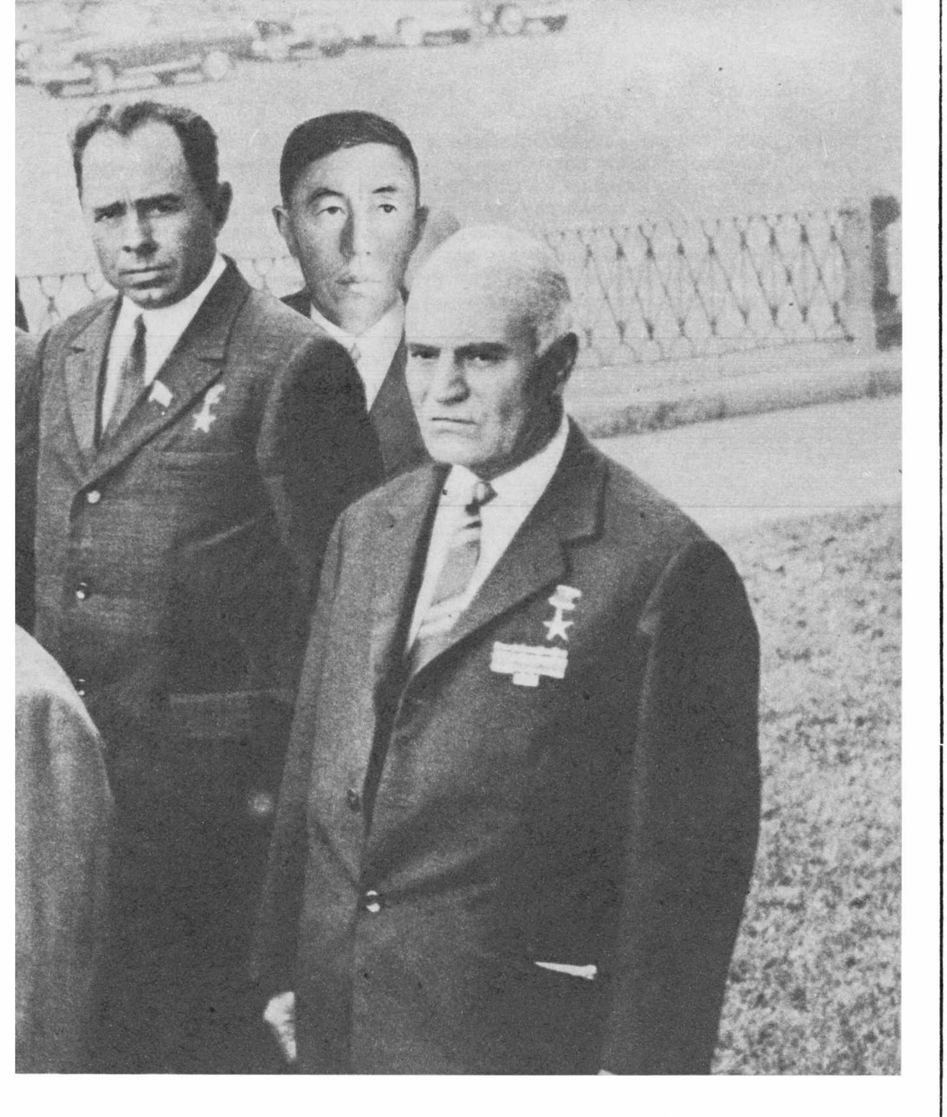
ПОЛВЕКА В ШКОЛЕ

Как стремительно летит время! Кажется, только вчера хрупкая, большеглазая девушка, дрожа от волнения, спешила на свой первый урок. Тот день Олимпиада Ивановна помнит во всех подробностях, даже лица тогдашних первоклашек до сих пор стоят у нее перед глазами. А ведь минуло уже полвека. Полвека, отданные благороднейшему делу — воспитанию юного человека. И сорок лет О. И. Чупрова преподает в одних и тех же стенах — в средней школе номер четыре города Бора, тихого, зеленого, привольно раскинувшегося на берегу Волги. Впрочем, нет, школа одна, но стены-то разные: пришла Олимпиада Ивановна в старенький деревянный дом, а потом четвертая средняя переселилась в новое, современное здание.

Давно уже старейшая учитель-

Олимпиада Ивановна Чупрова ведет урок.

Фото Э. Эттингера.

Й ПЯТИЛЕТКИ

депутат Верховного Совета СССР, капитан сейнера колхоза «Сааре Калур» (Эстонская ССР); Сертай Бектурганов, Герой Социалистического Труда, комбайнер совхоза «Раздольный» (Казахская ССР); Николай Иосифович Швайко, Герой Социалистического Труда, бригадир шахты «Украина» комбината «Красноармейскуголь» (УССР); Афанасий Никодимович Таукчи, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, бригадир тракторно-виноградарской бригады колхоза «Ленинский путь» (Молдавская ССР); Алдаберген Аманбаев, Герой Социалистического Труда, старший чабан колхоза «Россия» (Киргизская ССР); Гарегин Тоноян, Герой Социалистического Труда, мастер-инструктор Ленинаканского текстильного комбината (Армянская ССР).

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

ница щедро делится с другими своим опытом, и не только с сослуживцами — член коллегии Горьковского облоно, она выступает на педагогических совещаниях в разных городах республики. Многие бывшие ученики Олимпиады Ивановны, увлеченные ее примером, сами стали преподавателями. Вот и дочь ее Анна учительствует здесь же, в соседней школе. Некоторые питомцы Чупровой, получив диплом педагога, вернулись в родную школу. Перечислять их поименно, пожалуй, не стоит: добрую половину педагогического коллектива здесь составляют собственные выпускники. Деятельность Олимпиады Ивановны высоко оценена Родиной: она Герой Социалистического Труда, заслуженный учитель школы РСФСР. Но по-прежнему на каждый свой урок Чупрова спешит все с тем же волнением, все так же тщательно готовится к встрече с учениками.

Директор школы, заслуженный учитель республики, кавалер ордена Октябрьской Революции Василий Николаевич Гребенев рассказывает:

— Олимпиада Ивановна обладает редкостным педагогическим талантом. Ее воспитанники, ученики начальной ступени, неизменно отличаются до самого выпуска. И самое главное: Чупрова дает ребенку не только знания, предписанные программой, но и учит его быть настоящим человеком, гражданином. Не так давно зашел я к ней на урок. В тот день Олимпиада Ивановна рассказывала о хлебе. Это была не беседа, а настоящая поэма, высокая, полная гражданственности. И притом вполне доступная пониманию малышей. Да что и говорить, все мы, даже опытные педагоги, учимся у Олимпиады Ивановны. И не только методам ее работы, но и тонкому проникновению в детскую психологию. Учимся сочетать дела производственные с общественными. Ведь она, человек немолодой, всегда находит время для общественной работы, и вот уже немало лет ее выбирают депутатом городского Совета.

Н. ВЕРИНА.

К 15-ЛЕТИЮ ЗАПУСКА ПЕРВОГО ИСКУССТВЕННОГО СПУТНИКА ЗЕМЛИ

ОБИТАЕМЫЙ КОСМОС

Пятнадцать лет назад в июньских номерах «Огонька» 23, 24 были опубликованы очерки специального корреспондента журнала Е. Рябчикова: «Штурм космоса» и «Спутник Земли». Появление очерков об устройстве первых ракет и самого спутника до его запуска произвело впечатление на читателей: в ту пору подобное казалось еще фантазией.

Важно напомнить, что тогда с 1 июля 1957 года должен был начаться Международный геофизический год — МГГ,— объединявший усилия ученых многих стран для комплексного исследования тела Земли, ее вращения, колебаний полюсов, приливов и отливов в Мировом океане, северных сияний, серебристых облаков, космических лучей. Программа МГГ предусматривала также создание первых искусственных спутников Земли для исследования околоземного космоса.

Огоньковские очерки озадачили тех комментаторов зарубежных газет, радио и телевидения, которые рьяно убеждали, будто СССР не в состоянии создать спутник.

Прошли месяцы. 4 октября 1957 года стартовал первый в мире искусственный спутник Земли. Его радиопозывные «бип-бип-бип» всколыхнули человечество. Люди на планете Земля в мгновение выучили русское слово «спутник».

В канун пятнадцатилетнего юбилея со дня запуска первого спутника предоставляем слово писателю-сценаристу, автору книг и большой серии документальных и научно-популярных фильмов о космосе и космонавтах Е. Рябчикову.

До запуска первого спутника оставалось всего семнадцать дней, когда в Москве, в Колонном зале Дома союзов, торжественно отмечалось 100-летие со дня рождения выдающегося ученого, основоположника космонавтики К. Э. Циолковского. Зал был переполнен, хрустальные люстры освещали лица ученых и конструкторов, рабочих и инженеров — тех, кто был причастен к созданию спутника, и тех, кто готовил новую технику в других областях науки. Слово для доклада «О практическом значении научных и технических предложений Циолковского в области ракетной техники» было предоставлено С. П. Королеву. Мало кто из сидевших в зале знал тогда, что он прилетел из Байконура, где полным ходом шли подготовительные работы к запуску первого спутника.

Как верный ученик К. Э. Циолковского, С. П. Королев счел необходимым вырваться из круговорота дел и, подготовив доклад, прилететь с ним в Москву.

Я смотрел на Сергея Павловича, слушал его спокойный, строго академический доклад и ловил себя на мысли, что он, по существу, докладывает собравшимся не только о проведенных запусках геофизических ракет и полетах собак на высоты до ста километров, но и говорит о вполне реально близком старте спутника.

Сергей Павлович свой доклад не читал — он отложил в сторону

тательство, способное оскорбить слух даже его приятелей, не будь они так же ошарашены происшедшим, как и он. По общему мнению, хозяин «кадиллака» наделен свыше священными привилегиями и, конечно, застрахован от несчастных случаев.

Нетвердой походкой, поддерживаемый под руки дружками, несчастный направился к месту катастрофы.

— Чтоб мне лопнуть на этом месте!— причитал он.— Нет, не любит господь нашего брата — цветного!

Друзья как могли старались его утешить.

— Не волнуйся, тебе заплатят сполна. Все такси застрахованы. Отремонтируешь!

— Такой, как была, она уже не будет,— сокрушенно качал головой пострадавший,— никогда!

Хмурый Джеймс Ли и убитый горем хозяин «кадиллака» обменялись адресами и выполнили другие формальности. Уличные зеваки тем временем растащили столкнувшиеся автомобили. Когда печальная церемония завершилась, Джеймс Ли сел за руль и поехал в гараж.

— Иисус Христос, святая Мария! Взгляните-ка на это!

Все, кто был в гараже, смотрели, как Джеймс Ли заруливает на стоянку. Привлеченные истошным криком Дэнни, перегнулись через перила механики, встала в дверях диспетчерской Эвелина. «Ну и пусть глядят»,— думал Джеймс Ли, внутренне готовясь к неприятной сцене. Он сумеет за себя постоять.

Гулко стуча каблуками по железным ступеням, Дэнни сбежал с лестницы и быстро осмотрел машину.

— Черт возьми, перед разбит!

Во всех гаражах считается, что в аварии повинен водитель, раз поврежден капот его автомобиля. Страховые компании в таких случаях занижают сумму компенсации.

— Как это случилось, Кули?

— Я врезался в одного парня.

— Выходит, ты виноват?

— Да, вроде я...— Редкий случай, чтобы нью-йоркский таксист признался в этом!

— Дайте мне бланк происшествий,— повернулся Джеймс Ли к Эвелине, а про себя подумал: «Нечего разговаривать с этим сосунком!»

— Эй, так тебя разэтак! — завопил Дэнни.— Сначала расскажи мне, как все было.

— Заполню бланк — сам прочтешь.

— Я хочу от тебя услышать!

— Придется все же прочесть.

— Видали нахала! — обратился Дэнни к механикам, с любопытством наблюдавшим за перебранкой.— Разбил машину и не хочет даже объяснить, как дело было.

Дэнни подошел вплотную к Джеймсу Ли, и тот подумал: «Точь-в-точь моряк с плаката, что висит у театра «Аполло» на Сто двадцать пятой улице. Синеглазый, блондин. Типичный янки, таких в кино показывают. Пожалуй, я боюсь его. И все же, если он ищет драки, сегодня я готов доставить ему это удовольствие...»

— Послушай, сынок,— Дэнни понизил голос,— я здесь диспетчер, ты не забыл?

— Плевать мне, кто ты.— Джеймс Ли все время чувствовал на себе взгляд Эвелины, по-прежнему стоявшей на пороге.— И я тебе не «сынок»!

— Слушай, Джексон, я тебя умоляю...

— Я тебе не «Джексон», у меня есть имя. Могу напомнить...

— Чихал я на твое имя! Оно дерьма не стоит...

Джеймс Ли ударил первым, сам не понял, как это вышло. Наверно, ничего другого не оставалось. Вся скопившаяся в нем за день горечь вырвалась наружу. Вспомнилась и заносчивость Эсси; и валявший дурака отец; и Макгован со своими бредовыми идеями; и тот белый пассажир, назвавший его «Джорджем» и давший двадцать центов на чай. Вот о чем думал Джеймс Ли, обрушивая град ударов на О'Хэллорэна.

Дэнни не ожидал такого оборота дела. Он умел драться, не раз бывал в уличных потасовках, но в отличие от Джеймса Ли им ничего не руководило, кроме естественного желания победить.

«Я убью его,— думал Джеймс Ли,— либо так изувечу, что ему захочется умереть». Дэнни провел захват, и Джеймс Ли очутился на полу.

«Он хороший борец, надо держать дистанцию. Если подпущу, мне конец».

Дэнни все же удалось захватить левой рукой голову соперника, а правой несколько раз ударить по лицу.

Джеймс Ли едва не потерял сознание. Собрав последние силы, он двинул коленом в живот Дэнни. Воздух со свистом вырвался из глотки ирландца. Джеймс Ли отступил на шаг и нанес сокрушительный удар в голову. Дэнни зашатался, перед глазами встала пелена, не хватало воздуха. Джеймс Ли не давал ему опомниться. Серия коротких, рубящих ударов по голове, и вот уже О'Хэллорэн опустился на одно, потом на оба колена. Последний удар ребром ладони по затылку, и Дэнни с тяжелым стоном рухнул на пол и потерял сознание.

Прошла целая минута, прежде чем завороженные жуткой сценой зрители пришли в себя. Стуча по гулким ступеням каблуками, побежали вниз механики. Эвелина, взглянув на безжизненное тело Дэнни, поднесла ко рту ладонь и задушила крик.

Часто и нервно дыша и пошатываясь, Джеймс Ли направился к выходу из гаража. «Спасайте своего златокудрого бога»,— думал он. На душе было хорошо. Он боялся этой стычки, а вот, победил! Жизнь — та же драка, в конце концов ты обязан взять в ней верх. В этот миг он не думал ни о Дэнни, ни о полиции, ни о том, что остался без работы. Казалось, все проблемы позади. Ничего ему теперь не страшно.

Прохожие, завидя кровь и синяки на его лице, поспешно сворачивали в сторону. «Правильно,— думал Джеймс Ли,— прочь с дороги!» — и улыбался опухшими губами, прокладывая себе путь в толпе. Он шел домой, в Гарлем.

XVII

Губерт брел по Сто двадцать пятой улице и остановился на мосту. Оттуда открывается вид на южную оконечность Гарлема и центр Манхэттена. Мост, построенный из стали и бетона, в жару накаляется, как чугунная печь. Неумолчно гудят автомобили, пыхтит старый пароходик, ползущий по узенькой Гарлем-ривер. Можно различить множество других звуков: стрекочет самолет, заходя на посадку, ревет проигрыватель в баре на Восьмой авеню, вдруг хором завопят болельщики на бейсбольном стадионе «Поло». И все это сливается воедино, превращаясь в могучую симфонию большого города, исполняемую гигантским оркестром. Прислушайтесь — и до вас донесется жужжание многомиллионного человеческого улья.

Губерт чутко вслушивался во все это многообразие звуков. Он был один на один со своими мыслями. Ни Гертруда, ни сын не существовали для него, их мнение было ему безразлично. Страстная жажда удовольствий целиком завладела им.

Он отгадал две цифры из трех. Четверка и единица уже сыграли. Скоро третий заезд. Теперь от выигрыша его отделяет лишь одна цифра. Так бывало и раньше, но он ошибался в третьем заезде. Впрочем, неудачи не обескураживали его. Он ждал следующего утра, чтобы поставить вновь. Подбирая очередной номер, он так и сяк вертел его в голове, переставлял цифры, произносил его вслух, делая ударение то на одном, то на другом слоге. После этого облизывал губы, как бы пробуя номер на вкус, а потом решительным шагом отправлялся к букмекеру.

Но теперь всему этому конец. Никогда больше он не станет играть. Сегодня его день, и в третьем заезде придет семерка. Все-таки бог молодчина, поступил по справедливости, хотя и пришлось подождать. Теперь от господа требуется сущий пустяк: уладить все с Клариссой и помочь Губерту устроиться на новом месте. А потом может забыть о Губерте, тот сам о себе позаботится.

Рев машин на мосту в конце концов вторгся в его сознание и прервал ход мыслей. Он стоял на самом солнцепеке и обливался потом. Не спеша Губерт зашагал в гору, к парикмахерской на углу Сто двадцать пятой улицы и Сент-Николас-авеню.

В парикмахерской шелестели вентиляторы. Хозяина звали Смитти. Ему было за тридцать. Толстое лицо, красивые губы, какие бывают у людей, любящих поговорить. Они с клиентом обсуждали убийство, о котором на видных местах писали в эти дни негритянские газеты.

— Зачем он связался с этой потаскухой? У самого жена, пятеро детей.

Ножницы летали вокруг головы клиента. Смитти уже кончил стрижку, но не сознавался в этом, не желая отпускать собеседника.

— Она сама бы его прихлопнула, да вот жена опередила.

Тут вошел Губерт, и Смитти приветливо закивал ему.

— Пожалуйста, мистер Губерт. Вы следующий.

— Нет, Смитти, мне еще рано стричься.— Губерт прочистил горло.— Какой последний номер?

— Семерка,— ответил Смитти.— Ну что ты будешь делать! Уже месяц ставлю на 523, и ничего похожего. Нет, деньги не любят бедняков.

— Это верно,— поддакнул сидевший в кресле.

— Спасибо, Смитти,— сказал Губерт и вышел из парикмахерской.

— Вот увидите, вдова выйдет сухой из воды,— продолжал клиент.— У нее влиятельные покровители, мне знающие люди говорили.

— Это не новость,— подытожил Смитти,— миром правят женщины.

Вошел новый посетитель.

— Ваша очередь,— сказал ему Смитти и, взмахнув напоследок ножницами, отпустил постриженного клиента.

Губерта переполняли чувства горячие слезы струились по щекам. В гуле города ему чудился победный марш.

Он шел к дому Джона Льюиса. Снова знакомые приметы Гарлема, безымянные лица в толпе. Эти люди... его народ... эти негры... Он уже не злился, не негодовал на них. К своему удивлению, он даже испытывал к ним жалость. Да-да, ему жаль всех черных, коричневых и желтых обитателей Гарлема, цветных людей во всем мире, которым никогда не повезет. «Прощайте, бедные глупышки,—говорил Губерт гарлемцам,— да хранит вас господь!» Скоро Губерт забудет о них, как о дурном сне.

Джон Льюис широко улыбался, впуская Губерта в квартиру.

— Дружище, простите. Я ведь порой подтрунивал над вами.— Он присвистнул и хлопнул Губерта по плечу.— Вы, наверно, встали сегодня на счастливую ногу. Вам причитается куча денег!

Губерт поморщился. Он ненавидел, когда его хлопали по плечу.

— Как вы поступите с деньгами, мистер Губерт? — спросил Джон Льюис.

— На этот счет у меня есть кое-какие идеи,— ответил Губерт, переминаясь с ноги на ногу.

— Я понимаю, это не визит вежливости. Небось, торопитесь огрести денежки?

— Да, мне хотелось бы получить их как можно быстрее.

— Тогда вот что. Не стану я ждать, пока их привезут, съезжу сам и к семи часам приду с ними к вам. Вас это время устраивает?

— Вполне,— ответил Губерт.

Провожая Губерта до дверей, Джон Льюис снова хлопнул его по плечу.

— Ну и повезло же вам, дружище!

— Жду вас к семи,— сказал Губерт.

Везение здесь ни при чем. Просто дождался своего. Жизнь платит ему по давно просроченному счету.

Едва за Губертом закрылась дверь, улыбка слиняла с лица Джона Льюиса. Он сунул руку в карман, рывком вытащил деньги, смял банкноты в огромной ладони, швырнул зеленый комок в стену и сам повалился на диван.

— Ну и ну, болван несчастный,— скрежетал он и хлопал ладонью по лбу.

— Ада, Ада! — позвал он жену, дремавшую в спальне. Та что-то пролепетала во сне, и он гаркнул: — Вставай и иди сюда!

Трясущимися руками достал сигарету, подобрал комок с пола, подошел к окну и разорвал деньги на мелкие клочки. Легкий ветерок

Г. Томенко (Харьков). ВСТРЕЧА ОДНОКЛАССНИКОВ.

Е. Гудин (Свердловск). ПОЛЯРНАЯ АВИАЦИЯ.

ПРАВДА СЕКРЕТНОГО ФРОНТА

В своем новом романе Аркадий Первенцев глубоко раскрыл очень сложную тему, которая на нашей литературной карте уже не одно десятилетие была белым пятном. Жестокая борьба с бандеровскими бандами, люто сопротивлявшимися утверждению народной власти на землях Западной Украины, действительно была тем секретным фронтом, где враг стоял не просто на противоположной стороне баррикад, а вел яростный огонь со всех сторон, искусно маскировался, хитрил, прятал свое волчье нутро в овечью шкуру.

Кого назвать мне из героев «Секретного фронта», которыми так густо населен новый роман Аркадия Первенцева?

Вот один из них — секретарь райкома партии Ткаченко. Неожиданно захваченный переодетыми в форму советских офицеров бандеровскими «эсбистами», он с повязкой на глазах смело едет ночью в самое логово врагов — к курсантам школы имени Евгена Коновальца, выступает перед выстроившимися бандеровцами и, находясь под направленными на него пистолетами, бесстрашно призывает тех, кто обманут сбежавшими за кордон предателями, одуматься и, пока не поздно, вернуться в родные дома, в родные села, к родным пашням.

Читатель проникается чувством глубокой симпатии к таким мужественным и благородным людям, как лейтенант Кутай, начальник отряда пограничников Бахтин, уполномоченный райкома партии Забрудский, начальник политотдела Мезенцев, старшина Сушняк, генерал Дудник, сержант Денисов, начальник заставы Галайда... И, конечно же, один из самых ярких, одухотворенных образов в романе — обаятельная и героическая девушка Устя из приграничного села Скумырды.

Те, с кем они воюют — Очерет, Бугай, Капут, Лунь, Катерина, Танцюра,— враги жестокие и опасные, но они заведомо обречены на гибель. Это уже хорошо понимает Стецко — связник, захваченный нашими пограничниками, едва лишь он ступил на землю Украины.

Рассуждения Стецко не лишены реальности: «очеретовщина» отжила свой век, секретная война меняет формы, пистолет, граната, удавка — чепуха, средневековье. «Не нужен ни плащ, ни кинжал, ни темная ночь! Все — при ярком свете люстр, даже хрустальных, в кондиционированных кабинетах, на встречах и конференциях».

Теперь у врагов иная, более «тонкая» ставка: надо «постепенно и неустанно развинчивать шурупы, скрепляющие идеологическое единство мощной державы, которой стал Советский Союз». Стецко и его закордонный духовный отец Роман Сигизмундович надеются, что именно национализм может стать той безотказной отверткой, с помощью которой можно «развинтить» социалистическое государство.

«Секретный фронт» А. Первенцева убедительно показывает банкротство, несостоятельность этой «идеи».

Автор «Кочубея» и других широко известных книг создал новое произведение о неодолимой силе нашего народа.

Михаил АНДРИАСОВ

Аркадий Первенцев. Секретный фронт. Роман. Журнал «Октябрь» №№ 8, 9, 10 за 1971 год.

ЧИСТЫЙ ГОЛОС ЛЕСИ

Леса, леса... Сколько их в этом заповедном крае! Стоят они задумчивые и хмурые, а то вдруг зашумят, заговорят на ветру плеском листвы и, кажется, вот-вот начнут свою повесть о славных сынах Украины, сражавшихся за свободу народа.

Ах, как хочется все это знать маленькой девочке с косичками, стоящей у старого великана дуба! Вокруг нее прекрасный мир: белые хатки, сады, покрытые весенним цветом, спокойная река Случь, мягкая, певучая речь ее соотечественников...

Так мы знакомимся с героиней книги Миколы Олейника «Дочь Прометея» на заре ее жизни. Эта книга — своеобразная дилогия, состоящая из двух повестей: «Леся» и «Одержимая»,— в которых автор рассказывает нам о жизненном пути и творческой деятельности замечательной украинской писательницы и общественного деятеля Ларисы Петровны Косач, широко известной под именем Леси Украинки.

Первая повесть посвящена детским и юношеским годам Леси, ее стремлению найти себя в поэзии. Гостеприимный родительский дом, первые прочитанные книги, первая услышанная на празднике Ивана Купалы сказка о могущественном цветке папоротника, дающем людям счастье и красоту, случайная встреча со слепым нищим кобзарем, воспевающим ратные подвиги Кармелюка, робкие попытки Леси передать свое сокровенное в музыке и стихах... Эта повесть о девочке, живущей в образах легенд и в то же время уже старающейся по-взрослому помогать ближнему, обездоленному.

В повести «Одержимая» М. Олейник рассказывает о наиболее зрелом и плодотворном периоде жизни Леси Украинки. Автор рисует многогранный образ больной, измученной, но не сломленной тяжкими обстоятельствами женщины-патриотки. Именно в эти годы создает она свою знаменитую «Лесную песню». Все отдано творчеству: моральные и физические силы, любовь, надежды. Откуда эта духовная стойкость, это мужество? Автор умело раскрывает перед читателем «чудо» подвига. Лесе Украинке была свойственна органическая верность народу, демократическим идеалам, та внутренняя собранность, когда человеку, преданному одной идее, чужды мысли и заботы о себе самом, а есть цель — осуществить мечту всей жизни. А светлую мечту убить нельзя, нет таких сил на земле.

Сложным, подчас противоречивым был путь Леси Украинки. Но путь этот был освещен любовью к простым людям и ненавистью к их угнетателям. Их было много, душителей прогресса. Но рядом с Лесей Украинкой всегда находились друзья — и Иван Франко, и Микола Лысенко, и Михаил Старицкий, и передовые деятели других культур — русской, грузинской, итальянской. Тесная связь с народом, с его лучшими представителями всегда помогала Лесе Украинке, в ней она находила истоки для своего мужества.

М. Олейник с удивительной достоверностью и поэтичностью ведет свое повествование — будь то эпизоды о людях, повлиявших на становление гражданственной личности героини, или политические события, участницей которых была сама Леся Украинка.

Читатель расстается с Лесей в тот момент, когда она продолжает работу, когда сердце ее горит творчеством, а мысль — вдохновением. Мы слышим ее голос, ее монолог: «Спасибо вам, Люди! Я не сержусь за свои муки, не ропщу на свою судьбу, они дали мне силы Прометея, силы народного терпения. Ими я буду жить, у меня в сердце то, что не умирает. Я иду к вам, Люди!»

В год, когда народы нашей страны отмечают 50-летие образования СССР, с особенным чувством признательности к автору воспринимаешь талантливую книгу М. Олейника о жизненном и творческом подвиге одного из выдающихся деятелей украинской культуры — Леси Украинки, женщины с сердцем Прометея.

Н. ЗАМОШКИНА

Микола Олейник. Дочь Прометея. Повести. «Советский писатель», 1971.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОБЕД

Не хотелось бы начинать с избитой истины, но что поделаешь: время действительно быстротечно. На стадионы теперь ходят молодые люди, которые не знают Юрия Власова — абсолютного чемпиона мира по штанге, чемпиона Олимпийских игр, обладателя рекордов, в недалеком прошлом потрясавших воображение каждого, кто не чужд спорту.

Юрий Власов давно понял, что слава, завоеванная на белом квадрате помоста, гаснет чуть ли не вместе с юпитерами, которые освещают этот помост в день последнего выступления спортсмена. И так же давно он уяснил для себя, что воля, воспитанная спортом, не пропадет даром, если человек захочет продолжить свой победный путь на другом поприще.

Я видел Юрия Власова на помосте много раз, и меня всегда поражали его легкость и изящество обращения с чудовищно тяжелой штангой. Он иронически улыбался, когда ему бывало предельно трудно, и было ясно, что улыбается он не «на публику», не для фоторепортеров, а самому себе. Ты взялся бороться с железом, так будь любезен — не жалуйся, не показывай другим, какую тяжкую выбрал себе роль. Вероятно, в этом заключается для него вся философия спорта и человеческой деятельности вообще.

Теперь, когда вышла в свет уже вторая книжка Юрия Власова, можно с большой степенью уверенности говорить в применении к нему, что если уж человек талантлив от природы, то совсем неважно, в чем его талант проявляется. Все зависит от выбора, который человек делает на заре своей юности.

Вот перед нами книга «Белое мгновение». Я прочел ее и подумал, что те молодые люди, которые не знают Юрия Власова-спортсмена, узнают теперь Власова-писателя.

В спортивных рассказах Власова неизменно присутствует один мотив — преодоление слабости, не физической только, но и душевной. Сильный человек, познавший тяжесть и радость физических побед, может найти продолжение этим победам в духовной сфере. Так думает Юрий Власов, так говорит своей книгой.

О. ШМЕЛЕВ

Юрий Власов. Белое мгновение. Издательство «Советская Россия», 1972.

К О Р

Шакро РОМАНАДЗЕ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Два года меня не было здесь...

Я стою на теплой дороге. И жадно гляжу вокруг и жмурюсь, чтобы сдержать слезы. Все мои сны, сладко тревожившие меня два года, возвращаю я сейчас тебе, Аджария... Ребята вы мои, дорогие мои дружки в зеленых гимнастерках, я говорил вам правду: нет на свете другого такого края...

Но что это? Почему я не узнаю своей деревни?.. Все те же горы вокруг — сомкнулись плечом к плечу; все тот же облик дорогой родины, где прошли девятнадцать лет жизни, почти вся моя жизнь... Не узнаю я своей деревни и думаю: да, два года — это очень много по нашим временам. В центре деревни все новое — школа, клуб, детский сад. Побежали во все стороны столбы электролинии... И дороги, дороги! Почти к каждому дому протянулись серые асфальтированные дороги.

Вот и эта дорога — проследив взглядом по всем ее крутым извивам, я понял, что это и есть новая дорога к нашему дому. Я мог бы взбежать к нему напрямик по склону, через мандариновую рощицу, но вместо этого направился по гладкой дороге, с удовольствием повторяя все ее повороты. Сердце мое стучало — не от усталости! — стучало, стучало в груди. И, чтобы не обронить его на горячий асфальт, я часто останавливался и крепко прижимал к груди руку...

Деревенский люд был, видимо, на колхозных плантациях. А то бы... О, вы же знаете наших людей! Если бы хоть один человек увидал меня, какой бы сейчас начался тарарам! Деревня загудела бы, как улей: Нодар прие-ха-ал! — и уже кто-нибудь бежал бы ко мне, раскрыв для объятия руки... Всё бросили бы и толпами, толпами бежали ко мне: шутка ли, человек вернулся из армии!..

Ах ты, мое родное небо, моя хорошая новая дорога, совершающая плавные повороты, как танцующая девушка!.. Как мучились мы раньше, чтобы подвезти что-нибудь к дому! Тогда к нам въехать можно было только на арбе. Если надо было привезти со склада кукурузу, муку или пшено, что выдавали нам на трудодни, мы впрягали в арбу пару сильных быков. А подъехав к горе, отец призывал на помощь соседей — и вот пять-шесть здоровенных мужчин подталкивают арбу сзади... Когда же нужно было нам везти на сдачу фрукты из сада, колеса арбы крепко увязывали веревками, прежде чем начинать спуск, и еще тянули назад за задок арбы, упираясь пятками в землю, — иначе все полетело бы вниз: и арба, и быки, и наши мандарины — яблоки...

Шальной осенний ветер джигитует вокруг, ворошит опадающую листву яблонь и груш — переполох, шум, золотая метелица!.. Мои армейские дружки! Лишь по этой листве вы могли бы угадать, что сейчас осень, а не весна или лето. Вокруг сочные плантации, субтропическая темная зелень, а в России я оставил морозы и снежные бураны...

Дом, вот он, уже почти рядом! Вижу впереди новые высокие ворота — отец, видимо, расстарался... На повороте я остановился, поставил чемодан на придорожный камень, стянул с головы пилотку и утер потное лицо. Да, жарковато у меня на родине. Глубоко вбираю в себя воздух, насыщенный запахами мандариновых и лимонных кущ.

И вдруг совсем недалеко, в траве, возле засохшей корявой ольхи, я увидел большие темные черепки.

Квеври [1]! Те самые осколки квеври, которые мы с отцом бросили когда-то под это дерево! Лежат все там же, лишь завалило немного глиной. Видимо, проутюжил здесь бульдозер когда строили дорогу...

Квеври, древняя квеври в сплетении могучих корней! Воспоминание двухлетней давности ожило, будто вчерашний день, и я склонил голову, словно опять стоял на краю развороченной взрывом ямы.

* * *

...Через неделю я должен был идти в армию.

У отца я был единственным сыном, и в эти последние перед разлукой дни он как-то очень переменился. Вдруг бросал дело и подолгу издали смотрел на меня. Затем могуче крякал и отворачивался в сторону. Часто подзывал к себе и просил подсобить в работе...

Однажды утром он повел меня вниз, к дальнему краю нашего приусадебного участка. Там, позади мандариновой рощицы, стоял огромный многовековой граб. Ветви его были обрублены, но мощный ствол высоко поднимался к небу. Вокруг дерева цепко сплелись заросли диких колючек.

— Ты знаешь, сынок, что это наш позор? — указал отец на колючки. — Во всей деревне уже ни у кого не осталось такого безобразия, только у нас... Слышал я, когда шел на днях мимо конторы, что говорили люди про меня... Каждый, мол, старается расчистить лишний клочок земли, чтобы посадить чай или тунговые деревья, а этот держит у себя колючки и даже ухаживает, наверное, за ними... Ха! Ха-ха! — прокашлялся отец. — Это я-то ухаживаю за колючками?! Вот что, сынок, народ прав: давай-ка сведем всю эту срамоту. А на этом месте устроим что-нибудь путное... Ну, мандаринов еще понасажаем или чай.

— Давай! Я согласен. — Мне его идея пришлась по душе. — Только как мы управимся с этим деревом? — Я показал на старый граб.

— Так он уже гниет, срубим его под корень! — решительно проговорил отец. — Срубим и выкорчуем.

Однако у граба были такие могучие корни, что, если даже несколько человек начнут обрубать их топорами, им не хватит недели. Отца же я знал: если он возьмется за топор, то уж будет махать им хоть всю жизнь, а не отступится.

Помог колхоз: и посоветовали в правлении и помогли достать все необходимое...

Мы выкопали меж корней дерева яму и набили туда аммонала. Протянули бикфордов шнур к взрывателю, засыпали все и утрамбовали землю. На это ушло два дня.

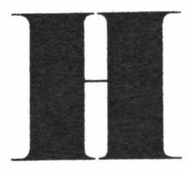
...Когда шнур зашипел и задымился, мы с отцом переглянулись и, не говоря друг другу ни слова, кинулись вверх, к мандариновой рощице. На ногах у отца были старые сапоги без голенищ, неровно обрезанные у самых щиколоток. Ноги болтались в них, отец то и дело спотыкался и чуть не падал, тихо воск-

[1] Квеври — большой глиняный кувшин для хранения вина в земле.

лицая: «Вай!» На бегу я придерживал его за рубаху.

Мы подбежали к огромному обомшелому валуну и спрятались за него, низко пригнув головы. Грохот раздался страшный, дрогнула земля. На наши головы посыпались комья глины, камешки, искромсанные ветки... Отец вскочил на ноги и начал кашлять, стянув с головы белую шапочку, стал выбивать ее о колено. А я, пригнувшись, лез рукой за ворот рубахи и стряхивал с шеи колючую труху.

Что же мы увидели?.. Огромный граб не только был вырван с корнем — его выкинуло взрывом и перебросило через шоссейную дорогу. Там он и валялся теперь вместе с растерзанными пучками дикой колючки. Мы с

отцом снова переглянулись, но на этот раз в его глазах не было страха — в них светилось веселое торжество.

Вскоре собрался народ, не занятый в этот час работой: старики с палками в руках, бывший директор школы, ребятишки; старики хвалили отца: доброе, мол, затеял дело.

Я подошел к ним, серьезный, вежливый, как и подобает выглядеть молодому человеку, готовому впитать в себя стариковскую мудрость... Но вместо обычных торжественных речей на этот раз я услышал совсем другое. Старики вспоминали, как неуютно выглядели раньше окрестности деревни, как задыхалась земля под зарослями злостных колючек. Не то что сейчас — вон какую красоту развели кругом: лимоны, мандарины, чай... «Субтропики! Субтропики!» — важно кивали старики.

Вдруг один из них, тощенький и крошечный, но с грозными и острыми, как кинжалы, усами, что-то любопытное заметил в путанице рваных корней и ткнул туда тростью.

— Люди, кто мне скажет, что это такое? Я на этом свете видел всякие камни, а вот такого еще не приходилось...

Мы все, стоявшие вокруг, тоже посмотрели в яму. Оборванные корневища белели, как кости, мелкие корешки свисали со стенок рыжими лохмотьями. Какой-то босоногий мальчишка спрыгнул вниз... И вот уже передают из рук в руки этот странный камень. Бывший директор школы взял у отца лопату и очистил камень от земли. Внимательно осмотрел он то, что было у него в руках, и взволнованно, тихо произнес:

— Квеври!

Да, оказалось, осколок квеври! Осторожно покопали еще и наткнулись на квеври — сотни лет назад кто-то закопал в землю огромную глиняную квеври. Эта весть мигом облетела всю деревню, и вот уже, забросив дела, спешат, торопятся к нам люди. Каждый хватал, что под руку попадется, и принимал участие в общей работе... И вот перед нами огромный древний сосуд. Когда-то, очень давно, граб корнями намертво обнял квеври, сверстницу своей зеленой юности. Проходили годы, века, объятие это становилось все крепче — и постепенно в прохладной глубине земли, недоступной для суеты времени, корни дерева и глиняная квеври стали единым целым. Теперь старый граб никому не хотел отдавать ее, и, чтобы навсегда утвердить свое владычество над нею, он раздавил квеври в объятии и пропустил свои корни во все трещины... Перед притихшими людьми явилась древняя повесть, драматическая, как сама история Аджарии...

Тощий старичок с усами, как кинжалы, вскинул над головою руку.

— Вот настоящий грузинский винный сосуд! — торжественно произнес он. — О чем он нам говорит? Он говорит о том, что здесь, в нашем жемчужном краю, в старину было развито виноградарство. Это сейчас у нас появились мандарины, лимоны, чай... В общем, субтропики. Все это появилось у нас, когда пришла к нам Советская власть.

Старики согласно закивали, начали крутить прокуренные свои усы, одобрительно зашумели:

— Да, да! Субтропики!.. Кругом субтропики!..

— А я слышал: раньше здесь было только виноделие да животноводство.

— Как и повсюду в Грузии.

— Но когда турки оторвали Аджарию от матери-Грузии, решили они в нашем крае уничтожить все грузинское и в первую очередь вырубили виноградники.

— Верно сказано,— подтвердил старик с усами-кинжалами. — Турки уничтожили наш виноград. Даже в лесу, если видели они дикий виноград, уничтожали его. А если у кого находили вино хотя бы на донышке кувшина, всю эту семью вырезали...

Тут старик умолк, набираясь сил после непривычно долгой для него речи, и все вокруг почтительно молчали, ожидая, когда он вновь заговорит. Старик отдохнул и продолжил:

— Известно, что всякое добро человеку достается кровавым потом... А выливать на землю вино, добытое таким трудом... Нет, грузину было легче умереть... Некоторые надеялись, что турки не удержатся здесь долго, и прятали вино. Делали это так: лепили квеври и ночью зарывали где-нибудь в укромном месте. Доверху наполняли квеври вином, на горлышко клали камень и запечатывали пчелиным воском. Закапывали, а сверху сажали грабовое деревце.

— А почему именно грабовое? — спросил парень в клетчатой кепке.

— Почему?.. Нам известно, какой сырой бывает наша земля. А вино не любит сырости: от нее вино со временем превращается в воду и... Там же, где растет граб, не бывает сырости. Никогда не бывает... Но не только ради этого сажали деревце: нужно было обмануть турок, чтобы они не нашли квеври.

— Да, да, так и было,— заговорили старики, когда рассказчик умолк, утомленно склонившись на трость...

Несколько человек вынесли из ямы тяжелый, большой осколок квеври. На внутренней стороне его можно было заметить присохшие и окаменевшие зернышки виноградных косточек.

...Отец, виновник всей этой кутерьмы, молча стоял среди других на краю ямы. Морщинистое, доброе лицо его светилось тихой гордостью. Иногда он, будто ощутив в себе особенно сильный прилив этого чувства, вдруг высоко поднимал голову и орлиным взглядом окидывал соседей... Затем он снова опускал голову, глядя в яму; глаза его светились покойным торжеством, и сухие губы трогала наивная, почти детская улыбка... Никогда раньше я не видел такой улыбки на его лице... Белая шапочка его опять была перепачкана землей, но он, казалось, ничего не замечал. Я снял с его головы шапочку, вытряхнул о свое колено и, подойдя сзади, осторожно накрыл ею седые отцовские волосы. Казалось, отец и этого не заметил.

* * *

Два года меня не было дома, два полных года! Как торопил я время, как медленно оно тянулось, как спешил я в пути, и вот осталось всего несколько шагов до родного порога... Вдруг увидел я осколки старой квеври, и это остановило, задержало меня. Там, на повороте дороги, возле засохшей ольхи, недалеко от того места, где рос когда-то могучий граб... О, эти глиняные таблички, на которых записана история моей родины. И я должен был остановиться и прочесть ее, потому что я уже не тот... уже совсем не тот мальчик.

Вот и наши ворота — новые! — ох и постарался отец: обиты железом, и даже чеканка по железу... И возле этих великолепных ворот рядом с калиткой я увидел еще несколько больших кусков квеври: лежат, как и лежали. Отец, помню, решил перевезти их к дому. Вдесятером еле подняли осколок на арбу. А потом толкали арбу в гору...

И тут я вспомнил письмо отца: «...когда строили дорогу, прямо перед нашим домом я нашел еще одну квеври... Помнишь, там когда-то тоже рос граб, но его срубили, а корни не были выкорчеваны... Целиком взяли квеври, корни на этот раз не раздавили ее. В квеври, которой несколько сот лет, у меня сейчас молодое вино, храню его для тебя, сынок...»

...Вдруг оглушительный гвалт, визг, смех, звонкие детские голоса обрушились на меня. И вот уже я хватаю кого-то и целую, кое-кого из ребятишек я узнаю, а иные мне неизвестны, но я хватаю их всех подряд и целую и подбрасываю высоко, высоко...

Взрослые, наши соседи, появились будто из-под земли и спешат ко мне, широко раскрыв объятия...

А вот и отец, мой сгорбленный отец, стоит в воротах, пиджак накинут на одно плечо, в руке новое топорище... И на морщинистом, небритом лице его улыбка... такая же улыбка, как тогда, возле найденной квеври. Мы обнялись, крепко расцеловались, и я, уткнув лицо в его твердое плечо, тихо шепчу:

— Отец, значит, ты нашел еще одну квеври?

— Да, сынок. Совсем целую,— отвечает отец, и я ощущаю, как дрожат его плечи, и вижу, как ходит под морщинистой кожей кадык и как в чистых глазах отца бриллиантами блестят слезы. — Вот на этом самом месте, сынок, под старыми корнями дерева...

И был устроен пир в честь моего возвращения. Об этом дне, об этом празднике отец мой давно мечтал, и, когда день настал, все было устроено, как полагается...

Тосты! О наши грузинские тосты!..

И самым прекрасным был тост главного тамады... Чудовищного роста, башнеподобный, величественный человек стоял во главе стола, держа в руке огромный рог.

— Друзья мои! — воскликнул он. — Я хочу сказать о том, что волнует сердца всех присутствующих... Да здравствует аджарский народ, который вынес триста лет турецкого ига и сохранил родной грузинский язык, великий язык Шота Руставели! Низкий поклон тем, кто сохранил древнюю квеври, дарующую нам чудесное вино! Такое вино пили наши предки и пьем мы сейчас... За нашу Аджарию, друзья мои, за равноправную в великой семье советских народов Аджарию!

На этом празднике лилось вино, которое перебродило и отстоялось в той самой квеври, что нашел отец перед нашим домом. И вкус этого вина был особенный... Оно пришло на стол из нашего нового виноградника, устроенного отцом на расчищенном месте, где стоял когда-то старый граб.

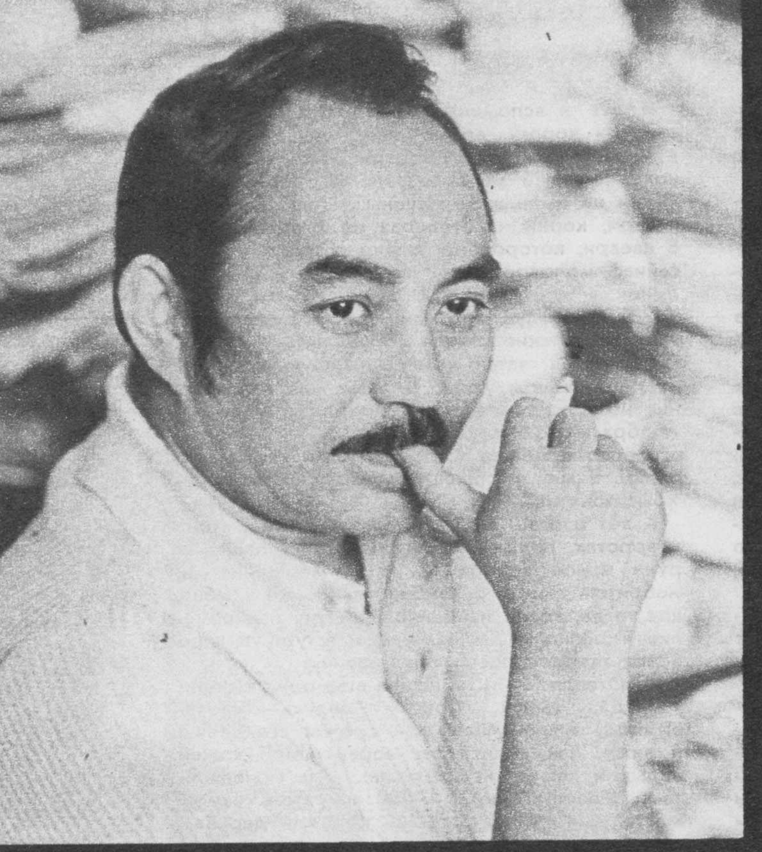
Нет, не стал он сажать там мандариновые деревья. На ту самую землю, что давала предкам виноград, должна была вернуться виноградная лоза. И отец поехал в Кахетию. Он решил привезти оттуда такой сорт, какой разводили у нас в Аджарии. В Кахетии, когда отец изложил свою просьбу, люди совещались целую неделю: никак не могли решить, какой сорт нужен ему. И наконец решили: чхавери — самый старинный сорт, какой знали старики... Виноград у нас прижился — и вот вслед за отцом потянулись в Кахетию со всех дворов деревни. А вслед за нашей деревней тронулась за виноградной лозой вся округа... И на том празднике мы пили вино, таившее в себе и свежесть молодости и горечь старины нашего края.

Отец рассказывал:

— Я ждал тебя, Нодар, и не хотел открывать квеври. Мне хотелось, сынок, чтобы ты сам открыл ее в день своего возвращения... Я ждал сегодняшнего дня... И вот ты дома, и мы пьем вино из квеври наших предков. Но почему, скажи мне, почему чуяло мое сердце, что под теми корнями лежит квеври? Разве это не чудо, сынок? Разве наша жизнь порой не бывает похожа на сказку?..

А я глядел на него и радостно думал: «Ах, отец, отец! Как хорошо, что есть такие люди, как ты...» И хмельной древний сок чхавери затуманивал мне голову, а сердце наполнялось гордостью.

Перевел с грузинского А. КИМ.

Какою будет очередная постановка Азербайжана Мамбетова...

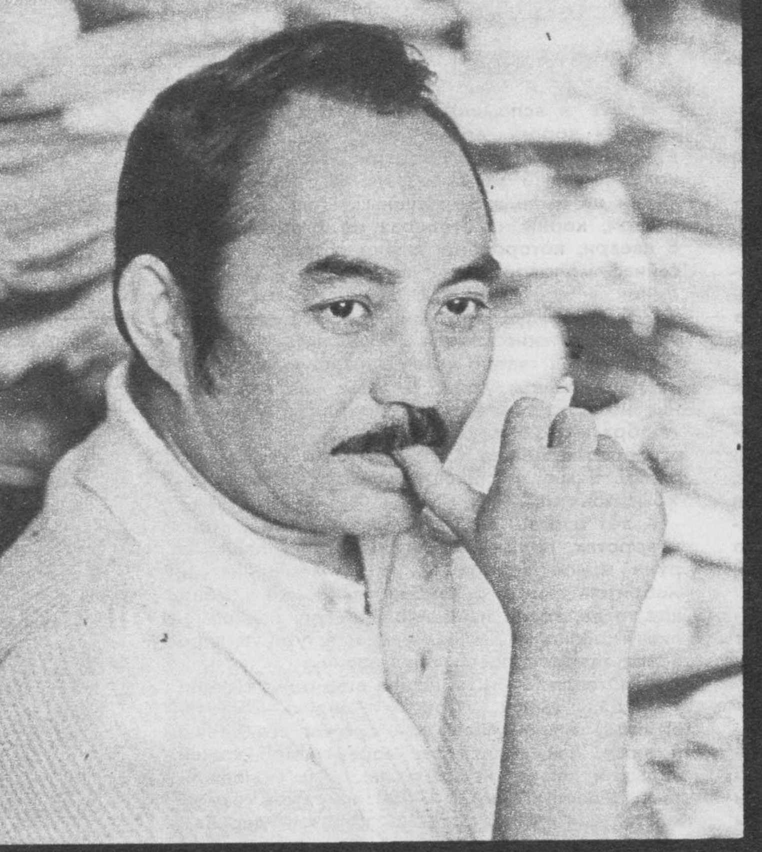
Домашний концерт Газизы Жубановой.

Красавица Баян-слу в исполнении Т. Тасыбековой.

Козы-корпеш — А. Кенжаев.

КРЫЛЬЯ ТУЛПАР

Какою будет очередная постановка Азербайжана Мамбетова...

Домашний концерт Газизы Жубановой.

Красавица Баян-слу в исполнении Т. Тасыбековой.

Козы-корпеш — А. Кенжаев.

КРЫЛЬЯ ТУЛПАР

А...

Н. ТОЛЧЕНОВА,
Л. ШЕРСТЕННИКОВ

Тулпар — это могучий, крылатый конь, рожденный древними сказаниями казахской степи... Может быть, он даже сродни Пегасу, хотя выглядит как-то более «демократично», реально, что ли, наверное, потому, что в одолении бескрайних земных пространств люди здесь нуждались гораздо острей, чем в заоблачных высях...

Сказание о казахских Ромео и Джульетте...

торговли и, совершенствуя, развивать их. Вот, скажем, в министерствах радиопромышленности и торговли нашли еще одну гибкую, учитывающую рыночную конъюнктуру форму продажи телевизоров: старые аппараты принимают в обмен на новые, с доплатой, понятно. Сначала дело пошло оживленно. Но затем притормозилось. Почему? А потому, что, начав эксперимент, сделали только первые шаги. Действительно, удобно ли сначала везти свой приемник в магазин сдавать, а затем ехать за новым. Две утомительных поездки, часто в дальние и разные концы города. У меня, например, стоит старенький «Старт-3», работает исправно, но охотно обменял бы его на новый телевизор. Но как подумаю о предстоящих хлопотах, отказываюсь от такого варианта. Так рассуждаю не я один. А пришел бы кто за телевизором (не в порядке благотворительности, а получив за это комиссионные), охотно отдал бы. Если поставить такое с размахом, то выгодно будет и торговле.

«Сумеем продать!..» Да не зайду я (раз не зайду, значит, не куплю) в магазин, на витрине которого стоит запыленная, сморщенная обувь. И без того не идеальных достоинств штиблеты нередко показываются в магазинах и на витринах столь незаботливо, что пропадает охота покупать. «Сумеем продать!..» — формула эмпирическая. А нынешней торговле не обойтись без науки, без учета данных социологии, различных областей экономики, этики.

В процессе купли-продажи участвуют двое: продавец и покупатель. Мы подошли к рубежу, за которым нельзя терпеть установившийся стереотип прохладного, а порой неуважительного отношения к торговле вообще и к ее представителям в частности. В этом неуважении виноваты во многом мы с вами. Мы привыкли к нему с малолетства и часто поддерживаем его анекдотом, небылицей, раздутым фактом. «Все они такие, в торговле». Какие?

...Но многое зависит и от самой торговли, от самих предприятий службы быта. Больше требовательности к себе, поменьше ссылок на трудности, порой носящие субъективный характер.

О престижности профессии продавца много пишут. Повезло, мол, шахтерам и летчикам, а вот ему, продавцу (или сапожнику, или официанту), места в верхней половине престижной таблицы не осталось. А милиционеру?

Кто «виноват» в повышении престижа милицейской службы? Думаю, прежде всего сама милиция, вся служба Министерства внутренних дел — от министра до постового. Милиционер стал элегантнее, вежливее, тактичнее; наконец, умнее, интеллигентнее, чем был вчера...

Я против того, чтобы механически переносить все это в сферу торговли, в службу быта, но не перестаю удивляться иному директору магазина или ателье, который по инерции ворчит: «Не идет к нам молодежь, калачом не заманишь». А каким калачом-то?

Знаю универмаги (в Воронеже, Виннице), где продавцов принимают на работу по конкурсу («В прошлом году конкурс был легкий,— сказали мне,— пять человек на место»). Есть в Ленинграде универмаг, из которого не удается переманить молодежь ни на какую другую, самую престижную работу...

Не следует преувеличивать значение этих фактов: они пока исключение, а не правило. Но могли бы стать правилом.

Многое ли зависит от того же продавца или от заведующего сапожной мастерской? Давайте разберемся. Обратимся к науке. Специалисты уверяют: форма одежды продавца, его опрятность, его первый вопрос к покупателю повышают товарооборот на несколько процентов. Или снижают. В своем письме в «Огонек» капитан теплохода из Измаила М. Гринспон пишет: «Во многих магазинах и других заведениях вывешивают плакаты «Здравствуйте», «Спасибо», «До свидания». Неужели не понятно, что такие вывески возможны только там, где убедились в безнадежности попыток заставить персонал произнести эти слова?»

Думается, здесь все правильно, кроме слова «заставить». К неряшливому продавцу и впрямь подходить не хочется, а невнимание, невежливость способны отпугнуть любого покупателя.

Открыли в Москве, на проспекте Мира, в доме № 91, красивый («Лучший в городе»,— сказали мне как-то) магазин «Бытовая химия». «Все для быта!» — широковещательно обещали его создатели. Открытие магазина прошло торжественно, празднично. Первые дни новинка привлекала всеобщее внимание. Но вот недавно увидел хвосты очередей к кассам «Бытовой химии». «Какой уж это быт... Намаешься в очередях...» — справедливо сетуют покупатели. Очередь в магазине самообслуживания? Просторный, светлый, на два входа-выхода торговый зал превращен в загон с одной дверью; вторая замурована металлической скобой. Сначала, видимо, стесняясь содеянного, повесили табличку: «Вход временно закрыт». Сейчас и ее сняли. Замок — и дело с концом! Объясняют: нет кассиров. Приводят другие причины. Но от этого суть не меняется. Удобный магазин превратился в неудобный. (Это — и к вопросу о престижности торговой профессии.) В первый день чуть ли не крахмальные халаты, идеальная чистота, даже некий лоск, приветливость. А потом?..

Так называемая спецодежда продавца или приемщика ателье нередко весьма далека от современных представлений о красоте и элегантности (вспомните нынешнюю форму милиционера и сравните). А ведь это важно для установления контакта с покупателем, с клиентом... И, видимо, хорошо понимая это, московская служба быта сейчас заботится о красивой форме для своих сотрудников. Введен нагрудный знак, который станут носить все — от мастера до директора. И особый знак — для приемщиков, для тех, кто первым встречает клиента. В мастерских сейчас заменяют сотни вывесок, оформляют новые витрины. Подобные «визитные карточки» в какой-то мере тоже дисциплинируют службу быта.

А то ведь выработался какой-то стандарт приемных пунктов прачечных — в холодных, сырых полуподвалах. В неуютном коридоре или в каморке выдают пачки готового белья — вокруг серо и неприветливо. В такой обстановке и не очень хорошо постиранная наволочка кажется верхом совершенства. Только дома убеждаешься, что выстирано белье далеко не идеально. Но вспомнишь ведущие в подвал обшарпанные ступени, громко ухающие двери приемного пункта, и не хочется идти туда второй раз.

В тресте «Московские прачечные» мне как-то сказали: «Зимой число людей, сдающих белье в стирку, меньше, чем летом». Ищут разные объяснения. Но забывают об одном: зимой особенно неприветливы приемные пункты большинства прачечных. Может, и в этом тоже дело?

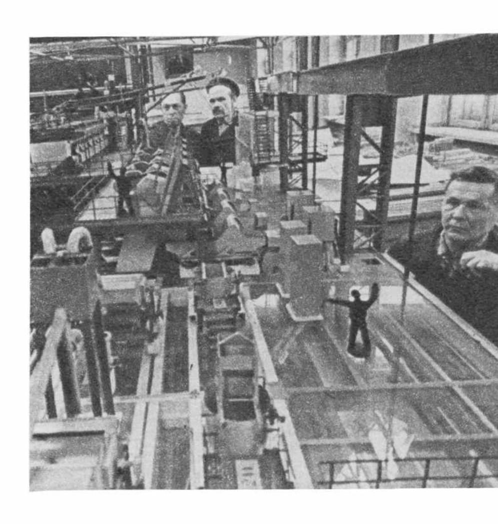
В иных ремонтных мастерских, в некоторых прачечных вошло едва ли не в норму нарушение сроков выполнения заказов. А почему они не несут за это материальной ответственности? Мы доплачиваем за срочность выполнения ремонта того же пылесоса, так пусть уменьшают плату в случае, если срок оказался длительным, пусть оштрафуют предприятие, если оно нарушило этот срок! Скажем, пришли вы в химчистку в назначенный день, а ваш заказ не готов. И автоматически, без чьего-то вмешательства химчистка должна отчислить вам от стоимости заказа какой-то процент. Разве это не логично? Не скажу, что заказчик обогатится за счет такого отчисления, но он испытает моральное удовлетворение. Пожалуй, и химчистке это не будет разорительно. Но если такое нарушение стало системой, тут уж, простите... И появится еще одна форма контроля. Часты штрафы — значит, плохо работает предприятие.

А должны ли деньги за услугу вноситься загодя, должна ли услуга авансироваться? Сдал ботинки в починку, и тут же приемщица изъяла из вашего кошелька некую сумму. Думается, это не совсем правильно. И не только с точки зрения правовых взаимоотношений, но и, как говорится, по-житейски. Скажем, в процессе ремонта появится надобность в какой-то дополнительной операции. Но ведь мастер за нее может и не взяться: не оплачена! Деньги, полученные за несделанное, в известной мере снижают и требовательность, с которой мастер подходит к работе: она ведь уже оплачена... А если мне ремонт не понравился, разве я должен за него платить?

Сейчас служба быта выполняет 400 видов услуг. Среди них и такие, что вчера еще не были известны. Особенно активно действуют тут москвичи, ленинградцы, киевляне. Новые услуги рождаются, старые отмирают. Это в общем-то закономерно. Но иногда искусственно держатся за некогда необходимую, а сейчас вовсе не нужную услугу — и тратят на нее силы, время, средства. Примеры? Приведу самый простой. Лет пять назад промышленность никак не могла удовлетворить спрос на шариковые авторучки. Каждую из них перезаряжали — иногда и не раз. Но вот в магазины хлынули миллионы авторучек и запасных ампул. Цена запасной ампулы — восемь копеек. Надо ли ее перезаряжать, если стоимость такой перезарядки лишь немногим меньше стоимости запасной ампулы? А качество при этом несравнимо ниже. Да и не может быть иначе, потому что ампулы делаются так, что их нельзя перезаряжать. Такова технология. Можно ли, для примера, ремонтировать порванные бумажные стаканчики разового пользования? Кому такое на ум придет! Вот так и с ампулами. Их перезарядка исключена. Это, конечно, известно и руководителям службы быта. Но зайдите в мастерские, и первое, что увидите,— это призыв-объявление: перезаряжайте шариковые ручки! Урон от такой «услуги» очевиден, как от любого брака...

* * *

Да, в быту нет мелочей хотя бы потому, что весь быт состоит преимущественно из «мелочей». Вроде бы отстояли в очереди час, что изменилось от этого? Мелочь. Обычное дело, будни быта... Но ведь это быт, которого не должно быть. И вопрос «быт или не быт?» не так риторичен, как может показаться.

НЕ ПРОСТО ИГРУШКА

За столами, покрытыми листами чертежей, сидели вполне взрослые, солидные люди и занимались каким-то несерьезным делом: клеили из пластмассы кубики, пилили и строгали дощечки, из тоненьких проволочек возводили игрушечную железную дорогу, на рельсы которой ставили целые составы игрушечных же разноцветных вагонов. Я уж хотел спросить: зачем все это? Не дети же... Но тут Михаил Федорович Кривоносов, руководитель отдела макетного проектирования института «Сибгипрошахт», сказал:

— Вот эти люди вдесятером и построили огромную Осинниковскую обогатительную фабрику. — Да, так и сказал: построили. — Понимаете,— продолжал Михаил Федорович, подводя меня к макету фабрики, занявшему большую часть комнаты,— это вовсе не игрушка, а рабочий макет, по которому будут вести монтаж оборудования, прокладывать трубопроводы и т. д. Видите, для удобства он разделен на съемные блоки. Строить будут десятки бригад, и каждая может взять из макета нужный блок и посмотреть, как вести монтаж. Почему не по чертежам, спрашиваете? Об этом все спрашивают. Потому что чрезвычайно трудно разместить на бумаге — и не ошибиться — тысячи единиц оборудования и километры труб различного диаметра. Необходимо объемное проектирование — макет. В ходе макетного строительства, а ведем мы его совместно с проектировщиками, устраняются ошибки и даже вносятся коррективы в проект...

Я заглянул ради любопытства в длинные пролеты игрушечных цехов фабрики, и мне вдруг показалось, что валы машин завертелись, зашумели электродвигатели, замигали огнями пульты управления. Поднял голову — за столами все так же сидели солидные люди и клеили игрушечные вагончики. «Видите, как у нас: за игру в кубики деньги платят»,— засмеялся один из проектировщиков. Но я-то уже знал: устранение только одной ошибки в проекте, обнаруженной в процессе работы над макетом, полностью окупило его стоимость. А перед глазами у меня стояли настоящие цеха фабрики. Теперь приеду в Осинники — не заблужусь...

Ю. ЛУШИН
Фото автора.

Б. СОПЕЛЬНЯК,
Фото М. САВИНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Маршрут нашего путешествия проходил через три республики Поволжья — Татарию, Чувашию и Удмуртию... Еще пятьдесят лет назад, когда они только-только поднимались после гражданской войны и страшного голода, мало кто предполагал, что им суждено стать индустриально развитым краем. В отчете Совету Труда и Обороны об Удмуртии, например, сообщалось: «Область представляет из себя преимущественно лесной и земледельческий район с слабо развитой промышленностью или, лучше сказать, почти с полным отсутствием ее». Всего полтора десятка полукустарных мастерских действовало в краю «лыка и мочала» — Чувашии. Не лучше обстояли дела и в Татарии.

В это трудное время на помощь Поволжью пришли народы всей Страны Советов. Из того же отчета СТО узнаем, что из Курска в Удмуртию прибыло 324 тысячи пудов овса, с Украины — 39 тысяч пудов ячменя и 3 тысячи пудов гречихи, из Орла — 20 тысяч пудов проса... Через год-другой сюда потянулись новые эшелоны: ленинградские, московские и киевские рабочие ехали восстанавливать разрушенные и строить новые заводы. Нужен был уголь — его дала Украина, нефть — Азербайджан, сталью поделился Урал.

Шли годы. С каждой пятилеткой крепли республики Поволжья, а в суровые годы войны они приняли большинство эвакуированных предприятий. Многие из них так и остались в Татарии, Чувашии и Удмуртии, со временем превратившись в настоящие гиганты индустрии. Удмуртия, например, всей стране поставляет станки с программным управлением и нефтяное оборудование, бумагоделательные машины и редукторы, тепловозы, мотоциклы и автомобили, ружья и радиоприемники... Каждый день от причалов Чебоксар отходят теплоходы с продукцией машиностроительных и текстильных заводов и фабрик. Расправила плечи Советская Татария. Во всей Европе нет предприятий, равных Нижнекамскому химкомбинату. Казань — главный поставщик кинофотопленки и кетгута — рассасывающихся ниток, без которых не проходит ни одна хирургическая операция. А заводы моторостроительный, авиационный, часовой, компрессорный, «Теплоконтроль», органического синтеза, меховой комбинат — продукция этих предприятий известна всему миру. Через несколько лет на дорогах появятся мощные грузовики, сошедшие с конвейера Камского автомобильного завода.

Республики, раскинувшиеся на берегах Волги и ее полноводного притока Камы, стали крупными научными центрами. Здесь десятки вузов и научно-исследовательских институтов, в которых работают сотни докторов и тысячи кандидатов наук, академики и члены-корреспонденты АН СССР.

Сегодня мы рассказываем о людях, с которыми познакомились во время путешествия: о татарине, чуваше и удмурте — об ученом, капитане-речнике и рабочем. Судьбы их — это и судьбы республик, входящих в единую семью советских народов.

КАК В КАПЛЕ ВОДЫ

Рашид снял тюбетейку и украдкой выглянул из-за забора — ни души. Очень хорошо! Проскочив заросли чертополоха, он оказался на глинистом берегу Казанки, торопливо разделся, спрятал очки и прыгнул в воду. Тут же вынырнул и суматошно заколотил руками. Хлебнул раз, другой... Захотелось кричать... Но он вспомнил, что нужно вытянуться и делать ногами, как лягушка. Попробовал — получилось. «Кажется, плыву,— не верил он.— Ага, плыву! Я умею плавать!» — радовался Рашид. Правда, тут же подумал, что он единственный мальчишка с их двора, который ни разу не переплыл Казанку... А когда почувствовал ногами дно противоположного берега, все же не выдержал и закричал: «Ура-а!» Через неделю он так осмелел, что попытался переплыть Волгу, едва не утонул, и только случайно оказавшаяся на пути отмель спасла его.

— Да, не приняла меня тогда Волга,— вспоминает Рашид Шакирович.— Но и не погубила, а преподала хороший урок: прежде чем пускаться в большое плавание, как следует к нему подготовься. И все же я Волгу переплыл. Тогда мне было семнадцать. А в лодке сидела девушка, которую я любил. Представляете, каким я себя чувствовал героем!! Да-а, я уже был готов к большому плаванию, поступил в пединститут, но... грянула война.

Рашид Шакирович достал из ящика стола кипу старых фотографий, с которых смотрели мальчики в футболках со шнуровкой, девочки с короткой стрижкой и люди средних лет в толстовках, перепоясанных узкими наборными ремешками.

— Вот это наш двор,— рассказывает Рашид Шакирович, то и дело поправляя очки.— Видите, в углу что-то вроде большого сарая — тут была мастерская, в которой ремонтировали кареты «Скорой помощи». С утра до вечера вертелся я около рабочих, пока они не догадались пристроить меня к делу: учили столярничать и слесарить... А это Владимир Михайлович Добрынин— руководитель радиокружка детской технической станции. Сколько я тогда собрал приемников и передатчиков! Причем все, от катушки до переключателя, делал своими руками. Но самым большим достижением была телевизионная приставка к радиоприемнику, за которую получил диплом Сельскохозяйственной выставки — так до войны называлась ВДНХ,— и был занесен в Книгу почета.

С войны Рашид Нигматуллин вернулся на костылях. Ноги, правда, были, но не ходили. А надо было за что-то браться — учиться или работать. Можно, конечно, вернуться в пединститут и стать учителем: все-таки семейная профессия — отец преподает русский язык и литературу, мать — химию. Да и экзаменов сдавать не нужно: фронтовиков, вернувшихся в родной вуз, встречали с радостью. Если учесть, что до лекционного корпуса рукой подать, а Рашид еще полгода не расста-

---

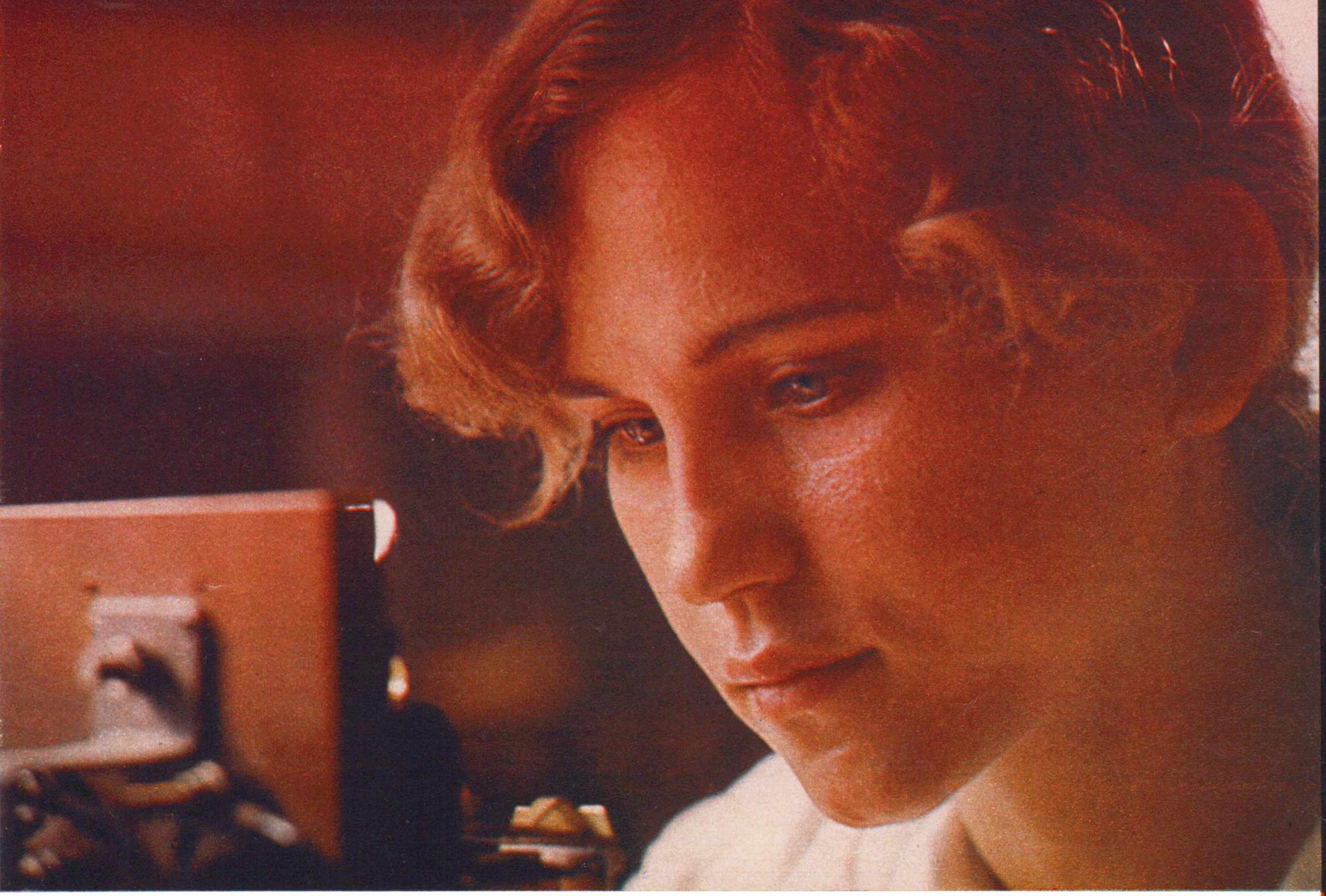
Чебоксары. Улица 50-летия Октября.
Калибровщица приборов Любовь Мефодьева — передовая работница сборочного цеха Чебоксарского электроаппаратного завода. Продукцию сдает отличного качества.
Хлопчатобумажный комбинат в Чебоксарах. В приготовительном цехе ткацкого производства.

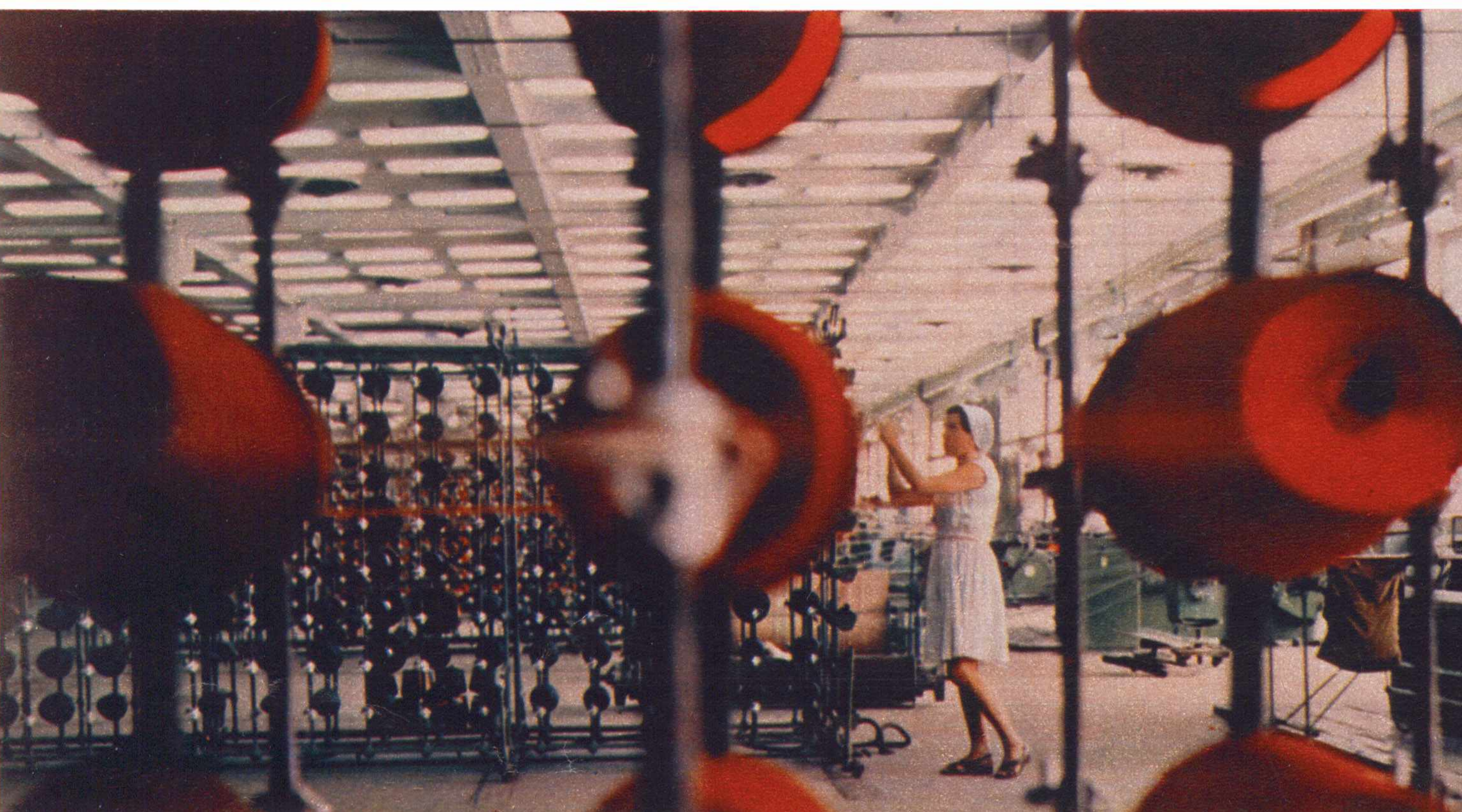
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Рифкат Садиков — слесарь из передовой бригады Нижнекамского нефтехимического комбината в Татарии.
Пульт управления цеха № 6 Нижнекамского нефтехимического комбината.
Ижевск. Монумент, сооруженный в ознаменование 400-летия добровольного присоединения Удмуртии к России.

ТРИ ПЕСНИ О ВОЛГЕ

СССР
АССР

вался с костылями, то это тоже немалое преимущество. Но все решилось по-другому. Побывал в университете, зашел на физмат и, как говорится, услышал трубный глас судьбы: заставленные приборами лаборатории, запах канифоли и сгоревших изоляторов, сложнейшие расчеты, на которые не хватает одной стороны доски... Через два месяца явился на физико-математический факультет, экстерном сдал экзамены за первый курс и стал студентом прославленного Казанского университета.

— Эх, рассказать бы вам, как учились студенты, пришедшие в аудитории с фронта, как нежно относились к девушкам, щеголявшим в платьях из перешитых гимнастерок! — оживился Рашид Шакирович. — А как до хрипоты пели в хорах, плясали в ансамблях! Но это, так сказать, лирика, а физмат есть физмат, к тому же в Казанском университете. Ведь здесь работали Бутлеров и Зинин, Лобачевский и Чеботарев... Требования на факультете были традиционно высокие, но столь же традиционно высоким был и уровень преподавания. На всю жизнь я запомнил лекции профессора физики Е. К. Завойского — ныне он академик. А профессор математики В. А. Яблоков придумал очень интересную систему поощрения: лучшим студентам разрешал вместо себя читать лекции. Представляете, читаешь лекцию своему же курсу! Долго я не мог решить, кем стать: физиком или математиком. Учился отлично, получал повышенную стипендию и, как физик, был председателем студенческого научного общества. Неплохо шли дела и в математике: мне присудили именную стипендию профессора Чеботарева... Выбор профессии, как это ни странно, решила женитьба,— улыбнулся Рашид Шакирович. — Были мы третьекурсниками — на две стипендии семье не прожить, вот я и подрабатывал, ремонтируя всевозможные приборы и установки. А где больше всего приборов? У физиков. Так я зачастил в лабораторию Е. К. Завойского. Потом меня заинтересовал так называемый парамагнитный резонанс. На эту тему и написал дипломную работу. Вот где по-настоящему пригодились навыки радиолюбителя: сам построил установку, на которой провел все нужные исследования... Диплом был с отличием, и я сразу попал в аспирантуру.

Когда Рашиду Нигматуллину сказали, что если он расширит свою дипломную работу и сделает несколько экспериментов, то через год-полтора сможет «защититься», молодой аспирант повел себя довольно странно: изменил тему диссертации. А если учесть, что новая тема была на стыках физики, электрохимии, математики и аналитической химии, начинать нужно было с нуля. Защита диссертации, естественно, отодвигалась на неопределенный срок.

— Увяз я тогда безнадежно,— вздыхает Рашид Шакирович.— В таком состоянии и отправился на научную конференцию в Горький. Плывем мы по Волге, все любуются закатом, веселятся, а я брожу как неприкаянный. На шлюпочной палубе наткнулся на группу известных химиков, которые — я был убежден! — едут громить мою работу. Пригласили в свою компанию, поболтали о том о сем, а затем начали расспрашивать о моем способе мгновенного измерения состава электролита. Монолог я начал довольно сердито, а потом так увлекся, что не заметил, как пошел дождь и мои оппоненты спрятались под шлюпками. Когда я выдохся, раздался хохот! Я страшно обиделся. Потом понял, как смешно выглядел в промокшем парадном костюме. Одним словом, тогда я нашел настоящих друзей, с которыми встречаюсь и по сей день... Защита диссертации прошла благополучно, некоторое время я работал в университете. Потом стал заведующим кафедрой теоретической радиотехники в авиационном институте...

На этом первая встреча с профессором Нигматуллиным закончилась.

— Извините, — сказал он, но у меня сегодня опять схватка со строителями. Пять лет назад я стал ректором Казанского авиационного института и с тех пор веду «битву» со строительным трестом, к сожалению, с переменным успехом. На расширение института отпущены большие средства, а строители никак не приступят к работе. Ну, ничего, этот раунд будет за мной!..

Встретились мы через два дня.

— Давайте махнем на Волгу! — предложил он.

Мы сидели у затухающего костра и, не мигая, смотрели на золотистую каплю солнца, которая погружалась в Волгу. Рашид Шакирович зачерпнул горсть янтарно-солнечной воды, поднес к огню и, близоруко щурясь, сказал:

— Однажды вот такая же капля круто изменила всю мою жизнь... Тогда я начал заниматься теорией радиотехники и на каждом шагу сталкивался с ненадежностью очень ответственных узлов. Представляете, к чему это может привести на самолете или, скажем, космическом корабле! Одним словом, я снова начал жизнь с нуля: забросил налаженное, верное дело и взялся за изучение электрической ячейки. В принципе это капля жидкости, и оказалось, что она на многое способна. Тот же конденсатор накапливает энергию на поверхности пластин, а капля жидкости — во всем объеме. Значит, жидкостный конденсатор может быть в тысячу раз меньше, легче и надежнее. В общем, на эти исследования ушло десять лет, и в шестьдесят пятом году я наконец защитил докторскую диссертацию... Убежден, что моя работа завершилась благополучно только благодаря особому научному климату, созданному в республике столь известными учеными, как Б. А. Арбузов, В. Ф. Торопова, А. М. Васильев — это очень крупные химики. Много сделали для Татарии физики Е. К. Завойский, С. А. Альтшулер, Б. М. Козырев, К. В. Костылев, математики Н. Г. Чеботарев, А. П. Норден, Б. Л. Лаптев...

— А не мешает ли вашей научной деятельности общественная работа? — спросил я.— Ведь вы не только ректор, но и председатель Верховного Совета ТАССР.

— Ни в коей мере! — энергично возразил Рашид Шакирович.— Ученому нужен «выход в мир», ему необходимо широкое, ассоциативное мышление и знание жизни. Больше того, я убежден, что нельзя стать хорошим физиком, не будучи лириком. Не случайно первую в стране светомузыкальную установку «Прометей» создали студенты-авиаторы. Они же сконструировали так называемый малиновый звон часов на Спасской башне Казанского кремля. Да и на меня не раз находили озарения... в концертном зале консерватории, когда слушал фуги Баха... И как эта капля воды является частицей Волги, так и наука — всего лишь часть жизни.

Новые дома на Центральной площади Ижевска.
Участники художественной самодеятельности Ижевского машиностроительного завода.

НА ГЛАВНОЙ ДОРОГЕ РОССИИ

До Чебоксар оставалось километра два, как вдруг из-за поворота показались огромные красные цистерны с надписью "Топливо для ракет". Наша «Ракета-206» вильнула в сторону и направилась к берегу.

— Подзаправимся и побежим дальше,— объяснил Петр Петрович Кудряшов, нахлобучивая свою капитанскую фуражку.

Кудряшову всего тридцать пять лет, а все — от новичка-матроса до бородача-ветерана — величают его Петровичем. По-моему, это говорит о многом. Главное для Петровича — плавать по Волге, а на чем — не так уж важно. Речник он высшей квалификации — капитан-дублер «Ракеты», но если надо, пересаживается на буксиры, катера, паромы. Причем водит их с не меньшим удовольствием, чем свое крылатое судно.

...Петрович потянул на себя рукоятку выхлопа — оба сопла начали выбрасывать отработавшие газы в сторону причала и отжали судно на открытую воду. Капитан подал "Ракету" назад, а потом спринтерским рывком бросил вперед. Через минуту задрался нос — вышли на переднее крыло, а вскоре поднялась и корма. К городу подлетели со скоростью шестьдесят километров в час. Ощущение бесподобное! Правда, для этого надо спуститься в пассажирский салон и оказаться вровень с водой, которая уже перестала быть водой — какая-то пузырчато-пенная масса пролетает мимо иллюминаторов... Через полчаса, приняв пассажиров, помчались вниз по Волге. Вдруг сильный удар потряс суд-

но. Пассажиры испуганно вскочили. Петрович спокойно сказал в микрофон:

— Всем оставаться на местах! Ничего страшного, на бревно налетели. По салону не ходить, детей взять на руки.

Я выглянул из рубки: фарватер, или, как его называют, судовой ход, забит бревнами. Среди них и такие, что могут пробить корпус. Но капитан так искусно ведет «Ракету», что ни одно опасное бревно не коснулось борта. Когда я оторвал глаза от воды и взглянул на капитана, то увидел его руку, до синевы в ногтях сжимавшую штурвал.

А вот и плот, «худеющий» на глазах. Тащит его небольшой буксир «Голубь». На плоту яркая палатка, разноцветный флаг и команда бородатых плотогонов.

— Странно,— удивился я. — Плотогоны вроде опытные, в годах...

— Кой черт опытные! Это же студенты из стройотряда.

Петрович берет микрофон:

— Эй, голуби! Укрепите плот. А то через десять километров из-под вас последнее бревно уйдет!

— Вот и Новочебоксарск,— кивнул капитан на правый берег.

Лет десять назад здесь не было даже пристани, а теперь целый город.

А «Ракета» мчится дальше по волжской глади. Не пустует главная дорога России. Красавец «Дунайский-6» толкает две глубоко осевшие баржи с нефтью из Татарии... Обогнали ладно сбитый плот, сформированный на Покровском рейде в Марийской АССР... Толкач «Направник» ведет баржу с цементом из Чувашии... Паровой буксир, чадя на всю реку, толкает баржу с гравием.

— Ну, вот и встретились! — обрадовался Петрович.— Это «Академик Обручев» — на нем я начинал плавать. Эх, времечко было! — сбив на затылок фуражку, улыбнулся капитан. — Пришел я совсем салажонком, должность — третий штурман. Клеш, конечно, жаргон боцманский, море, само собой, по колено, о Волге и говорить нечего... Заносчивый был. Учился «окать» у шкиперов-волгарей. А на самом деле трусил: пуще смерти боялся напортачить и посадить судно на мель. Знаете, что такое волжский шторм? В большую волну все отстаивались в затонах, а я «самоутверждался». Слава богу, не потопил ни одной баржи... Правда, все это я проделывал, пока капитан был в отпуске или болел. Но как только на борту появлялся Арнольд Янович Озоль, ловил каждое его слово. У него я прошел такую школу, что вовек не забыть!

Вскоре показалось Звенигово, это уже Марийская АССР. С пристани хорошо видны трубы большого судоремонтного завода. Вдруг капитан резко выключил двигатель: «Сормович»! Надо пропустить». Я посмотрел направо и сначала ничего не понял. За низким кустарником надсадно выли реактивные моторы. И под этот рев, окутанный брызгами, туманом, радугой и бог знает чем еще, стремительно несся гибрид самолета и парохода. Он мчался прямо по мелководью, перемахивая через отмели и подминая кусты. Когда видение исчезло, Петрович восхищенно вздохнул.

— Видал, что такое воздушная подушка?! У меня там друг капитанит. На берег сходит сам не свой. «Ничего,— говорит,— не понимаю. Летчик я или матрос? Воды не касаюсь даже рулем, а кругом вроде река!»

Когда подошли к Криушам, Петрович сказал:

— В трех километрах Картлуево — мое родное село.

— Выходит, от этой пристани началась ваша водная дорога?

— Отсюда... Как стал речником? Было это в первые послевоенные годы. Отец погиб на фронте. У матери нас трое. А тут еще засухи. На картошке держались. Трудно было. И понял я тогда, что надеяться мне не на кого и все надо самому... В общем, после школы мечтал об одном: поступить туда, где кормят, одевают, обувают. В военно-морское училище разнарядки не было, а в Горьковское речное оказалось... Так что ничего случайного тут нет, время диктовало, а было оно, как вы помните, нелегким...

Чем ближе к Казани, тем шире волжский плес, тем оживленнее движение. Волга была, есть и будет главной дорогой России. А ее хозяевами становятся капитаны ураганных «Сормовичей», быстроходных «Ракет» и стремительных «Метеоров».

ТАК ЗАКАЛЯЮТ СТАЛЬ

Ружье, хоть убей, не стреляло! Тут уж мастеров взяло за живое: где это видано, чтобы ижевские оружейники не разобрались что к чему?! К тому же это новая модель, пора бы ставить на поток, а двустволка капризничает. Дознались все же: дело в бойке — недокалили, вот он и сплющивается. А все потому, что Василий Иванович Поздеев на «больничном». Есть, конечно, и другие термисты, но они за это дело не брались... Вышел Василий Иванович, повозился у печки, поколдовал — и готово: в самый раз! Боек ведь хоть и мал, а капризен: недокалил — осечка, перекалил — раскрошится. Ну, а если охотник вышел не на зайца, а на медведя или, скажем, на рысь, что тогда?..

— Ох, и повозились мы с тем ружьем,— вспоминает заместитель начальника сборочного цеха Б. И. Омиров.— Это было знаменитое «ИЖ-54». Недокалишь стволы — пропадает резкость боя, перекалишь — трескаются после десятка выстрелов. Но больше всего хлопот было с крюком, который надо припаять к основанию стволов, да так, чтобы этот крюк крепко сидел в ложе приклада. Установим ружье на стенде: ба-бах! — стволы в одну сторону, приклад — в другую! Опять выручил Василий Иванович: освоил латунную пайку. Теперь стволы сидят в ложе намертво.

А потом я встретился с заместителем начальника термического цеха В. А. Лесиным.

— Ружья ружьями! — сказал он.— Их мы выпускали сотнями тысяч, и эту продукцию завода знают во всем мире. Но с некоторых пор мы начали закаливать и цементировать совсем непривычные для нас детали: карданные валы, узлы заднего моста и тормозной системы автомобиля «Москвич», который делают в Ижевске. Я уж не говорю о мотоциклетном двигателе... Так что из оружейников мы превращаемся в машиностроителей. Естественно, пришлось устанавливать новое оборудование и учиться на нем работать. Василий Иванович и тут оказался незаменимым человеком. Привезли, скажем, установку токов высокой частоты — удобная, чистая, я бы сказал, интеллигентная машина, но не работает. Чтобы раскалить ту или иную деталь, нужен катод, который подходит именно для этой детали. Сколько людей билось над расчетами — ничего не вышло. А Василий Иванович сделал такие катоды, которые могли бы послужить темой хорошей диссертации... Дважды избирали Поздеева депутатом Верховного Совета СССР.

В тот день Василий Иванович работал во вторую смену. Я пришел пораньше, но, как ни старался перехватить его у входа в цех, увидел уже на рабочем месте... Представьте невысокого, крепко сбитого человека. Ходит не спеша. То и дело вытирает лицо: что ни говорите, а жар печей дает себя знать. Чуть припухшие глаза давно выцвели — двадцать шесть лет смотрят они на раскаленный металл. Больше всего запоминаются руки: коротопалые, но хваткие, с фиолетовыми следами ожогов.

До обеденного перерыва я не приставал с расспросами, а просто ходил за Василием Ивановичем и смотрел, как он... ничего не делает. Правда, иногда Поздеев нажимал на какую-нибудь кнопку, мимоходом поправлял катод высокочастотной установки, усмирял мельтешащие стрелки приборов... А в обед мы ушли в скверик, разложили на газете огурцы и помидоры, чокнулись бутылками с молоком и приступили к трапезе.

— Песню про провода знаете? — неожиданно спросил Поздеев.

— Это какую же?

— Вот эту!.. — Василий Иванович откашлялся и затянул сипловатым тенорком: — Эх, загудели, заиграли провода, мы такого не видали никогда!

— Знаю, конечно...

— То-то же! — поднял палец Поздеев. — Не будь этой песни, крестьянствовал бы я потихоньку в своем Большом Ирыме. А тут вдруг объявились у нас парни с железными когтями. По столбам лазили, как кошки! Опутали всю деревню проводами, в домах повесили репродукторы и... перевернули мою судьбу. Мало того, что я научился песне про провода, но уже жизни не представлял без железных когтей и связки изоляторов. Одним словом, подался в Ижевск: хотел поступить в училище связи. Но судьба распорядилась по-своему: занятия начались в январе, а я приехал в марте... Бреду по улице, и вдруг встречаю старичка из нашей деревни, перебравшегося в город. Рассказал о своем горе, что нет ни крыши над головой, ни куска хлеба, а о возвращении в деревню не может быть и речи. Послушал старик и предложил работу в артели инвалидов. Что делать, согласился. На следующий день получил деревянный ящик, пару щеток, несколько банок гуталина, место у кинотеатра и стал чистильщиком обуви. Полгода орудовал щетками, а потом сбежал в радиоузел. Сперва был учеником — таскал изоляторы и провода, наконец, и сам начал лазить по столбам. И так до сорок первого года...

Не раз я обращал внимание на то, что как только люди доходят в воспоминаниях до этой даты, лица становятся строже, в них появляется отрешенность, непонятная нам, их детям. Видно, до конца дней своих фронтовик так и останется фронтовиком, и это высокое звание будет поднимать его над всеми, кто не нюхал пороха.

— Призвали меня в августе,— рассказывает Василий Иванович. — Сперва был зенитчиком, потом перевели на «катюши». Вот где было горячо! Носились с фронта на фронт, с одного направления главного удара на другой. То надо «накрыть» аэродром, то колонну танков, то окопавшуюся пехоту. Дадим залп — и ходу. Километров через десять остановка — и снова залп! Так наша гвардейская бригада пронеслась по Украине, Белоруссии, Молдавии, Польше, Чехословакии, Румынии... В сорок шестом демобилизовался и пришел на механический завод. Жена, правда, звала к себе, на машиностроительный, но я привык к горячей работе и устроился сюда, в термический цех. Пришел, помню, оформляться и глазам не верю: ведь до войны на этом месте были огороды, я тоже здесь картошку сажал, а теперь — огромный завод. Да, пока мы воевали, в тылу тоже время даром не теряли... Пошли-ка в цех,— поднялся Василий Иванович,— кой-чего покажу.

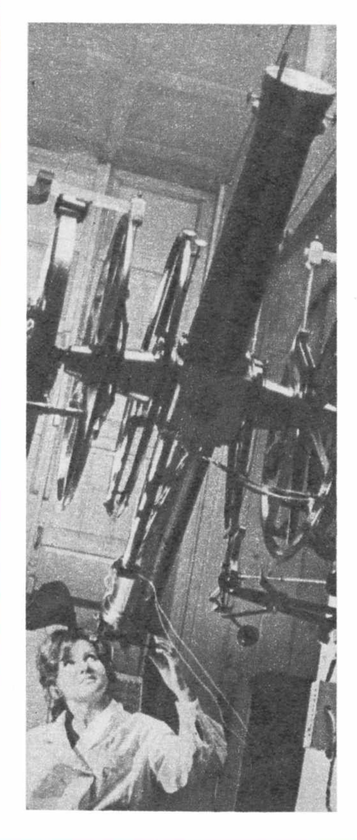
Когда мы нырнули в зной термического цеха, Поздеев остановился у большой электрической печи и взмахнул рукой:

— Ничего этого не было. Здесь стояли мазутные печи. Чад был — в десяти метрах друг друга не видели! Все делали вручную: открывали заслонку, загружали детали,— ждали, пока раскалятся, и кидали в бак с водой или с маслом... То ли дело теперь: нажимай на кнопки да следи за приборами — вот и вся работа. Правда, иногда стрелки показывают не то, что надо, тогда приходится залезать в утробу печи. У каждой ведь свой норов, свои капризы, иной раз такое могут учинить, что всю дневную продукцию хоть выкидывай. Но я их изучил! Одной дашь кнута, другой — пряника, и работают как часы. Видите, у этой «старушки» пониженная температура — всего девятьсот градусов. От хилости это, как и у людей. Ничего, сейчас добавлю напряжения, а завтра поставлю новый трансформатор — и будет у нее вторая молодость...

Василий Иванович ушел к пульту управления и принялся щелкать переключателями. А из раскаленного зева печей выскакивали и выскакивали детали, без которых ружье, хоть убей, не стреляет, а машина не слушается тормозов.

БЕССОННОЕ СТОЛЕТИЕ

В наш век точнейшие приборы не успевают изнашиваться, они морально стареют, уступая место более точным, более совершенным. А прибор, который вы видите на снимке, уже второе столетие отлично служит людям, которые пытливо всматриваются в небо.

Почти сто тридцать лет назад известный астроном Василий Федоров вместе со своим учителем Василием Струве создал обсерваторию Киевского университета. По их замыслу на одном из городских холмов архитектором Беретти было построено здание с куполообразным верхом, который рассекала щель. Узкая полоска неба, видная из нее,— это космический пост киевских астрономов. Больше ста лет нацеленный в небо бессонным оком, несет свою верную службу необычный, похожий на пушку с тройными колесами прибор. Это меридианный круг, с помощью которого определяют точное положение звезд.

В свое время здесь было проведено немало интересных наблюдений, в том числе определена разница долгот Киев — Варшава, Киев — Одесса, именно здесь началось систематическое изучение орбит небесных тел. И сегодня старый прибор безотказен. С его помощью в соответствии с международной программой было закончено составление каталога ярких звезд «своей» части неба.

С. КАЛИНИЧЕВ,
собкор «Огонька»
Фото А. Бауэра и В. Шилова.

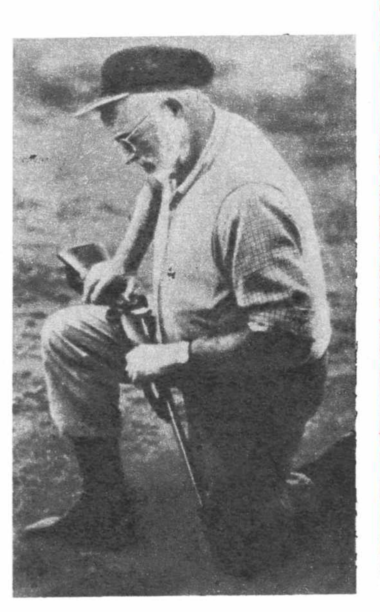
ПРИСТРАСТИЕ ПО НАСЛЕДСТВУ

В работе IX Международного конгресса биологов-охотоведов, проходившего в Москве, принимал участие человек, фамилия которого знакома не только исследователям животного мира, но и миллионам любителей литературы. Я говорю о сыне известного американского писателя Эрнеста Хемингуэя Патрике Хемингуэе, который вместе с другими участниками конгресса посетил наше охотхозяйство. Он много рассказывал о своем отце, о его преданной любви к охоте. Для меня страницы его романов и рассказов, написанных об охоте, любимые.

Патрик Хемингуэй подарил мне редкую фотографию своего отца на охоте, с которой я хочу познакомить читателей «Огонька».

В. АНДРИАНОВ,
директор Безбородовского охотничьего хозяйства Главохоты СССР

На снимках: Э. Хемингуэй на охоте. В. Андрианов и П. Хемингуэй в Безбородовском охотхозяйстве.

Фото В. Пескова.

НАПЕРЕКОР СТИХИЯМ

«SOS»! Этот тревожный сигнал в прибрежных водах раздается чаще, чем в открытом океане. Посылают его суда местных пассажирских линий, рыбачьи шаланды, прогулочные катера. Океанские корабли в большинстве случаев терпят бедствие тоже у берегов.

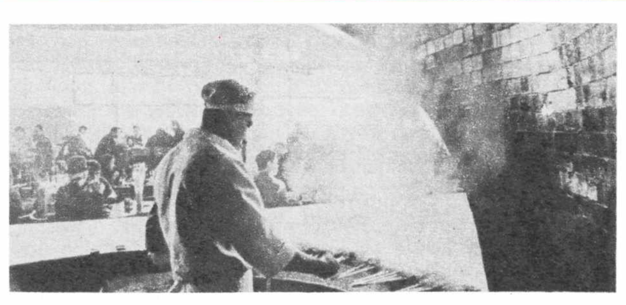
Центральным проектно-конструкторским бюро Министерства морского флота СССР спроектировано скоростное всепогодное спасательное судно.

— Новый «скоростной спасатель» сможет действовать в любых гидрометеорологических условиях с удалением от базы на 200 миль,— рассказывает заместитель председателя всесоюзного объединения «Совсудоподъем» Николай Петрович Дгебуадзе.— Конструкторы позаботились о высокой прочности судна, позволяющей плавать и среди битого льда, о его живучести, хороших мореходных качествах. Оно оборудовано современными буксирными устройствами, приспособлением для подъема тонущих людей, мощными противопожарными насосами и может принять на борт 50 человек, кроме экипажа.

А. ГОЛИКОВ

Таким будет скоростное всепогодное спасательное судно.

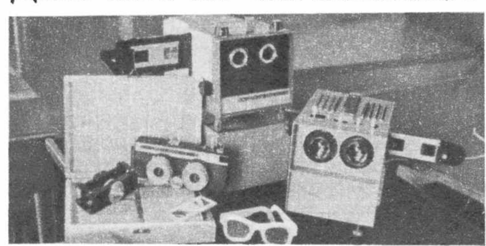
«ГОЛУБЫЕ КУПОЛА»

Любимое место отдыха ташкентцев — ресторан «Голубые купола» в самом центре города. Отведать национальные узбекские блюда — шашлык, шурпу, манты, самсу и, конечно же, знаменитый плов — сюда часто приходят и гости Ташкента.

Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»
Фото Гр. Пуна.

ДОРОГУ... ЗРЕНИЮ!

Приборы, входящие в комплект «Омич-стерео».

Медики подсчитали, что усвоение информации на девяносто процентов обеспечивается зрением, на девять — слухом и лишь один процент остается на долю прочих органов чувств. Именно этим соображением руководствовались преподаватели и студенты Омского политехнического института, когда решили разработать стереоскопический проектор для демонстрации диапозитивов.

Такой проектор уже создан. Называется он «Омич-стерео», и выпускают его в Омске серийно, но, к сожалению, пока в количестве небольшом. А следовало бы начать массовый выпуск такого прибора, с тем чтобы его могла иметь каждая школа, каждый институт. Тут ведь будет и большая экономическая выгода: можно избавиться от неимоверного количества наглядных пособий, кстати, весьма несовершенных. Отпадает необходимость и в макетах, используемых при изучении начертательной геометрии, стереометрии. Ну, и, конечно же, кроме учебного процесса, «Омич-стерео» окажется весьма полезным и приятным для фотолюбителей, которые наконец-то смогут увидеть объекты своих съемок не плоскими, а такими, как мы их наблюдаем в жизни.

Ю. КРИВОНОСОВ

Анатолий СОФРОНОВ,
фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные корреспонденты «Огонька»

рел наши билеты и паспорта, поставил мелом птичку на чемоданах.

Мы покатили коляски в другой зал. Над одной из длинных стоек виднелась надпись «Пан-Америкен».

Едва мы протянули служащему «Пан-Америкен» билеты, как рядом послышался вопрос:

— Вы русские?

Вопрос задал стоявший подле нас смуглый человек.

— Русские.

— Куда летите?

— В Сантьяго.

— Значит, нам по пути. Я лечу на каникулы в Панаму.

— Почему вы так хорошо говорите по-русски?

— Учусь в Ленинграде... Но я не один... Со мной вместе летит Мирта. Она тоже учится в Ленинграде.— Он указал на стоящую в стороне женщину небольшого роста.— Зовут меня Хосе. Нам надо перебраться к месту, где расположена компания «Лан-Чили».

Теперь нас уже было четверо. Метрах в тридцати от справочной у асфальтовой платформы стояли легковые машины с обозначениями авиационных компаний. Их задача — перебрасывать транзитных пассажиров к месту отправки рейсовых самолетов. Здесь же находился небольшой автобус.

— Это наш транспорт,— сказал Хосе.

Через несколько минут мы подъехали к компании «Лан-Чили». Там было столпотворение. В душном воздухе взрывалась испанская речь. Хосе пошел к стойке. Но вскоре, сокрушенно качая головой, вернулся к нам.

— Испанцы летят в Мадрид... Были в гостях у родственников в Латинской Америке. Знаете их темперамент? Скоро они улетят, и мы отметим наши билеты.

Солнце покачивалось в багряно-желтом облаке. Но вот возле стойки «Лан-Чили» стало просторно. Служащая компании устало протянула руку за нашими билетами.

ОГНЕННА

ПУТЕШЕСТВИЕ ПОВТОРИТЬ НЕВОЗМОЖНО

В 1964 году в издательстве «Советский писатель» у меня вышла книга «Путешествие, которое хочется повторить». Основу этой книги составили записки, ранее опубликованные в журнале «Огонек» и частично в журнале «Москва».

В книге рассказывалось о поездке группы советских журналистов в страны Латинской Америки в 1958 году. Привожу один из заключительных абзацев этой книги: *«Но тем не менее я хочу заверить читателей, что это было путешествие, которое хочется повторить. Повторить, чтобы еще и еще раз повидаться с симпатичными и дружественно настроенными к нам панамцами, которые сделали все, чтобы скрасить часы нашего пребывания в Панаме. Повторить, чтобы поближе узнать чудесных перуанцев, проявивших исключительную солидарность с группой советских журналистов. Повторить, чтобы окончательно сломить те искусственные барьеры, которые некоторые круги Соединенных Штатов ставят на дороге естественного желания народов дружить и знать друг друга».*

Что же это такое — «но тем не менее»?

И можно ли вообще повторить путешествие, имея в виду быстро сменяющие друг друга события нашего времени? Не проще ли, пользуясь драматургическим термином, «по ходу действия» рассказать читателям о жизни народа Чили, о стране, решительно ставшей на революционный путь?

В начале июня этого года вместе с Дмитрием Бальтерманцем мы улетали в столицу Чили — Сантьяго.

Самолет «ИЛ-62», шедший через Париж до Нью-Йорка, был заполнен до отказа. Мы оказались среди группы американских студентов, закончивших туристическую поездку по Советскому Союзу.

Уже после Парижа я спросил сидевшую рядом со мной худенькую негритянку, о чем-то самозабвенно разговаривавшую с чрезвычайно серьезным смуглым юношей, на коленях у которого лежала книга о научном социализме:

— Где побывали?

— В Москве, Ленинграде, Минске.

— Какие впечатления?

— Было очень интересно.

Студентам не сиделось на месте. Они бродили по самолету, присаживались друг к другу на ручки кресел... Слышались на английском языке слова «Катюши» и «Гимна демократической молодежи». Пели две голубоглазые девушки... Пели они, как разговаривали, вполголоса, не вовлекая никого в свой дуэт.

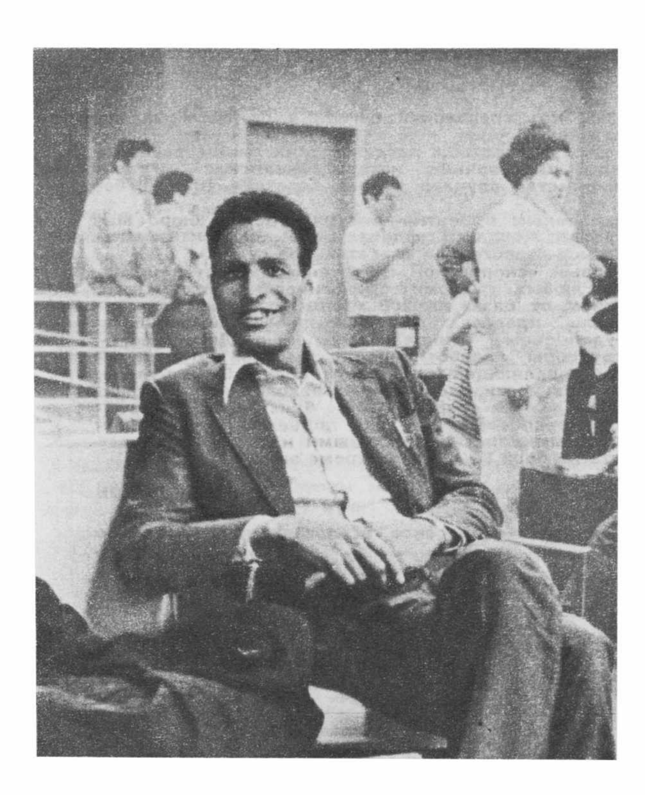
Путь до Нью-Йорка занял тринадцать часов. Но семь часов разницы во времени обеспечили нам прилет в Нью-Йорк до заката солнца. Нам предстояла пересадка на самолет компании «Лан-Чили», который уходил из Нью-Йорка часа через два с половиной. На аэродроме нас должен был встретить один из советских журналистов, работающих в США. Но нашего коллеги мы не обнаружили. Бросили чемоданчики на ручные коляски и отправились к таможенникам. Молодой таможенник посмот-

— Из Москвы,— ответил Хосе.— Все четверо из Москвы.

Избавившись от чемоданов, мы поднялись в хорошо остуженный небольшой белый зал. Хосе снова отправился к информационной стойке.

— Можем отдохнуть,— сказал он, вернувшись,— самолет опаздывает на час.

Мы попросили нашего спутника рассказать о себе.

— Меня зовут полностью Хосе Виллареау Костелло. Мать моя работает санитаркой, отец — экскаваторщик на Панамском канале. Учусь в Ленинграде в медицинском институте. В прошлом году во время отпуска женился. Теперь еду к жене... А это Мирта Гарсиа, она тоже учится в Ленинграде и тоже будет врачом...

— Три года не была в Панаме,— сказала Мирта.— Совсем привыкла к вашей жизни.

Время шло, но объявления об отлете все не было. Хосе не сиделось на месте. Он отправился к информационной стойке.

— Конечно, волнуешься...— сказал он, вернувшись.— Мало что может быть... Три недели назад на таком же рейсе «Лан-Чили» во время полета в уборной взорвалась кем-то подложенная бомба. Вырвало кусок облицовки... Были раненые. Но чилийские летчики все же посадили самолет на Ямайке.

Мы с Бальтерманцем переглянулись...

— Это я читал в газете «Сигло»,— продолжал Хосе.— А недавно я читал о том, что с Панамского аэродрома поднялся самолет, но, не набрав высоту, упал. Надеюсь, у нас все будет хорошо,— закончил свой оптимистический рассказ Хосе.

И все же в конце концов мы оказались в самолете и мгновенно уснули. В Москве было утро, здесь еще только поздний вечер. Проснулись через два часа, уже когда самолет подлетал к Майами. Яркие огни светились под крылом самолета. Через длинный хобот, прильнувший к борту самолета, мы вышли и оказались в небольшом пассажирском вагончике, в две стороны от которого тянулись длинные, ярко освещенные галереи. Радио вкрадчиво мурлыкало «Чикиту». Вместе с Хосе мы зашагали к залу, по одну сторону которого протянулись стойки авиакомпаний, а по другую то, что называется здесь «шопингом»,— магазины с различными товарами. Все они были закрыты, кроме одного, торговавшего сувенирами. Посредине магазина вращался зрачок телевизора, охватывающий своим взором весь магазин, для того чтобы продавщица имела возможность наблюдать за всеми стеллажами — на тот случай, если кому-либо из очутившихся здесь людей пришлось что-либо по душе, а желания заплатить за товар не оказалось.

Неторопливо шагая по пустынному залу, мы подошли к автомату, где за 25 центов можно было выяснить свою жизненную судьбу, но в это мгновение заговорило радио. Хосе смущенно сказал:

— Надо возвращаться.

— Объявлен отлет?

— Нет. Сказали, чтобы русские пассажиры возвращались к выходу.

Надеясь, что следом за этим прозвучит и объявление об отлете, мы направились к контролю.

Но прошел час, затем другой, а мы все еще находились в Майами... За окнами лежала кромешная тьма. Бессонно бродили пассажиры с нашего самолета. Удобно устроившись на стульях, обняв небольшие саквояжики, подремывали три католических священника. Нянчила маленькую внучку пожилая панамка, предоставив возможность поспать своей дочери, аккуратно присевшей на мягкий стульчик, чтобы не помять белые брючки и розовый легкий пиджак...

И все вполголоса журчала мелодичная музыка, словно желая убаюкать пассажиров, застигнутых ночью в Майами каким-то пока еще не известным для нас происшествием.

А происшествие, оказывается, все же было. Неутомимый Хосе обратил внимание на то, что возле большого прямоугольного окна сгрудились несколько пассажиров. В окно виднелся самолет. Один из моторов самолета был разобран. Части мотора лежали здесь же, на асфальте. Несколько человек в комбинезонах, подсвечивая фонариками, копались в моторе. Вокруг самолета стояло каре полицейских.

— Ясно? — спросил Хосе.

— Все же лучше, когда это случается на земле,— сказал Бальтерманц.

— Пожалуйста, не связывайте это событие с теми, о которых я вам рассказывал в Нью-Йорке,— проговорил Хосе.

По радио снова зазвучал голос, нас приглашали не то поужинать, не то позавтракать.

Мы отправились в небольшой ресторанчик, где две сонные официантки, срочно доставленные в аэропорт, метались от стола к столу, разнося кофе и поджаренный бекон.

...Уже начинало медленно бледнеть небо. А возле окна все еще толпились пассажиры... Потом они как-то сразу схлынули и медленно потянулись к контролю, нетерпеливо поглядывая на флегматичных служащих.

...Когда самолет поднялся, было уже совсем светло. Покачивались в заливе стоявшие на приколе яхты. Над океаном поднималось солнце. Большое, громоздкое облако, неравномерно внизу освещенное солнцем, казалось фантастическим атомным взрывом.

— Мотор пока не дымится,— сказал сидевший у окна с фотоаппаратом в руках Бальтерманц.

Мы уходили в сторону океана. По курсу самолета показалось еще одно белое облако, насквозь прошитое радугой. Самолет шел в сторону Панамы... И здесь, пожалуй, можно обратиться к запискам, которые были сделаны четырнадцать лет назад.

«...Комната для почетных гостей вдруг стала заполняться незнакомыми людьми, с любопытством рассматривавшими нас. Их становилось все больше. Мы снова взялись за телефон. Разыскали сеньора Леви — он был в театре.

Один из служащих аэропорта, панамец, наблюдавший все это, шепнул: «Правильно, не соглашайтесь на Лиму».

В полночь приехали сеньор Леви и один из администраторов «Панагры». С приездом представителя панамского МИДа комната опустела. Кто-то сказал:

— Нечистые духи исчезли с появлением ангелов.

После некоторых уже спокойных переговоров пришли к соглашению: нам выдают билеты до Буэнос-Айреса. Сеньор Леви позвонил аргентинскому послу в Панаме: не возражает ли он против нашего вылета в Буэнос-Айрес?

— Нет, конечно,— сказал посол по телефону,— я уверен, что все будет в порядке.

Самолет из Нью-Йорка опаздывал на два с лишним часа. Мы обратились к сеньору Леви:

— Мы понимаем, что вам трудно, но просим вас остаться с нами до отлета.

— А как же может быть иначе? Я уеду с аэродрома только тогда, когда ваш самолет поднимется в воздух».

Помнится, мы тогда, после провокации, которую устроила нам американская авиакомпания «Панагра», успокоенные вмешательством представителя панамского МИДа сеньора Леви, проводившего нас до трапа самолета, мгновенно уснули в своих креслах.

Теперь я снова подлетал к Панаме. К нам несколько раз подходил Хосе. Он оставил свой ленинградский адрес. Хосе заметно волновался.

— Кто встретит? Ожидали к ночи. Везу советское шампанское... Жена, наверно, на работе... Ее никто не отпустит, чтобы меня встретить...

Самолет шел на посадку. Синева океана сменилась яркой зеленью, высокими изумрудными холмами.

В Панаме мы вышли из самолета с Хосе и Миртой. На открытой площадке второго этажа аэропорта стояли люди и что-то кричали.

— Вон мама Мирты, в желтом платье,— сказал торопливо Хосе. Мирта, обернувшись, в последний раз махнула рукой, и мы потеряли из глаз наших случайных добрых попутчиков.

Я ЗЕМЛЯ

На этот раз в аэропорту Панамы все было спокойно. Только щелкали механизмы игорных машин, услужливо поставленных в зале для пассажиров международных линий.

Но спокойствие это было все же внешнее. Американцы все еще хозяйничают в зоне Панамского канала. Все еще они держат за горло экономику Панамы. И вместе с тем зарево, поднимающееся с континента Южной Америки, уже неотступно висит над зелеными холмами Панамы, над комфортабельными домами и отелями, в которых пока еще развлекаются богатые туристы из США, благо что лететь им сюда совсем близко. И все же и здесь, в Панаме, все больше зреют силы сопротивления американским колонизаторам, продолжающим собирать огромные прибыли за эксплуатацию Панамского канала — национальную собственность государства Панамы.

...А самолет все летел в сторону Чили. Нам предстояла еще одна посадка в столице Перу — Лиме.

Что же было в Лиме?

«Перед посадкой в Лиме мы сказали друг другу: во время стоянки не выходим. Но... когда самолет подкатил к аэропорту, мы увидели встречавших нас перуанских журналистов. Что делать? Принимаем решение: половина группы остается в самолете, половина выходит. Спускаемся на землю и попадаем в объятия наших новых друзей. Но представитель полиции говорит:

— Господа, просим вернуться в самолет.

Какой-то служащий протягивает телеграмму от советского посла в Аргентине Костылева. Успеваем прочесть: «Все в порядке. Визы получены. Ждем в Буэнос-Айресе».

И тут же слышим голос администратора «Панагры»:

— Русские журналисты должны покинуть этот самолет. У них будет здесь пересадка с остановкой в отеле, после чего они будут направлены через Бразилию в Португалию и дальше...

Сколько противоречивых сообщений и приказаний! Мы возвращаемся в самолет. За нами — толпа перуанских журналистов, администраторы «Панагры». В окно самолета видим, как на тележку грузят наши чемоданы. Потрясающая оперативность! Администратор «Панагры» наседает:

— Мы требуем, чтобы вы освободили самолет.

— У нас билеты до Буэнос-Айреса.

— Это неважно. Есть другое решение.

— Чье решение?

— Визы отменены!

— Как же так? Утром получены и утром же отменены?

— Да.

— Соедините нас по телефону с нашим посольством в Буэнос-Айресе.

— Это будет трудно,— говорит представитель «Панагры».

Тут же вмешиваются в беседу перуанские журналисты:

— Почему трудно? Телефонная связь с Буэнос-Айресом отличная. Мы поможем нашим советским коллегам.

В сопровождении нескольких перуанцев в аэропорт отправляются Вячеслав Чернышев и Вадим Поляковский.

— ...Визы отменены. У нас есть телеграмма,— упрямо бубнит панагровец.

— Где эта телеграмма? — спрашивает Краминов.

— Вот она.

Телеграмма на английском языке попадает в руки Краминова.

— Но в этой телеграмме нет никакой ссылки на государственные учреждения Аргентины. Переведи ее, Башарин.

Телеграмма переходит к корреспонденту ТАСС. Панагровцы тянут руки к Башарину, но мы заслоняем его.

Башарин во всеуслышание читает:

«...Ни при каких обстоятельствах, повторяем, ни при каких обстоятельствах не допустите прибытия русских журналистов в Аргентину. Кинг Смит».

— Ах, вот оно что, господа! — взрываемся мы.— Вы путаете коммерцию с политикой!»

Да, вот так оно и было четырнадцать лет назад. Кому-то надо было устроить против группы советских журналистов возмутительную провокацию, последовательно ликвидировать одну за другой визы Коста-Рики и Мексики, лишив нас возможности вернуться в Москву согласно купленным билетам. Но благодаря поддержке и помощи перуанских журналистов провокация не удалась. Мы вернулись в Буэнос-Айрес, получив в Сантьяго на аэродроме визы из рук аргентинского консула, который шутливо сказал нам: «Вы, конечно, и дальше можете летать, как вам удобно, но только прошу вас — регулируйте расписание самолетов так, чтобы мне не пришлось больше подниматься ночью для оформления ваших виз».

В тот драматический день, когда мы провели двенадцать часов в аэропорту Лимы, мы застали его еще не достроенным. Сейчас это было прекрасно выглядевшее, просторное здание. К аэропорту подруливал испанский самолет. Видимо, прилетел кто-то из официальных гостей. Прогремел ружейный салют. Застрекотали мотоциклы почетного эскорта...

И снова мы оказались над Тихим океаном, для того чтобы приземлиться на этот раз уже в аэропорту Сантьяго.

В самолете к нам подошел штурман.

— Мы очень извиняемся, что самолет опаздывает,— сказал он.

— Ничего... Когда разлука была долгой, несколько часов не имеют значения.

— А вы были в Чили?

— Да, четырнадцать лет назад.

— Значит, вам будет интересно снова встретиться с нашей страной. Если не секрет, ваши профессии?

— Журналисты.

— Будете писать?

— И писать и снимать...

— Желаем вам успеха.

С этим пожеланием чилийских авиаторов мы и приземлились и под пронзительным, студеным ветром зашагали к зданию аэропорта, с уважением поглядывая на темнеющие вдали вершины Кордильер.

* * *

В самом деле, можно ли повторить путешествие? Как ответить на этот вопрос? Вероятно, ответить на него можно только после окончания путешествия. И все же, забегая несколько вперед, хочется сказать — нет, путешествие, как бы тебе ни хотелось, повторить невозможно. Все меняется в нашем мире. Так же, как нельзя войти дважды в одну и ту же воду, так нельзя и застать все на своих неизменных местах. Даже путь от Нью-Йорка до Сантьяго подтвердил все это.

Перед нами лежала одна из самых длинных и нешироких в поперечнике страна. Нам предстояло окунуться в события ее жизни, события, приковывающие в данный момент внимание всего мира.

Что же мы увидим и как расскажем об этом — вот о чем думалось в то время, когда мы на машине советского посольства в Чили ехали в вечерней мгле по Сантьяго, к отелю «Конкистадор» — месту нашего причала в Чили.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В САНТЬЯГО

Утро в Сантьяго было холодное. Из окна отеля виднелись сутуло шагающие по улице прохожие. Кто был в пальто, кто в теплых тужурках. Легкое марево висело над городом. Но скоро из-за гор появилось солнце, и улицы как бы по-иному открылись перед нами.

Сопровождаемые работниками советского посольства Ю. Бегишевым и В. Прохоровым, мы направились во дворец президента для того, чтобы встретиться с Антонио Бенедикто, советником президента Чили по вопросам печати.

За тяжелыми чугунными воротами группа молодых людей с записными книжками в руках окружила высокого, с острой седой бородкой человека.

— Это журналисты настигли министра обороны Чили и берут у него интервью. Время сейчас сложное, поэтому любое интервью для чилийского журналиста — хлеб насущный,— сказал Юрий Бегишев.

Антонио Бенедикто внимательно выслушал наши просьбы.

— Итак, два основных маршрута? В Чукикамату и к Огненной Земле?

— Да... Ну и, конечно, в Вальпараисо... И в один из районов, где прошла земельная реформа.

— Таким образом, сначала вы едете на север к теплу, а затем летите на юг к холоду?

— Да... получается так.

— Одну минуту.— Бенедикто снял телефонную трубку.

— Он связывается с теми, кто ведает селитрой и медью,— тихо сказал нам Бегишев.— Просит, чтобы вам была оказана максимальная помощь и дана полная информация.

Бенедикто еще несколько раз поднимал и опускал трубку, изредка поглядывая на нас. Потом положил руки на стол и сказал:

— Завтра вас примут в управлениях селитрой и медью... А затем вы можете отправляться в Чукикамату и на шахту «Мария-Елена». Вас там будут ждать. Вы, кажется, были уже в Чукикамате? — обратился Бенедикто ко мне.

— Да, четырнадцать лет назад, при содействии Пабло Неруды и Сальвадора Альенде, который тогда был сенатором.

— Что ж, вам будет особенно интересно побывать там сейчас, когда медь национализирована. А Огненную Землю оставим на вторую половину вашего пребывания в Чили. Впрочем, я и об этом уже договорился.

Мы поднялись.

— Одну минуту,— сказал Бенедикто, доставая из стола несколько книжек,— это мои рассказы... Мне приятно подарить их вам.

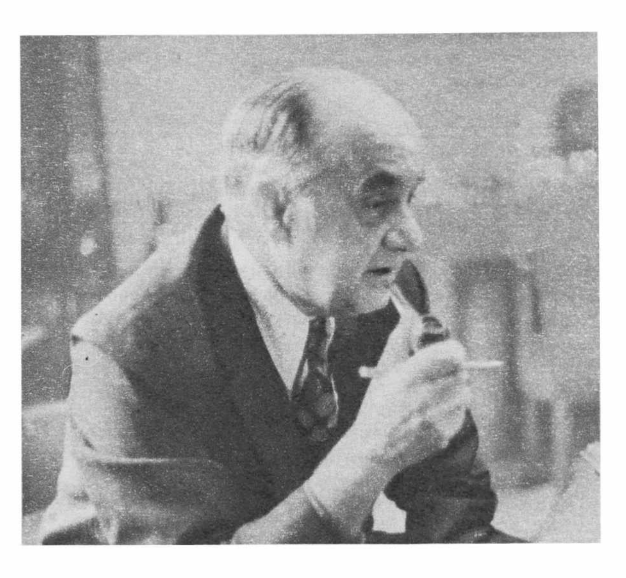
В этот вечер мы бродили по вечернему городу. Кто-то нам говорил, что Сантьяго — безлюдный город... Версия эта оказалась явно несостоятельной. Тротуары были заполнены молодежью. Возле кинотеатров стояли очереди. В некоторых из них шли советские кинофильмы «Освобождение», «Дядя Ваня», «Лебединое озеро». Из кафе и небольших закусочных доносились острые дискуссии. Мы заглянули в один из кинотеатров. В начале сеанса была показана одночастная картина, в которой отдавалось предпочтение рыбным продуктам перед мясными. Натуралистическая съемка забитых быков и телят и — филигранно чистая разделка рыбы, изготовление рыбных консервов. Зал смотрел фильм в полной тишине. Только однажды кто-то свистнул, но на свистуна цикнули, и свист прекратился.

Уже позже мы узнали, что фильм этот был пропагандистским. Проблема мясных продуктов является в настоящее время в Чили одной из злободневных. Ловить рыбу в Тихом океане для снабжения населения Чили помогают советские рыбаки.

В маленьком ресторанчике напротив отеля мы закончили первый день в Сантьяго. Столики здесь только на двоих. За каждым из них сидели парочки. Время от времени парочки целовались. Официантка, проходя мимо одного из столиков, услужливо выключила лампочку, висящую над столиком. Парочка не шелохнулась.

МОНОЛОГИ О СЕЛИТРЕ И МЕДИ

— Все, что вы пожелаете, мы постараемся организовать для вас,— сказал нам директор чилийских предприятий селитры Мигель Лабарка,

когда мы вошли в его кабинет.— Считайте, что вы находитесь у себя дома. Какой вид транспорта вы избрали?

— Автомашину.

— За один день вы не доберетесь до «Марии-Елены».

— Мы собираемся ночевать в Ла Серене и Антофагасте.

— Правильно... Таким способом вы сумеете кое-что посмотреть и в пути. Думаю, вам интересно будет побывать в провинции Кокимбо. Там сейчас идет острая предвыборная борьба между представительницей сил народного единства Амандой Альтамирано и Орландо Паблетте. Он представляет правых... Впрочем, это уже политика...

— Сейчас, кажется, все политика...

— Да, конечно. Вся борьба, которую мы вели за право владеть чилийской селитрой и медью, была фактически борьбой против США. И мы понимали, что борьба за наши природные богатства — это борьба против американского империализма.

— Нам говорили, что вы друг президента Альенде.

Лабарка пыхнул трубкой...

— Друг...

— Что вас соединило с ним?

— Все началось давно... Еще со студенческих лет. Чилийская революция, если образно сказать, всегда опиралась на две ноги... На университеты и на рабочих. Это сейчас студенты входят в общий поток... Но именно это и вносит большие сложности. К сожалению, в студенческом движении существуют сейчас реформистский правый уклон и левацкие заблуждения. Раньше студенческое движение было единым — все оно было повернуто против США. Университет был средством получения образования для того, чтобы потом можно было зарабатывать хорошие деньги. Соединенные Штаты своей политикой мешали этому и наносили удары по бюджету, в данном случае средней буржуазии, дети которой и заполняли университеты. Сейчас университеты постепенно становятся реальной организацией подготовки национальных кад-

ров технической интеллигенции, но уже на демократической основе.— Лабарка остановился.— Я журналист в прошлом... И адвокат... И был на дипломатической службе... Вернемся все же к селитре...

— Вернемся.

— Селитра была первым богатством Чили. После серебра, после того, как здесь стали добывать золото, наша селитра занимала первое место в мире. И была самым главным богатством в Латинской Америке. Из-за селитры, за владение селитрой шли кровавые войны. Чили воевала с Перу и Боливией. По договору с Перу почти сто лет назад селитра отошла к Чили. Пока шла междоусобица, на горизонте появились англичане... Потом немцы и итальянцы... Предприятия, добывающие селитру, были раздроблены, но на них работало сто двадцать тысяч чилийцев... Это сейчас в связи с механизацией работает всего пятнадцать тысяч.

В 1891 году в Чили вспыхнул мятеж. Президент Бальмаседа вступил в бой с крупным капиталом. Он первым поставил вопрос о национализации селитры. Капиталистов поддержали военачальники. Началась гражданская война. Бальмаседа проиграл войну и покончил с собой. И, конечно, в результате выиграли англичане. Они взяли контроль над селитрой. Проложили железную дорогу, и тоже под своим контролем... Доставка селитры к побережью океана стала намного дешевле. Начался большой экономический подъем. Фактически Чили кормилась из английских ладоней. Так было до 1914 года, когда немцы изобрели искусственные удобрения... К этому времени в Чили пришли в промышленность американцы с развитой технологией. Для Чили наступили черные времена.— Лабарка вздохнул.— Опять политика. Ну что ж, продолжим ее. И все же... Все же мы можем с гордостью сказать, что селитра является колыбелью чилийской революции. Именно оттуда, от селитры, началась пролетаризация населения. Именно от нее в противовес феодализму шел процесс индустриализации. Чилийский феодализм почувствовал реальную угрозу. Начались жестокие репрессии против пролетариев селитренных шахт. В 1905 году произошел расстрел рабочих. Погибло более трех тысяч шестисот человек. Именно в пустыне, которую вы увидите, эксплуататоры кровью и смертью подавили сопротивление эксплуатируемых...— Лабарка зажег спичку и потянул ее к трубке.— Наверно, все же у вас есть вопросы?

— Как распределяется добыча селитры?

— Примерно одну треть продаем в Европу, одну треть — в Соединенные Штаты, и треть остается в Чили. Надо иметь в виду, что селитра значительно более дорогое удовольствие, чем искусственное удобрение.— Лабарка мягко улыбнулся.— Конечно, медь Чили вышла уже давно на первое место. Президент Альенде назвал медь зарплатой Чили, а селитру — ее чаевыми. Кажется, все, что я могу вам сказать! Остальное узнаете на месте... Если больше нет вопросов...

— Еще один.

— Пожалуйста.

— К какой партии вы лично принадлежите?

Лабарка посмотрел на нас.

— Я марксист... На шахте «Мария-Елена» вас встретит управляющий Мигель Альварес... Он будет вам интересен.

Мы попрощались с Мигелем Лабаркой и отправились в организацию, ведавшую медью.

Там нас ожидал Филидор Кантререс.

— Я хочу частично пропустить весь период от 1967 года,— сказал он.— Как период, в котором не было никаких особых изменений. Все было так, как и в то время, когда вы имели возможность познакомиться с медью. Можно только сказать, что Соединенные Штаты всюду имели своих людей, которых они хорошо оплачивали. Они также имели и своих людей в правительстве, которых также оплачивали, соответственно доле, которую каждый из них вносил в пользу США. Они также несли финансовые расходы по выборам в парламент... И они же потом фактически назначали министров, оплачивая их тоже так, чтобы те работали на США... И все же... Все же бесконечно так не могло продолжаться. В стране, даже среди правых кругов, шло брожение. Лет десять назад появилась как уступка оппозиционным элементам национальная организация «Каделко». Но правительство постаралось сделать все, чтобы она была мертвой организацией. Чтобы она занималась в крайнем случае регистрацией договоров и всякими мелкими организационными вопросами... Вопрос о меди был краеугольным камнем во время избирательной кампании. Христианско-демократическая партия Фрея в предвыборную программу внесла пункт о *чилизации* меди. Силы народного единства, возглавляемые Сальвадором Альенде, в своей программе выдвинули вопрос о национализации всех предприятий по добыче меди. Как вы знаете, на том этапе победили сторонники чилизации. После победы на выборах президент Фрей подписал соглашение, по которому создавались смешанные предприятия. У Чили оказался 51 процент акций, 49 процентов в руках американцев. И все же это было очень невыгодно для Чили. Тот случай, когда хозяин, то есть чилийцы, не контролировал предприятия.

Еще в 64-м году Фрей предложил резко увеличить добычу меди. С 600 тысяч тонн в год до одного миллиона. Но выше 630 тысяч тонн добыча не поднялась. Это был провал политики чилизации. Наступил, как у нас говорят, час критики. Даже демохристиане подняли голоса против политики чилизации... Дискуссия перешла в широкие круги народа. Давление было так сильно, что сам президент Фрей пожелал узнать, что же все-таки такое чилизация меди. Критика чилизации, как ей ни противились, была воспринята. Американцы же продолжали маневрировать...

— В Чукикамате?

— Да, на трех шахтах — Чуки, Эль Сальвадор и на новой шахте «Экзотика»... Известная вам «Анаконда» создала совет из 11 человек, в нем было 6 чилийцев и 5 американцев... Но... Но большинство чилийцев в этом совете, даже не вдаваясь сейчас в подробности — почему, было убеждено, что «Анаконда» — это лучшее, что может быть на свете... В 69-м и 70-м годах президенты американских медных компаний заявили, что доходы компаний, значительно поднявшиеся, обязаны чилийской меди. У американцев поднялись, у чилийцев опустились...

— Как же это может быть?

— В хищническом капиталистическом обществе все может быть.

— А точнее?

— Это сложный вопрос... Мы не были в числе администрации, в числе технологов производства и так далее... К тому же еще мы оказались не только с прибылью, но и в долгу у ряда государств на сумму 750 тысяч долларов. Все изменилось в один день. Альенде стал президентом. Он заявил, что отныне медь перешла навсегда в руки чилийцев. Но это будет не пресловутая чилизация, дававшая даже в лучшем случае нажиться собственным, отечественным капиталистам, а государственная медь.

— Что изменилось с тех пор?

— Руководство предприятиями находится в руках чилийцев. В советы входят представители государства и рабочих. Тут есть и некоторые вариации. В одном случае представители рабочих избираются открытым голосованием, в другом, как на «Экзотике», назначаются правительством.

— Как сейчас осуществляется продажа меди?

— Все в руках государства... Кстати, вас ожидает наш главный специалист по продаже меди — Мария-Изабелла Камус.

— Женщина?

— Женщина... Но отличный специалист.

Мы перешли в другой кабинет. Нас встретила стройная, коротко стриженная женщина с живыми черными глазами.

Все в кабинете было обито медью. В углублении, на деревянной полке, стояло чучело чайки. В углу, на полу в глиняной вазе большой букет жестких сухих цветов.

— Национализация меди, конечно, столкнулась с большими трудностями,— сказала Мария-Изабелла.— На некоторых рудниках эти трудности были особыми и, я бы сказала, обидными для нас.

— Какие трудности?

— Забастовки... Но об этом вы узнаете на месте. Тут есть свои объяснения... Особенно в Чукикамате, где вся северная группа находилась в руках США.

— Американцы, уходя, захватили своих специалистов?

— Конечно... К сожалению, они захватили и некоторых чилийцев, которые преданно работали на них. Оставшиеся — их, конечно, было большинство — столкнулись с трудностями, они многого не знали в технологическом процессе. Конечно, мы их учим сейчас. Но нужно время... И не только в этом дело... На Чуки левые силы последние годы, целых два десятилетия, не занимали доминирующее положение... К этому тоже есть причины... Вы все узнаете на месте... Сейчас же идет борьба за сознание... А это, как вы по собственному опыту знаете, нелегкий процесс. Последние годы, чувствуя, что им все же придется уйти, американцы хищнически эксплуатировали лучшие участки.

— А как с торговлей медью?

— Тут все в порядке... Аппарат по продаже меди сохранился целиком.

— Вы его возглавляете?

— Я.

— Не страшно?

— Почему же мне должно быть страшно? Я хорошо знаю этот вопрос. Пятнадцать лет назад пришла сюда переводчицей. Таким образом, я знала все детали, получала и осваивала всю информацию. Для того, чтобы стать администратором, мне не понадобилось много времени.

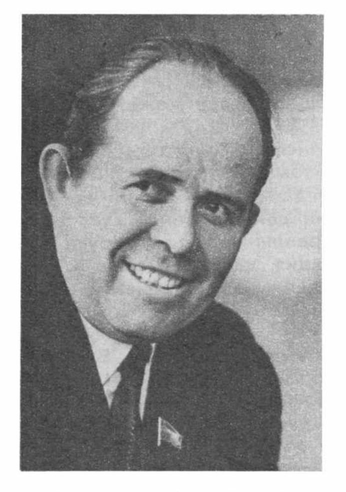
— США покупают у вас медь?

— Конечно... Но уже только покупают, не больше...

— А почему у вас в кабинете стоит чайка?

Мария-Изабелла улыбнулась.

— Я, как все женщины, сентиментальна. Я родилась на побережье Тихого океана, в городе Винья-дель-Мар. Чайки постоянно напоминают мне о родных местах.

Ион ЧОБАНУ,
писатель, депутат Верховного Совета СССР

РАДУГА НАШЕЙ ЖИЗНИ

СССР... Поразительно, какая емкость и какой многозначительный смысл заключаются в этом — теперь уже привычном за полвека — соединении четырех согласных букв! Еще больше поражает ленинское предвидение будущего Союза в нерасторжимости этих заглавных букв алфавита первого в мире социалистического многонационального государства. В 1922 году грядущие достижения нашего Союза были видны отчетливо только вождю революции, его большевистской партии. Они в сжатых формулах были предначертаны в последних ленинских статьях-программах, статьях-манифестах. Будущее у крестьян — в кооперировании сельского хозяйства, будущее у рабочих — в индустриализации страны, будущее у интеллигенции — в борьбе за создание новой, социалистической науки, культуры и искусства.

Союз рабочего класса с крестьянством и трудовой интеллигенцией, союз всех социалистических наций нашей страны стал той фундаментальной основой, которая позволила блестяще осуществить, материализовать под руководством Коммунистической партии все заветы Владимира Ильича Ленина.

И не случайно теперь во многих странах мира — не только социалистических — изучают наш опыт экономических и политических преобразований, трудный и мудрый опыт построения социализма, правильного разрешения национального вопроса, гармонического развития всех народов, пути преодоления вековой отсталости отдельных наций и народностей и выход их в кратчайший исторический срок на самые передовые позиции в мире.

О том, как это осуществляется на практике, можно убеждающе рассказать на примерах из жизни любой союзной республики, в том числе и моей Молдавии.

В строительстве есть такой термин — нулевой цикл. Наша республика в составе СССР начала развиваться в 1940 году почти с нулевого цикла. Были люди, трудолюбивые и талантливые. Была земля богатых, плодоносных возможностей. Но народ был на 80 процентов неграмотный, а культурный уровень земледелия — основного занятия молдаван — оставался чрезвычайно низким. Знамениты мы были в международных сводках только по таким вот показателям: первое место в Европе по смертности среди детей и одно из первых мест на континенте по неграмотности среди взрослого населения.

Один буржуазный ученый, путешествуя в 1939 году по Бессарабии, писал в своих путевых очерках: «Этому краю потребуется сто лет для того, чтобы преодолеть отсталость и достигнуть уровня развития Англии, Германии или Франции».

Этот социолог не был далек от истины, ибо Бессарабия в то время импортировала из-за рубежа даже серпы. А для того, чтобы показать королю Румынии благополучие народа, в том же 1939 году воротилы Бессарабии погнали все машины таксистов из Кишинева в Бельцы, и все равно король остался недовольным и стал кричать на организаторов, что он, мол, приехал в Бельцы не для того, чтобы смотреть на полицейских, они ему надоели и в Бухаресте, он-де приехал встретиться с народом. Где народ? Почему везде только одни полицейские и городовые?! Лицемерие удивительное. Ведь знал же коронованный истукан, что он возглавляет полицейское государство!

В 1940 году, 2 августа, сессия Верховного Совета СССР по просьбе трудящихся Молдавии приняла законодательный акт о создании Молдавской Советской Социалистической Республики. Я не помню другого года, чтобы народ ликовал от радости так, как в историческом сороковом. Помещичья земля навсегда передавалась бедным, безземельным крестьянам. Начали работать ликбезы, повсеместно открылись школы. Огромное большинство людей впервые увидели кинофильмы, впервые услышали радио, впервые потрогали своими руками тракторы, сеялки, кузов автомашины.

На правобережье Днестра стали создаваться колхозы, и к первой тракторной борозде выходило все село — от детей до древних стариков — посмотреть, как работают плуги новой жизни, как быстро и споро образуются первые обширные массивы коллективного земледелия. Это были стихийные митинги, никем не организованные, они возникали естественно, из кровной заинтересованности крестьянина в лучшей своей доле. Тогда никто не знал, что этот первый советский урожай на молдавской земле погибнет в огне войны. Она началась для нас, как и для всех советских людей, в воскресенье, 22 июня, и суеверные старики уже стали скорбно поговаривать между собой: «Слишком много счастья было и слишком много радости — не к добру!» Вековые лишения сделали их суеверными, недоверчивыми к радости и счастью. Но в победу над злым врагом они верили. До светлого мая 1945 года многие не дожили, другие — из советских активистов — были расстреляны оккупантами, а те, которые остались, со всем жаром включились снова в созидательный труд.

Легенда о птице Фениксе, встающей из пепла,— мудрая легенда. Но это только гениальный вымысел древней цивилизации. А советский народ имел дело с конкретным пеплом, лежащим на руинах наших прекрасных городов, засыпавшим плодородящие наши поля. Да, социалистический общественный строй, дружба советских народов, руководимых партией коммунистов, раскрепощение энергии трудового народа, инициатива, смекалка, правда народная — вот факторы, которые спорят даже с легендой, вот факторы возрождения и движения нашей жизни. В основе творческого подхода нашей партии к большому и малому делу — вера в народ. Я много раз лично убеждался в этой огромной вере.

В конечном итоге она, эта вера, и отличает подлинных марксистов от оппортунистов и любителей левой фразы. Вера в созидательные силы народа у нас имеет глубокие традиции и сильные корни. Еще на заре Советской власти В. И. Ленин дал бой сторонникам оппортунизма, которые призывали совершить революцию лишь потом, вслед за совершением революции в более развитых капиталистических странах Западной Европы, тем самым отвергая революционную ситуацию, которая сложилась в России в самой гуще народа. После развенчания этой теории те же догматики требовали сначала подготовить кадры, а потом захватить власть в свои руки. И на этот раз В. И. Ленин дал решительный отпор этим горе-теоретикам. Промедление — смерти подобно, в решающий момент бросил клич в народ вождь революции. Очень важно отметить, что братство наших народов началось на баррикадах, в схватках с царизмом, в схватках с интервентами. Из гущи народной массы поднимались умелые и талантливые руководители. Молдавия гордится своими сыновьями, которые боролись за новую жизнь. Мы гордимся теми людьми, которые печатали «Искру» в Кишиневе, гордимся именами людей, устанавливавших власть Советов в 1918 году в городах и селах нашего края, восхищаемся подвигами легендарных героев гражданской войны — М. В. Фрунзе, С. Г. Лазо, Г. И. Котовского. Подвиги сыновей многонационального Советского Союза — сокрушительный ответ всем клеветникам, которые утверждали и до сих пор утверждают, что Октябрьская революция — это чисто русское явление и, следовательно, не может служить примером и практической школой для других народов. Для клеветников и «новых толкователей» марксизма и поныне Ленин и ленинизм тоже только русское явление! Созданная Лениным великая партия коммунистов развеяла в прах и похоронила безвозвратно десятки и сотни теорий меньшевиков, эсеров, ликвидаторов и оппортунистов всех мастей. Практическими делами трудовой народ доказал правильность идей ленинизма. Иногда можно услышать, что, мол, эти героические дела совершались только тогда, в годы революции, в годы гражданской и Отечественной войн. Нет и еще раз нет! Героические дела нашего народа совершаются повседневно, ежечасно. Они присущи нашему общественному строю, они вытекают из глубокого всенародного чувства советского патриотизма.

Смелостью экономических и политических решений партии, мирным героическим подвигом народа я впервые был потрясен и захвачен сразу же после окончания Великой Отечественной войны. В 1944 году, после разгрома немцев в Ясско-Кишиневской операции, в Молдавии не знали, за что взяться. Учителей не было, школы закрыты. Высших учебных заведений вообще не было. Королевская Румыния за 22 года оккупации Бессарабии сумела создать два километра асфальта в Кишиневе и один теологический факультет, чтобы готовить попов с высшим образованием! Положение было настолько трудным, что приходилось отмобилизовывать учителей из окопов, снимать их прямо с передовой и возвращать в города и села, чтобы обучать детей.

С братской помощью других вузов страны открывались один за другим в Кишиневе, Тирасполе и Бельцах госуниверситет, сельхозинститут, институты — сельскохозяйственный, медицинский, политехнический, несколько педагогических, Молдавский филиал Академии наук СССР, агрономические, педагогические, стро-

А. Заборов (Минск). ТРУЖЕНИКИ ПОЛЕЙ.

П. Зарон (Орджоникидзе). ГОРОД В ГОРАХ.

Н. Засыпкин (Свердловск). В КРАЮ ГОЛУБЫХ ЕЛЕЙ.

ительные, медицинские техникумы и училища. Опять с нулевого цикла начинались на молдавской земле промышленность и сельское хозяйство.

Говорят, что по уровню культуры земледелия можно определить уровень культуры народа. По-видимому, так оно и есть. Я сам выходец из деревни. Детство и юность провел в селе. Поэтому могу легко сравнить и проверить правильность этого определения: зависимость культуры земледелия от общего развития культуры народа. Как известно, в Молдавии хорошая земля — чернозем. Но вот эта же земля до коллективизации давала очень низкие урожаи. Десять центнеров, или 60 пудов, с гектара в то время считали хорошим урожаем. В наши дни мы собираем из года в год устойчивые урожаи — по 31—32 центнера с гектара в целом по республике — и говорим, справедливо говорим, что наша земля может давать еще гораздо больше. И это не прожектерство, ибо передовые хозяйства республики из года в год собирают уже большие урожаи и показывают пример в этом деле. А техническая вооруженность, специализация сельского хозяйства, передовые методы обработки земли, тесный союз с наукой, орошение, применение удобрений открывают новые страницы, новые горизонты плодородия. Теперь старое крестьянское изречение: «Чем чернее земля, тем беднее народ» — уходит в область преданий. Сельский труженик стал другим, и его жизнь стала другая. Все это легко можно увидеть на каждом шагу. Показательно в этом отношении строительство, которое ведется в сельской местности. Помимо ферм и совхозов-заводов, помимо промышленных комплексов и промышленных садов и виноградников, занимающих по 2—3 и более тысяч гектаров, всюду в селах строятся многоэтажные школы, торговые центры, красивые, вместительные дома культуры, универмаги, книжные магазины, летние эстрады, животноводческие городки. Индивидуальное строительство, субсидируемое государством, достигло значительных масштабов. Без преувеличения можно сказать, что все сельские дома — это советские дома. Во многих селах даже нарочно сохраняют кое-где по одному-два старых домика, крытых соломой, чтобы показать, как выглядели жилища прошлой жизни, жилища времен «равных возможностей», как любит себя рекламировать первая заповедь буржуазного грабежа.

Общие показатели республики в цифрах известны в стране. В прошлом году Молдавия сдала государству 960 тысяч тонн винограда. По производству табака, вин и виноматериалов, по производству консервов, фруктов, сахара, подсолнечного масла мы занимаем одно из ведущих мест в Союзе.

Развитие материальной базы не могло не сказаться и на уровне развития науки, культуры, литературы и искусства молдавского народа. Надо сказать, что и в этой области мы начали тоже с букваря, с того же нулевого цикла.

Первый наш поэт, Дософтей, более трех столетий назад сказал, что наша земля находится на путях всех бедствий и выход из этого опустошения — в союзе с Россией. «Свет идет с Востока»,— пророчески предсказал этот просветитель. Но этот свет шел к нам очень долго, подобно свету далекой звезды. Только после Великого Октября, а в правобережной Молдавии — после освобождения Бессарабии, в 1940 году, засияла звезда нашего края.

С последним пятидесятилетием связано многое в развитии и духовном росте молдавского народа. Сегодня, когда в республике больше докторов и кандидатов наук, чем было раньше сельских учителей, когда республика имеет 7 профессиональных театров, свою Академию наук, когда в вузах республики учатся десятки тысяч студентов, когда есть крестьянские семьи, в которых по 5—6 детей имеют высшее образование, когда выходит третий том Молдавской Советской энциклопедии, когда по числу врачей, учителей, агрономов и других специалистов и по числу студентов мы опережаем самые развитые страны Западной Европы, можно говорить о подлинной культурной революции в нашей республике.

Одна из отличительных черт братской дружбы советских народов — это прежде всего обмен опытом работы, взаимная помощь, вытекающая из ведения единой общей экономики, из строительства единой коммунистической культуры. Достижения одного народа в любой области — в духовной или в материальной — немедленно становятся общим достоянием других народов, и в этом подлинный интернационализм нашего образа жизни.

Молдавский народ никогда не забудет ту огромную помощь, которую оказали ему братские республики в экономическом и культурном развитии. Мы могли преодолеть трудности и преобразовать свою землю за такой короткий период, за 27 лет, только благодаря братской помощи всех советских народов-братьев и прежде всего великого русского народа. Они помогли нам получить освобождение. Они помогли нам создать свою государственность. Неоценима эта помощь и в поднятии культуры, науки и искусства. И здесь опять мне хотелось бы подчеркнуть выдающуюся роль русской культуры, которую она сыграла в становлении всех культур союзных республик и, конечно же, Молдавии. Она учила нас идеям гуманизма, служения народному делу, интернационализма.

На что способна братская поддержка и помощь, мы убедились и в годы войны и в годы мирного строительства. Сила великой дружбы подняла за 4—5 лет из руин и построила заново такой огромный город, как Ташкент, пострадавший от землетрясения. Эта же сила действовала и при возрождении городов и промышленных центров Украины, Белоруссии, Молдавии и других братских республик Советского Союза, пострадавших от войны.

Дружба народов СССР выработала особый склад характера у советских людей. Это широкий демократизм, искренность и добросердечность. Я пять лет учился в Москве, а потом много путешествовал и был гостем многих союзных республик и могу с огромной радостью засвидетельствовать, что везде меня поражало дружелюбие и братское гостеприимство, горячая любовь к молдавскому народу, к его трудолюбию, к его науке и культуре.

Лучшим подтверждением этих моих слов могут служить десятки переведенных и изданных книг молдавских писателей в России, на Украине, в Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии, Грузии. Об этом же свидетельствуют передвижные выставки наших художников во многих союзных республиках, популярность наших танцев и песен. У себя в республике мы стараемся не оставаться в долгу перед другими нашими народами. Переводим и издаем их книги, поем их песни, изучаем и перенимаем их трудовой опыт, стараемся внести свой посильный вклад в общую материальную и духовную сокровищницу всего советского народа.

Да, поистине красива и могуча наша Советская Родина — Союз Советских Социалистических Республик!

У молдаван есть такая притча, я ее использовал как эпиграф к моему последнему роману, «Мосты». Смысл этой притчи таков: для того, чтобы человек достиг счастья, он должен омывать свое лицо в брызгах радуги, после дождя. Но путь к радуге — очень трудный путь. Радуга быстро появляется и быстро исчезает. Она может молниеносно перебросить свою дугу из одной реки в другую, из одного озера в другое. Радуга подобна миражу: может казаться рядом, очень близко, а на самом деле быть очень далекой.

Притча о радуге и счастье человека возникла в народе на основе горького опыта, ибо простым людям в эксплуататорском мире путь к счастью был так же неосуществим, как и дорога к радуге. Перефразируя эту притчу, я могу со всей уверенностью сказать, что эта радуга уже больше не кочует, подобно миражу, по молдавской земле. Эта радуга счастья пустила глубокие корни в нашу действительность. Она, эта радуга, в подлинной, сердечной дружбе советских народов, в богатой красками советской действительности, и наша задача — теперь и во веки веков беречь как зеницу ока эту радугу счастья, приумножить ее красочность и богатство, чтобы из спектра ее короны не выпал ни один оттенок, ни один цвет, ибо без союза всех цветов нет радуги, а без радуги нет счастья. Сила наша и наше счастье — в нерасторжимости наших народов, в их общей радуге жизни.

ПЕВЕЦ КАЗАХСКИХ СТЕПЕЙ

Иной раз очень символично совпадают общезначимые и личные даты в нашей многогранной жизни. Исполнилось пятьдесят лет известному казахскому поэту Сырбаю Мауленову, жизненная стежка которого у самого истока органично влилась в общий и широкий путь развития союза наших равноправных республик-сестер. Полувековой юбилей создания его все мы отмечаем в нынешнем году. Полвека под символом и крепью этого союза складывались многие людские судьбы. Вместе с ними сложилась и незаурядная судьба Сырбая Мауленова.

Наверное, еще юношей Сырбай осознал, что те исключительные возможности, которые дала всем национальностям Советская власть, надо не только принимать как должное, но и защищать их в трудный час. Вот почему перед самой войной будущий поэт без колебаний ушел со второго курса Кзыл-Ординского педагогического института в ряды Советской Армии. В 1942 году заместитель командира роты по политчасти, лейтенант С. Мауленов воевал на Волховском фронте, в 1943 году участвовал в прорыве блокады Ленинграда и был тяжело ранен. Вот как далеко от родных казахских степей ему довелось защищать свою большую Родину!

Только теперь, пройдя тысячеверстный военный путь, он и с порога своего родного дома умел разглядеть необозримые горизонты Отчизны. И поэтому утверждал в своих стихах:

Милый мой кров! Ты не просто жилье —
Родина вся с порога видна...

Уже в зрелом возрасте выпускает Сырбай Мауленов свой первый стихотворный сборник. Но и в нем отразились широта мировоззрения поэта, глубина проникновения в значительные явления жизни. Его вскормил родной казахский край, и поэт очень символично и щедро называет одну из своих книг «Молоко земли».

Сырбай Мауленов не умеет говорить общие слова, произносить декларативные признания в любви. Его чувства к родному краю всегда конкретны, они питаются и историей и современной действительностью Казахстана. Поэтому в его стихах не могло не отразиться революционное прошлое тех мест, где он родился и рос:

В тех тургайских степях еще есть
След Иманова Амангельды...

Напористо врывается в поэзию С. Мауленова и самое близкое, современное. Не так уж давно неподалеку от его родного Тургая плуг перевернул ковыльные просторы казахской целины. И теперь уже не ковыльным духом веет от тех степей. Очень точно и обобщенно поэт подмечает в одном из своих стихотворений:

Здесь я рос, здесь был я молодым.
Пахнет теплым хлебом
На рассвете дым...

Однако литературная деятельность Сырбая Мауленова отнюдь не замыкается только на казахской поэзии. С годами растут его межнациональные связи — они тоже конкретны и плодотворны. Перу поэта принадлежат квалифицированные переводы на казахский язык стихов Ломоносова и Пушкина, Лермонтова и Некрасова, Маяковского и многих известных поэтов братских республик.

И в общественной деятельности и в литературной работе ощутимо сказываются те корни, которыми Сырбай Мауленов связан с родным Казахстаном, та почва, на которой он твердо стоит, тот источник, из которого поэт черпает вдохновение.

Олег ЗВЕРЕВ

ВЕСТ

Валентин **СИДОРОВ**

Встань, друг. Получена весть.
Окончен твой отдых...
Н. Рерих.

I

Отдых окончен. И нынче тебе
Четко намечена новая веха.
Но окликает на узкой тропе
В час расставанья негромкое эхо.
Остановись и вглядись, человек,
В этот сверкающий красками полдень.
Все, что теперь оставляешь навек,
Помни!

Как устремлен в неизвестное взгляд,
Как напряжен в ожиданье разлуки!
Линии света призывно звенят,
Краски, светясь, превращаются в звуки.
Все, что звучит и искрится сейчас,
В сердце твоем отзывается болью.
Это не стон, не мольба, а приказ:
Помни!

Помни метнувшийся в руки цветок,
К небу упрямо тянувшийся стебель,

«Весть» — это как бы прямая речь Рериха, монолог, в котором звучат строчки дневников и стихов великого русского художника, четверть века прожившего в Индии. Имя Майтрейи (к его образу постоянно возвращается Рерих в своих картинах) восходит к индийским преданиям. Майтрейя — олицетворение света, добра и любви.

Словно никак разглядеть он не мог
То, что так смутно очерчено в небе.
Все, что неведомо нынче для нас,
Все, что лишь ты озарением понял,
Этот предел, недоступный для глаз,
Помни!

Грохот, и рокот, и шорохи трав
В воспоминаньях моих возникают.
Но, отзвучав и преданием став,
Шорох и грохот навек умолкают.
Но остается безмолвие гор,
Воздух, недвижно застывший над поймой.
Этот беззвучный и вечный простор
Помни!

Голос безмолвья сквозь грохот и дым
Вновь во Вселенную нашу прорвался.
Он овладел вдохновеньем твоим,
Он овладел опаленным пространством.
Этот бессмертный и радостный зов,
Что небосвод и всю землю наполнил,
Что человеку понятен без слов,
Помни!

II

Горы сверкают и меркнут вдали.
Мгла над тобою клубится глухая,
Словно сгущаются тени земли,
Землю в магический круг замыкая.
Тени и тени, куда ни взгляни.
Переплетаясь, ползут, приближаются.
Страхом в лицо твое дышат они.
Темные тайно и явно сражаются!

Гасит последние блики волна.
Мгла оседает туманом и пылью.
Над неподвижностью трав тишина
Вновь распростерла широкие крылья.
Реки в тумане текут не спеша.
Сонные ветки в волну погружаются.
Вымерли звуки. Но чует душа:
Темные тайно и явно сражаются!

Длится и длится невидимый бой.
Он пострашней, чем открытая схватка.
Сумрак в себе растворив голубой,
Тьма вырастает безмолвной загадкой.
Как разомкнуть заколдованный круг,
Если в смятении мысли мешаются?
Вновь сокрушая сомненьем твой дух,
Темные тайно и явно сражаются!

И сотрясает твое бытие
До основанья великая битва.
Неотвратимо сегодня в нее
Вовлечена вся земная орбита.
За горизонт уходя, облака
Громом и тучами к нам возвращаются.
Память твою озаряют века:
Темные тайно и явно сражаются!

Мрак загустел, затвердел, как гранит,
Замуровал и пути и тропинки.
Вечной тревогою ночью звенит
Тонкий пронзительный голос былинки.
Воздух, и тот напряжен и упруг.
Рушатся горы и вновь возрождаются,
Эхом весь мир заполняя вокруг:
Темные тайно и явно сражаются!

III

Что это — отсвет случайный огня?
Призрачный отсвет? Иль что-то другое?
Плотным кольцом охвативши меня,
Ночь ворожит над остывшей рекою.
Но различает слабеющий взор,
Как обозначились на небосклоне
Над очертаньями смутными гор
Красные кони, красные кони.

Все ожиданьем звенящим полно,
Все, что застыло, молчит и уснуло.
Чуткое ухо давным уж давно
Слышит раскаты далекого гула.
И тишина, воплотившая страх,
Тонет и глохнет в нахлынувшем звоне.
И проступают сквозь холод и мрак
Красные кони, красные кони.

Все в ожиданье. Ручьи, как мечи,
Мглу рассекают холодным мерцаньем,
И зазвучали в тревожной ночи
Камни, хранившие только молчанье.
А у гнилого, трухлявого пня
Тени свернулись в клубок, помертвели.
Мчатся предвестники нового дня —
Кони Майтрейи, кони Майтрейи!

Это не всплески зарниц огневых.
Это не светлые точки во мраке.
Это начавшийся солнечный вихрь
С неба сметает неверные знаки.
Это, взрывая туманный покров,
В неудержимо-могучем разгоне
Хлынули в узкий разрыв облаков
Красные кони, красные кони!

Мир, разрозненный предчувствием бед,
Соединяется в звонкие звенья,
И нарастает ликующий свет
С каждой минутою, с каждым мгновеньем.
И, отраженные в реках стократ,
Над пробужденной землей все быстрее
Красными стрелами в небе летят
Кони Майтрейи, кони Майтрейи!

IV

Отблеск снегов из тумана воскрес,
И пронизали тебя и простор
Синяя вспышка прозрачных небес
И голубое дыхание гор.
Воздух струящийся, вязкий, густой
Жарким сиянием красок согрет,
И, приглушенное пестрой листвой,
Пламя меняет свой яростный цвет.

Вольно и празднично дышится здесь,
И первозданно гудит небосклон.
Радостью соткана светлая весть,
Весть наступающих новых времен.
Мрачные блекнут и меркнут тона.
Сходит, решительно сходит на нет
Все, что, как накипь, поднялось со дна.
Пламя меняет свой яростный цвет.

И вопрошающе смотрят века
Грузными глыбами из темноты.
Правда грядущего так высока,
Что перед нею тускнеют мечты.

Ь

Если ж прекрасными были мечты,
Как же прекрасен быть должен ответ!
Счастьем считай, что почувствовал ты:
Пламя меняет свой яростный цвет.

Скучных оттенков не терпит заря,
Красок тоскливых в себе не таит.
Преображенная за ночь земля,
Как неотпитая чаша, стоит.
Счастьем считай, что увидеть дано,
Как эту чашу наполнил рассвет.
Новое солнце пустите в окно!
Пламя меняет свой яростный цвет!

Слушайте, люди, что скажет гонец!
Слушайте, люди, певца как гонца!
Призрачным страхам наступит конец,
Но просветленью не будет конца.
Вечность лишь там, где творит человек,
Где ни унынья, ни праздности нет,
Где, вырываясь стремительно вверх,
Пламя меняет свой яростный цвет!

V

Путник, твой путь начинается снова!
Блики незримых небес не забудь.
Облаком света зовущее слово
Пересекло твой извилистый путь.
К вечным источникам звуков и цвета
Я припаду и устами коснусь.
Словно ручьи, холодящие лето,
Вместе слились Гималаи и Русь.

Тропка над бездной грозит оборваться,
И открывается нам с высоты
Неповторимая радость пространства,
Неизреченная мощь красоты.
И самоцветное небо пылает,
И ошибиться я нынче боюсь:
Может быть, это снега Гималаев?
Может быть, это снега твои, Русь?

В звездном прозренье и визге метельном
Две беспредельности. Горы и гладь.
Но беспредельное лишь беспредельным
Хоть на мгновение можно объять.
Небо к глазам воспаленным придвинув,
Я усмиряю смятенье и грусть.
Необратимо сошлись воедино
В сердце моем Гималаи и Русь.

Может, даны и великая вера
И вдохновенно-провидческий дар,
Чтоб мы замкнули гигантские сферы —
Небо и землю — в светящийся шар.
Не потому ль к глубине сокровенной
Мыслью полночной тянусь и тянусь.
Слышу я голос единства Вселенной
В дивных словах — Гималаи и Русь.

Каждый рассвет и зимою и летом
Лишь знаменует начало труда,
И отдыхать от небесного света
Не суждено нам с тобой никогда.
Духу в бореньях его помогая,
К первоисточникам света вернусь,
К синим вершинам твоим, Гималаи,
К синей твоей бесконечности, Русь!..

Фото Е. УМНОВА.

Ирина **ОМЕЛЬЯНЕНКО**

«АННА КАРЕНИНА»

Почти под занавес прошедшего сезона Большой театр показал балет «Анна Каренина», ставший новой победой талантливого коллектива. Либретто принадлежит перу опытнейшего деятеля балетного искусства Б. Львова-Анохина. В качестве художника выступил В. Левенталь, в каждой новой работе радующий вкусом и глубоко органичным соответствием своих решений спектаклю. В качестве постановщика-балетмейстера дебютировала Майя Плисецкая, она же исполнительница заглавной роли. И, наконец, основа балета — его партитура — создана Родионом Щедриным, композитором, от которого публика непременно ждет принципиальной новизны.

Обращаюсь к Родиону Щедрину:

— Как решились вы на музыкально-хореографический эквивалент толстовской прозы при необычайной емкости сюжетных линий романа?

— Как раз это и явилось для нас стимулом и «маяком»... Если вчитаться в строки романа, они при всем обилии бытовых деталей наполнены пластикой, богатой, многообразной!.. Сколько страниц посвящено у Толстого легкой походке Анны, ее грациозным движениям, поворотам шеи, рук... А с другой стороны, специфика толстовского реализма — отточенного до символа, по выражению В. И. Немировича-Данченко,— не толкает ли она воображение именно к балету, способному в силу своей условности передать и те тончайшие нюансы и то «чуть-чуть», о которых говорил Толстой...

— Задача коварная... Ведь у Толстого — подлинная энциклопедия русской жизни, целой эпохи. Правда, подзаголовок программы, предложенной зрителю, уже ориентирует его на определенную избирательность: «Лирические сцены по мотивам романа Толстого»... Но все-таки хотелось бы знать, что в этой избирательности вы считаете главным для себя в следовании Толстому?

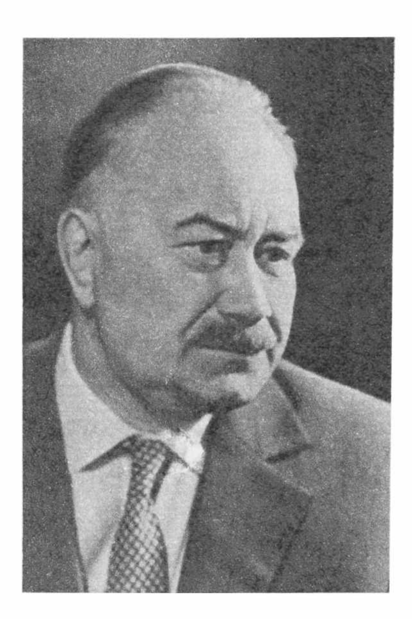
— Конфликт Анны с высшим петербургским обществом. Та атмосфера, где даже разговор чуть выше «дозволенного градуса» уже невозможен...

— Конфликт этот нашел воплощение в неожиданных впечатляющих контрастах — музыкальных и хореографических. Он вызвал к жизни и немало чисто режиссерских находок... Что же послужило вам гарантией того, чтобы не рассыпать на составные части целое море смысловых, выразительных слоев — внешних, очевидных и... спрятанных «под текстом»?

— Мы стремились к симфонической непрерывности повествования. К сплошному «потоку» музыки, где сцены не только гибко переходят друг в друга, но наплывают, даже перекрывают одна другую... Лишь таким путем, мне думается, можно было выстроить архитектонику столь насыщенного полифонией и контрапунктом произведения, каким уже в замысле является переложение романа Толстого... Избегали мы и внешне эффектной танцевальной лексики. Изощренная и подчеркнутая виртуозность могла бы оказаться бестактной по отношению к атмосфере толстовского романа и к его стилистике.

— В работу был включен огромный коллектив участников...

— Да, конечно. Это названные уже либреттист и художник; это помощники М. Плисецкой по хореографической части Н. Рыженко и В. Смирнов-Голованов, ее партнеры по ролям, и прежде всего, разумеется, Н. Фадеечев и М. Лиепа... Да и весь наш кордебалет, представляющий в этом балете ансамбль... Целая армия наших прекрасных помощников: осветителей, костюмеров, гримеров... Я уже не говорю о моем истинном сподвижнике — дирижере спектакля Ю. Симонове. Спектакль рожден в редком единодушии коллектива, в «сплаве». Каждый, без преувеличения каждый, участник внес в копилку свою долю...

ПОЛЕ ЖИЗНИ

Молодым рабочим впервые переступил Сергей Поделков порог литературного кружка со своими поэтическими начинаниями в начале тридцатых годов. Первой литературной полоской для него, как и для многих других в ту пору, была заводская многотиражка. Но первым поэтическим полем стал для Поделкова журнал «Огонек». Здесь впервые было обнародовано его стихотворение «Прогул». Почин был добрым: вскоре его стихи печатались уже во многих «тонких» и «толстых» журналах Москвы. Его приняли в только что открывшийся Литературный институт, выдали студенческий билет за номером один. С ним пожелал встретиться основатель института Алексей Максимович Горький. Сурово, уважительно и ласково напутствовал его пролетарский писатель.

Первую свою довоенную книгу Сергей Поделков назвал «О войне, о славе, о любви». Но то, что грозно предчувствовалось,— кровопролитнейшая из войн — разразилось скорее, чем можно было ожидать. С первых дней оказался на передовой и Поделков.

Немало вышло в послевоенные годы книг Поделкова. Назову лишь лучшие из них: «Горящие деревья» «Власть сердца», «Ступени». Уже в канун его шестидесятилетия увидела свет в издательстве «Современник» итоговая, за сорок лет творчества, книга избранных поэм и стихотворений «Бег огня».

В поэме «Героический триптих», посвященной памяти Героя Советского Союза Юрия Смирнова, распятого врагами и сожженного заживо, главное — победный зов жизни, несмотря на весь трагизм происходящего. Герой уходит в будущее, в память народа, своей героической гибелью воодушевляя других идти дальше и побеждать. Трагизм этой поэмы лишь углубляет и усиливает веру в жизнь, в силу любви к ней.

Книжная культура в союзе с народным восприятием жизни, опыт классики и опыт трудовой жизни, если они естественно сливаются в одной цельной творческой натуре, дают чистый поэтический сплав.

Сергей Поделков пристрастен к живописи слова. Образы его преимущественно метафоричны. Поэт свободно владеет и белым и так называемым свободным стихом, и между тем он, повторяю, всюду остается самим собой. Но особенно, думается, его дарование проявилось в поэтическом диалоге.

Работая над книгой о Ленине, Сергей Поделков написал интересную поэму о вожде «Три часа наедине» в форме диалога, как бы углубляя свое постижение истории в образе величайшего патриота, создателя новой России, союза братьев-народов. Здесь Ленин потому и такой живой, что уловлено биение его живой речи, его разговор, разный с разными людьми, но всегда ленинский.

Большое, доброе дело делает Сергей Александрович Поделков как замечательный переводчик братских литератур Советского Союза. Два десятка лет отдал он переводам только марийских поэтов. Он также перевел киргизский эпос «Эр-Табылды», киргизские и чечено-ингушские народные песни. Произведения поэтов многих республик вышли на русском языке в переводах Сергея Поделкова. Сейчас он работает над переводом мордовского эпоса «Сияжар».

«Поле жизни» — так назвал поэт один из своих сборников. Шестидесятилетний путь пролег через это поле. Из них сорок отдано поэзии.

Дмитрий КОВАЛЕВ

Джулиан **МЕЙФИЛД**

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ПОВЕСТЬ

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

XVI

Джеймс Ли рванул с места, выехал со стоянки и покатил на юг вдоль набережной, судорожно сжимая баранку и гоня прочь все мысли. Он несся, сам не зная куда, перескакивая из ряда в ряд, проезжая перекрестки на желтый свет. Он старался выкинуть Эсси из головы.

Доехав до Сто двадцать пятой улицы, повернул на восток. На углу Амстердам-авеню белые мужчина и женщина с чемоданами ловили такси. «Им на аэродром, международный или «Ла Гардия»,— сразу определил Джеймс Ли,— верные три доллара. А, к черту!..» И он промчался мимо.

Свернул на Седьмую авеню и... на полном ходу врезался в багажник новенького «кадиллака», оставленного у подъезда гостиницы «Тереза». Уличный шум почти заглушил скрежет, лишь находившиеся неподалеку прохожие обернулись на него. Джеймс Ли остался цел и невредим, он успел приготовиться к удару. В окна его машины уже заглядывали любопытные, он опустил веки и глубоко вздохнул, стараясь прийти в себя.

Наверное, есть тысяча разных историй о неграх и «кадиллаках», и, конечно, девятьсот девяносто пять из них — заведомый вымысел. И все же само обилие этих легенд свидетельствует о высоком почтении, с каким негры, как и представители других обделенных групп населения, относятся к этой марке автомобилей. Для них «кадиллак» не просто предмет роскоши и не просто средство передвижения. Это символ триумфа. Тот, кто сидит за рулем этой машины, как бы заявляет во всеуслышание, что жизнь уже не бьет его по всем местам, а наоборот, он сам держит судьбу в узде, ездит на ней верхом, как на обузданном мустанге. Есть даже поговорка: «Кэдди» достоин уважения!» Причем имеется в виду не автомобиль, а тот, кто в нем сидит. Можно услышать: «Этой женщине только в «кадиллаке» ездить!» Стало быть, она так хороша, что должна в роскоши купаться. О дурнушке такого не скажут. Многие молодые люди, когда им улыбнется фортуна, расстаются не только с «фордом» или «шевроле», но и со своей прежней девушкой.

Темно-голубой «кадиллак», протараненный Джеймсом Ли, сиял хромированными бамперами и белоснежными покрышками. Лишь в субботу его владельцу привалило счастье, он семнадцать раз кряду сорвал банк, играя в кости. Всякий раз он ставил весь выигрыш и удваивал деньги. После семнадцатого круга он встал из-за стола. Все воскресенье он терзался душой — автомобильные магазины были закрыты. И лишь сегодня утром, едва распахнулись двери выставочного зала, он купил этот «кадиллак», уплатив наличными. Когда раздался скрежет, он болтал с дружками у входа в гостиницу «Тереза».

Обернувшись на звук, он увидел, что это его машина, и не поверил своим глазам. С шумом втянул воздух, зажмурился, снова посмотрел. Нет, ему не померещилось: действительно, желтое такси врезалось в его темно-голубой «кадиллак». Он посерел от ярости, сорвал с головы шляпу — дорогую новую панаму,— шмякнул ею о тротуар и принялся топтать обеими ногами. Потом сжал кулаки и, посмотрев на небо, произнес длинное и жуткое ру-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—39.

тательство, способное оскорбить слух даже его приятелей, не будь они так же ошарашены происшедшим, как и он. По общему мнению, хозяин «кадиллака» наделен свыше священными привилегиями и, конечно, застрахован от несчастных случаев.

Нетвердой походкой, поддерживаемый под руки дружками, несчастный направился к месту катастрофы.

— Чтоб мне лопнуть на этом месте! — причитал он.— Нет, не любит господь нашего брата — цветного!

Друзья как могли старались его утешить.

— Не волнуйся, тебе заплатят сполна. Все такси застрахованы. Отремонтируешь!

— Такой, как была, она уже не будет,— сокрушенно качал головой пострадавший,— никогда!

Хмурый Джеймс Ли и убитый горем хозяин «кадиллака» обменялись адресами и выполнили другие формальности. Уличные зеваки тем временем растащили столкнувшиеся автомобили. Когда печальная церемония завершилась, Джеймс Ли сел за руль и поехал в гараж.

— Иисус Христос, святая Мария! Взгляните-ка на это!

Все, кто был в гараже, смотрели, как Джеймс Ли заруливает на стоянку. Привлеченные истошным криком Дэнни, перегнулись через перила механики, встала в дверях диспетчерской Эвелина. «Ну и пусть глядят»,— думал Джеймс Ли, внутренне готовясь к неприятной сцене. Он сумеет за себя постоять.

Гулко стуча каблуками по железным ступеням, Дэнни сбежал с лестницы и быстро осмотрел машину.

— Черт возьми, перед разбит!

Во всех гаражах считается, что в аварии повинен водитель, раз поврежден капот его автомобиля. Страховые компании в таких случаях занижают сумму компенсации.

— Как это случилось, Кули?

— Я врезался в одного парня.

— Выходит, ты виноват?

— Да, вроде я...— Редкий случай, чтобы нью-йоркский таксист признался в этом!

— Дайте мне бланк происшествий,— повернулся Джеймс Ли к Эвелине, а про себя подумал: «Нечего разговаривать с этим сосунком!»

— Эй, так тебя разэтак! — завопил Дэнни.— Сначала расскажи мне, как все было.

— Заполню бланк — сам прочтешь.

— Я хочу от тебя услышать!

— Придется все же прочесть.

— Видали нахала! — обратился Дэнни к механикам, с любопытством наблюдавшим за перебранкой.— Разбил машину и не хочет даже объяснить, как дело было.

Дэнни подошел вплотную к Джеймсу Ли, и тот подумал: «Точь-в-точь моряк с плаката, что висит у театра «Аполло» на Сто двадцать пятой улице. Синеглазый, блондин. Типичный янки, таких в кино показывают. Пожалуй, я боюсь его. И все же, если он ищет драки, сегодня я готов доставить ему это удовольствие...»

— Послушай, сынок,— Дэнни понизил голос,— я здесь диспетчер, ты не забыл?

— Плевать мне, кто ты.— Джеймс Ли все время чувствовал на себе взгляд Эвелины, по-прежнему стоявшей на пороге.— И я тебе не «сынок»!

— Слушай, Джексон, я тебя умоляю...

— Я тебе не «Джексон», у меня есть имя. Могу напомнить...

— Чихал я на твое имя! Оно дерьма не стоит...

Джеймс Ли ударил первым, сам не понял, как это вышло. Наверно, ничего другого не оставалось. Вся скопившаяся в нем за день горечь вырвалась наружу. Вспомнилась и заносчивость Эсси; и валявший дурака отец; и Макгован со своими бредовыми идеями; и тот белый пассажир, назвавший его «Джорджем» и давший двадцать центов на чай. Вот о чем думал Джеймс Ли, обрушивая град ударов на О'Хэллорэна.

Дэнни не ожидал такого оборота дела. Он умел драться, не раз бывал в уличных потасовках, но в отличие от Джеймса Ли им ничего не руководило, кроме естественного желания победить.

«Я убью его,— думал Джеймс Ли,— либо так изувечу, что ему захочется умереть». Дэнни провел захват, и Джеймс Ли очутился на полу.

«Он хороший борец, надо держать дистанцию. Если подпущу, мне конец».

Дэнни все же удалось захватить левой рукой голову соперника, а правой несколько раз ударить по лицу.

Джеймс Ли едва не потерял сознание. Собрав последние силы, он двинул коленом в живот Дэнни. Воздух со свистом вырвался из глотки ирландца. Джеймс Ли отступил на шаг и нанес сокрушительный удар в голову. Дэнни зашатался, перед глазами встала пелена, не хватало воздуха. Джеймс Ли не давал ему опомниться. Серия коротких, рубящих ударов по голове, и вот уже О'Хэллорэн опустился на одно, потом на оба колена. Последний удар ребром ладони по затылку, и Дэнни с тяжелым стоном рухнул на пол и потерял сознание.

Прошла целая минута, прежде чем завороженные жуткой сценой зрители пришли в себя. Стуча по гулким ступеням каблуками, побежали вниз механики. Эвелина, взглянув на безжизненное тело Дэнни, поднесла ко рту ладонь и задушила крик.

Часто и нервно дыша и пошатываясь, Джеймс Ли направился к выходу из гаража. «Спасайте своего златокудрого бога»,— думал он. На душе было хорошо. Он боялся этой стычки, а вот, победил! Жизнь — та же драка, в конце концов ты обязан взять в ней верх. В этот миг он не думал ни о Дэнни, ни о полиции, ни о том, что остался без работы. Казалось, все проблемы позади. Ничего ему теперь не страшно.

Прохожие, завидя кровь и синяки на его лице, поспешно сворачивали в сторону. «Правильно,— думал Джеймс Ли,— прочь с дороги!» — и улыбался опухшими губами, прокладывая себе путь в толпе. Он шел домой, в Гарлем.

XVII

Губерт брел по Сто двадцать пятой улице и остановился на мосту. Оттуда открывается вид на южную оконечность Гарлема и центр Манхэттена. Мост, построенный из стали и бетона, в жару накаляется, как чугунная печь. Неумолчно гудят автомобили, пыхтит старый пароходик, ползущий по узенькой Гарлем-ривер. Можно различить множество других звуков: стрекочет самолет, заходя на посадку, ревет проигрыватель в баре на Восьмой авеню, вдруг хором завопят болельщики на бейсбольном стадионе «Поло». И все это сливается воедино, превращаясь в могучую симфонию большого города, исполняемую гигантским оркестром. Прислушайтесь — и до вас донесется жужжание многомиллионного человеческого улья.

Губерт чутко вслушивался во все это многообразие звуков. Он был один на один со своими мыслями. Ни Гертруда, ни сын не существовали для него, их мнение было ему безразлично. Страстная жажда удовольствий целиком завладела им.

Он отгадал две цифры из трех. Четверка и единица уже сыграли. Скоро третий заезд. Теперь от выигрыша его отделяет лишь одна цифра. Так бывало и раньше, но он ошибался в третьем заезде. Впрочем, неудачи не обескураживали его. Он ждал следующего утра, чтобы поставить вновь. Подбирая очередной номер, он так и сяк вертел его в голове, переставлял цифры, произносил его вслух, делая ударение то на одном, то на другом слоге. После этого облизывал губы, как бы пробуя номер на вкус, а потом решительным шагом отправлялся к букмекеру.

Но теперь всему этому конец. Никогда больше он не станет играть. Сегодня его день, и в третьем заезде придет семерка. Все-таки бог молодчина, поступил по справедливости, хотя и пришлось подождать. Теперь от господа требуется сущий пустяк: уладить все с Клариссой и помочь Губерту устроиться на новом месте. А потом может забыть о Губерте, тот сам о себе позаботится.

Рев машин на мосту в конце концов вторгся в его сознание и прервал ход мыслей. Он стоял на самом солнцепеке и обливался потом. Не спеша Губерт зашагал в гору, к парикмахерской на углу Сто двадцать пятой улицы и Сент-Николас-авеню.

В парикмахерской шелестели вентиляторы. Хозяина звали Смитти. Ему было за тридцать. Толстое лицо, красивые губы, какие бывают у людей, любящих поговорить. Они с клиентом обсуждали убийство, о котором на видных местах писали в эти дни негритянские газеты.

— Зачем он связался с этой потаскухой? У самого жена, пятеро детей.

Ножницы летали вокруг головы клиента. Смитти уже кончил стрижку, но не сознавался в этом, не желая отпускать собеседника.

— Она сама бы его прихлопнула, да вот жена опередила.

Тут вошел Губерт, и Смитти приветливо закивал ему.

— Пожалуйста, мистер Губерт. Вы следующий.

— Нет, Смитти, мне еще рано стричься.— Губерт прочистил горло.— Какой последний номер?

— Семерка,— ответил Смитти.— Ну что ты будешь делать! Уже месяц ставлю на 523, и ничего похожего. Нет, деньги не любят бедняков.

— Это верно,— поддакнул сидевший в кресле.

— Спасибо, Смитти,— сказал Губерт и вышел из парикмахерской.

— Вот увидите, вдова выйдет сухой из воды,— продолжал клиент.— У нее влиятельные покровители, мне знающие люди говорили.

— Это не новость,— подытожил Смитти,— миром правят женщины.

Вошел новый посетитель.

— Ваша очередь,— сказал ему Смитти и, взмахнув напоследок ножницами, отпустил постриженного клиента.

Губерта переполняли чувства горячие слезы струились по щекам. В гуле города ему чудился победный марш.

Он шел к дому Джона Льюиса. Снова знакомые приметы Гарлема, безымянные лица в толпе. Эти люди... его народ... эти негры... Он уже не злился, не негодовал на них. К своему удивлению, он даже испытывал к ним жалость. Да-да, ему жаль всех черных, коричневых и желтых обитателей Гарлема, цветных людей во всем мире, которым никогда не повезет. «Прощайте, бедные глупышки,—говорил Губерт гарлемцам,— да хранит вас господь!» Скоро Губерт забудет о них, как о дурном сне.

Джон Льюис широко улыбался, впуская Губерта в квартиру.

— Дружище, простите. Я ведь порой подтрунивал над вами.— Он присвистнул и хлопнул Губерта по плечу.— Вы, наверно, встали сегодня на счастливую ногу. Вам причитается куча денег!

Губерт поморщился. Он ненавидел, когда его хлопали по плечу.

— Как вы поступите с деньгами, мистер Губерт? — спросил Джон Льюис.

— На этот счет у меня есть кое-какие идеи,— ответил Губерт, переминаясь с ноги на ногу.

— Я понимаю, это не визит вежливости. Небось, торопитесь огрести денежки?

— Да, мне хотелось бы получить их как можно быстрее.

— Тогда вот что. Не стану я ждать, пока их привезут, съезжу сам и к семи часам приду с ними к вам. Вас это время устраивает?

— Вполне,— ответил Губерт.

Провожая Губерта до дверей, Джон Льюис снова хлопнул его по плечу.

— Ну и повезло же вам, дружище!

— Жду вас к семи,— сказал Губерт.

Везение здесь ни при чем. Просто дождался своего. Жизнь платит ему по давно просроченному счету.

Едва за Губертом закрылась дверь, улыбка слиняла с лица Джона Льюиса. Он сунул руку в карман, рывком вытащил деньги, смял банкноты в огромной ладони, швырнул зеленый комок в стену и сам повалился на диван.

— Ну и ну, болван несчастный,— скрежетал он и хлопал ладонью по лбу.

— Ада, Ада! — позвал он жену, дремавшую в спальне. Та что-то пролепетала во сне, и он гаркнул: — Вставай и иди сюда!

Трясущимися руками достал сигарету, подобрал комок с пола, подошел к окну и разорвал деньги на мелкие клочки. Легкий ветерок

ЖЕСТОКОСТЬ — ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС

После израильской бомбардировки и обстрела ракетами в Аль-Хамма, близ Дамаска.
Фото ТАСС.

С Ближнего Востока вновь поступают тревожные сообщения. Израильская военщина совершила новую вооруженную провокацию против Ливана. Как сообщила газета «Ан-Нахар», группа израильских содат вторглась на территорию Ливана в районе деревни Кфар-Шуба и обстреляла крестьян, работавших в поле.

По сообщению газеты «Аль-Мухаррир», 23 сентября израильский вертолет совершил облет Бейрутского морского порта. В связи с этим во всех лагерях палестинских беженцев в Бейруте была объявлена тревога. В состоянии полной боевой готовности приведены подразделения ливанских войск, охраняющих Бейрутский международный аэропорт.

Напряженная обстановка сложилась на сирийско-израильской границе, вблизи которой сосредоточиваются войска Тель-Авива.

Недавние агрессивные действия Израиля против Ливана и Сирии, а также новые провокации израильской военщины против этих арабских стран решительно осуждаются мировой общественностью.

«Израиль никогда бы не смог проводить экспансионистскую политику, если бы не опирался на поддержку и помощь американского империализма,— пишет сирийская газета «Ас-Саура».— На примере новой варварской агрессии против Ливана и Сирии, жертвой которой стало мирное население, Израиль показал, что жестокость и вандализм были и остаются основным содержанием его политического курса».

подхватил зеленые обрывки, разметал их по гарлемским улицам.

— Джон Льюис,— буркнул он,— ты болван!

Никогда в жизни он не был так убежден в правоте своих слов.

XVIII

Снова, как в молодости, Губерт глядел на женщин оценивающим, чувственным взглядом, не пропуская ни одной. Вот девушка в зеленом костюме, каштановый цвет лица, удачно подобраны серьги. В этом искусстве негритянкам нет равных.

На Сто двадцать пятой улице из автобуса выпорхнула женщина с алыми, сочными губами. Стройные, крепкие ноги, узкая талия перехвачена широким поясом, мерно покачиваются бедра под узкой юбкой. Губерт долго смотрел ей вслед.

Женщины стали выше ростом. Вот и эта дюйма на три выше Губерта. В дни его молодости, когда он не давал им проходу, тоже хватало хорошеньких, но таких рослых не было.

Губерт зашагал дальше. Некогда ему заглядываться на девушек, ведь он уже сделал выбор.

Лицо сестры Клариссы было суровым, когда она открыла ему дверь. Вдова еще не пришла в себя после их недавнего разговора.

— Мистер Губерт,— нахмурилась она,— второй раз на день! Что люди скажут?

Не ожидая приглашения, Губерт прошел мимо нее в комнату.

— Он сыграл!

— Что-что?

— Мой номер. Я угадал.

— Рада за вас.— Сестра Кларисса все еще не понимала, зачем он вернулся.— Сколько вы поставили?

— Семь долларов.

— Да ну?— захихикала Кларисса. Она знала, что только жулики и проходимцы так крупно играют. Бедный негр рад-радешенек, если наскребет на ставку хоть семь центов.

— Мне причитается больше четырех тысяч,— сказал Губерт таким голосом, что ей сделалось жутко.

— Вы, верно, шутите, мистер Губерт.

— Какие, к черту, шутки!— Он нетерпеливо махнул рукой.

Стены этой квартиры не привыкли к брани, но хозяйка пропустила ее мимо ушей.

— Святая Мария,— чуть слышно сказала она и опустилась на кушетку.

— Случилось то, о чем я говорил вам несколько часов назад. Судьба улыбается нам с вами.

Сестра Кларисса почувствовала себя несчастной. Как хорошо и спокойно жилось, пока не надо было ничего решать! А теперь она в западне. Мистер Губерт всерьез хочет, чтобы она поехала с ним. Бедная, беззащитная женщина!.. Как легко по доброте своей попасть в беду: достаточно раза два полюбезничать с мужчиной — и на тебе!

— Мне давно осточертела моя жизнь. Десять лет я мечтаю расстаться с Гарлемом и Нью-Йорком, уехать и начать все сначала. Все, что мне нужно было, это немного денег. Без чековой книжки в кармане ты ничто, только она делает тебя человеком.

Каким-то образом Губерт оказался на кушетке рядом с ней. Она заметила это, лишь когда он снова заговорил:

— Вам будет хорошо со мной, я буду вас любить, делить с вами и радости и горе. Мы уже не дети — мне скоро пятьдесят один. Кларисса, мы заживем душа в душу. Скажите «да», и к восьми вечера мы уже будем в пути.

Безумная идея. Порой ей тоже хотелось чего-то необычного, из ряда вон выходящего, но она обуздывала себя. Вскинув глаза, Кларисса посмотрела на Губерта. Да, ей нравилось его лицо. Лицо мужчины: гладкая кожа, густые черные усы, твердые губы. Но вот глаза! Они смущали и беспокоили ее. На первый взгляд карие, а присмотришься — черные, как ночь, глаза юного безумца с безумной мечтой. У пятидесятилетнего мужчины не должно быть таких глаз.

— Вы едете, Кларисса?

Когда ей было семнадцать, она гостила несколько месяцев у родственников в Алабаме. И там был юноша с таким же взором, беспокойный, порывистый, страстный, говоривший ей неслыханные вещи. Ее предупреждали, что он азартный игрок и пьяница, человек пропащий. Но ей было все равно. Она никого так сильно не любила. Только ничего у них не вышло. Что же случилось?.. Ссора?.. Она не помнит. Потом его убили в поножовщине, и она все глаза выплакала. Со временем она поняла, что люди были правы. Любовь к тому юноше была последним безрассудным поступком в ее жизни.

Губерт ждал, что она ответит. Кларисса постаралась представить, как они должны выглядеть со стороны. Ей сорок восемь, она вдова. Сколько бы ни сплетничали о ней завистники, она живет как добрая христианка. Ее муж был дьяконом в «Малой Голгофе». Губерт же человек семейный и, по общему мнению, малость не в себе. Предположим, она уедет с ним. Вот уж почешут языки сестры во Христе! Она представила, как они станут виться вокруг Гертруды, утешать ее, советовать. Нет, сестра Кларисса не даст им в руки такого козыря. Она женщина набожная, и предложение Губерта для нее немыслимо.

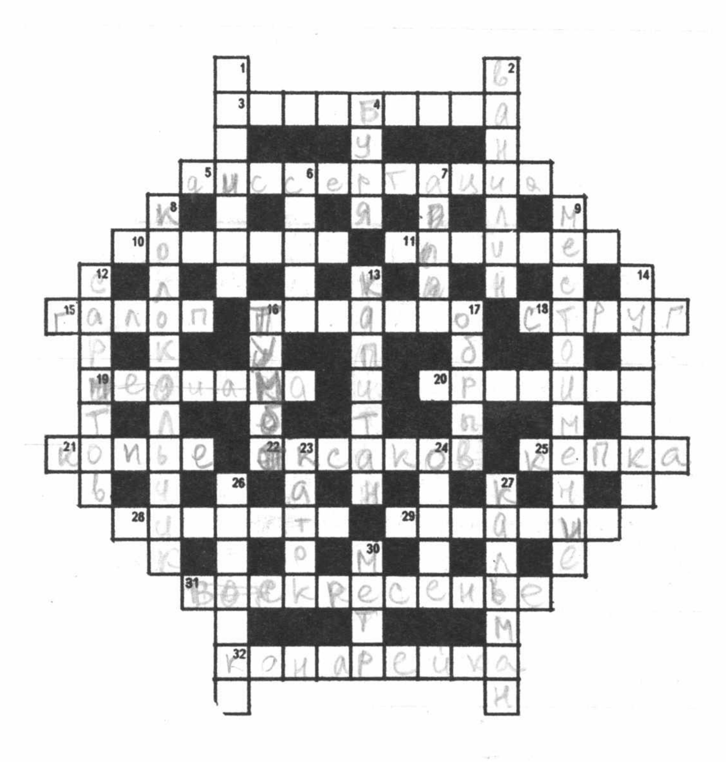
— Господи, мистер Губерт, пресвятая богородица!— Она улыбалась, но голос ее дрожал.— Что люди скажут?

Она знала — это звучит по-детски, глупо, но как еще можно ответить? О таких вещах трудно говорить напрямик.

Губерт поднялся, на какой-то миг задержал на ней взор, потом повернулся и вышел из квартиры. Еще несколько минут отрешенная улыбка играла на ее лице. Сестра Кларисса глядела на захлопнувшуюся дверь и испытывала не радость, а острое сожаление. Затем она отвела глаза в сторону и погасила улыбку.

Перевел с английского В. РАМЗЕС.

Окончание следует.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Млекопитающее семейства дельфиновых. 5. Научная работа. 10. Стихотворение в прозе И. С. Тургенева. 11. Действующее лицо оперы М. П. Мусоргского «Хованщина». 15. Быстрый аллюр. 16. Порт в Италии. 18. Старинное русское судно. 19. Высота боковой грани в правильной пирамиде. 20. Горный массив на Кавказе, возвышающийся над Гагрой. 21. Снаряд для метания. 22. Русский писатель. 25. Головной убор. 28. Река в Казахстане. 29. Этюд для пения. 31. День недели. 32. Певчая птица.

По вертикали: 1. Южное плодовое дерево. 2. Душистое вещество, употребляемое в кулинарии. 4. Сильный, разрушительный ветер. 6. Инструмент скульптора. 7. Сорт яблок. 8. Цветок. 9. Часть речи. 12. Областной центр в РСФСР. 13. Офицерское звание. 14. Хлопчатобумажная ткань. 16. Низкий столбик у тротуара или дороги. 17. Роман И. А. Гончарова. 23. Машина для уплотнения грунта. 24. Административный центр воеводства в Польше. 26. Рассказ А. П. Чехова. 27. Венгерский композитор, автор оперетт. 30. Единица длины.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали: 5. Лобачевский. 8. Гамзатов. 9. Карнавал. 10. Агава. 13. Аризона. 16. Чичиков. 18. Аксиома. 19. Брусок. 20. Декарт. 21. Околица. 22. Голавль. 25. Ванадий. 28. Диона. 30. Шестерня. 31. Батискаф. 32. Акселератор.

По вертикали: 1. Собакин. 2. Патока. 3. Асмара. 4. Чианури. 6. Шашки. 7. Гамак. 11. Голсуорси. 12. Воронихин. 14. «Золушка». 15. Алаколь. 16. Чаадаев. 17. «Иоланта». 23. Лидер. 24. Линейка. 26. Артишок. 27. Динар. 28. Дунаец. 29. Абадан.

На первой странице обложки: Чили. Бригадир с шахты «Мария-Елена» по добыче селитры Елессие Арайа. Кордильеры.

На последней странице обложки: Столица Чили — город Сантьяго. На празднике меди в городе Калама.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 11/IX-72 г. А 00979. Подп. к печ. 26/IX-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1888. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3476.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Один из трех тысяч канадских болельщиков.

Фото А. БОЧИНИНА

ШУТКИ В СТОРОНУ!

После второго периода второго московского матча хоккеистов Канады и СССР наши гости удлинили положенный им десятиминутный перерыв. Видимо, их страшил исход московской премьеры, когда накануне, ведя игру с верным счетом 3 : 0, они завершили матч поражением, забив еще одну шайбу, а в свои ворота пропустив пять.

Мне кажется, что эта негласная передышка очень красноречива и говорит о многом. Канадцы окончательно поняли, что имеют дело с хоккеистами равного с ними класса, но обладающими уже в начале сезона лучшей формой. Они поняли, что малейший их промах на московском льду грозит им дальнейшей потерей престижа у себя дома. Ведь газеты уже после четырех канадских встреч, завершившихся, как известно, в пользу сборной СССР — две победы, одна ничья, и одно поражение,— при счете шайб 17 : 14, задавали очень щекотливый для хоккейных профессионалов вопрос: за что же хоккеисты получают столь высокие гонорары?

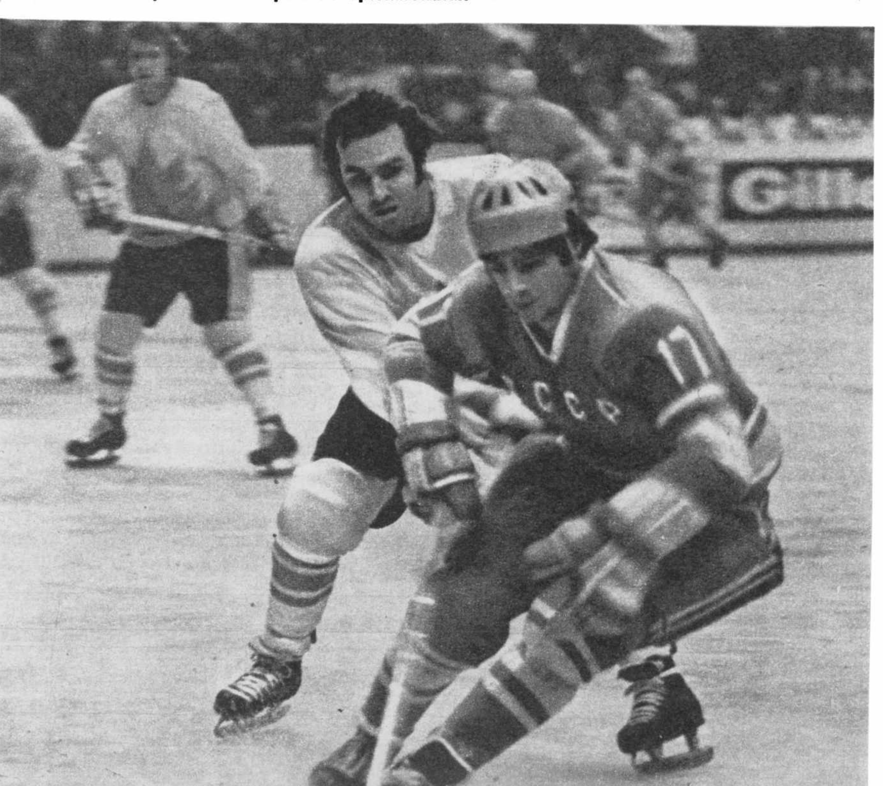
Теперь после четырех матчей у себя дома, после двух встреч в Швеции новые проигрыши в Москве не будут иметь оправданий в Монреале. И вот после ошеломительного начала второй московской встречи первый период — нулевой, а спустя две минуты после перерыва счет открывают советские хоккеисты. «Да, тут не до шуток!» Этот подтекст звучал и в порывистых командах тренера канадцев Гарри Синдена, не находившего себе места за скамьей запасных; и в яростных схватках на льду, порой выходящих далеко за рамки дозволенного, даже по канадским правилам; и в том, что, добившись ценой предельных усилий перевеса в одну шайбу, канадцы весь третий период провели в столь несвойственной им спокойной манере.

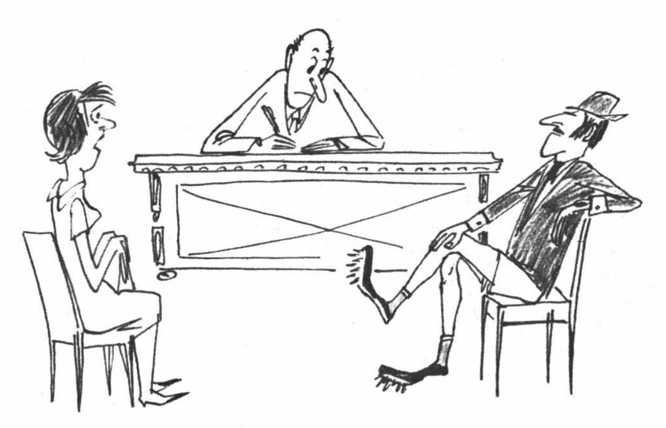
Было ясно, что у канадцев цель одна: во что бы то ни стало удержать одну лишнюю шайбу, во что бы то ни стало победить. Просто победить, не гонясь за эффектным счетом. И они добились своего, наши именитые гости.

Итак, счет московского турне после двух встреч сравнялся, но впереди еще два матча. Предстоит борьба, в которой лучшим представителям хоккейных школ, европейской и канадской, надо будет финишировать с полным напряжением всех своих сил.

В. ВИКТОРОВ

Рон Эллис в борьбе с Валерием Харламовым.

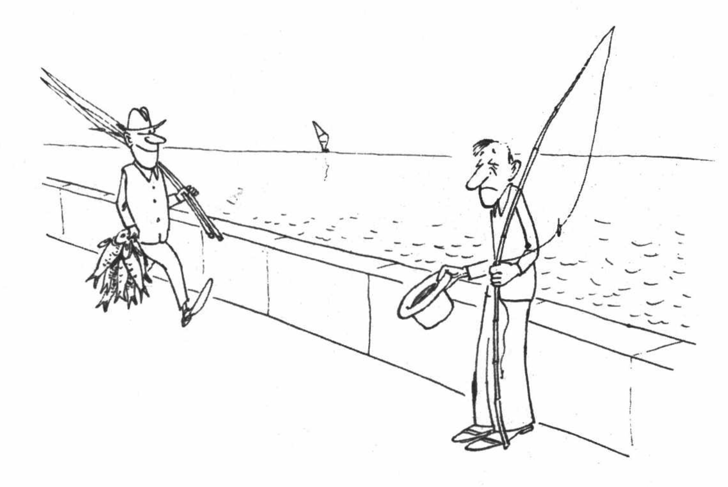

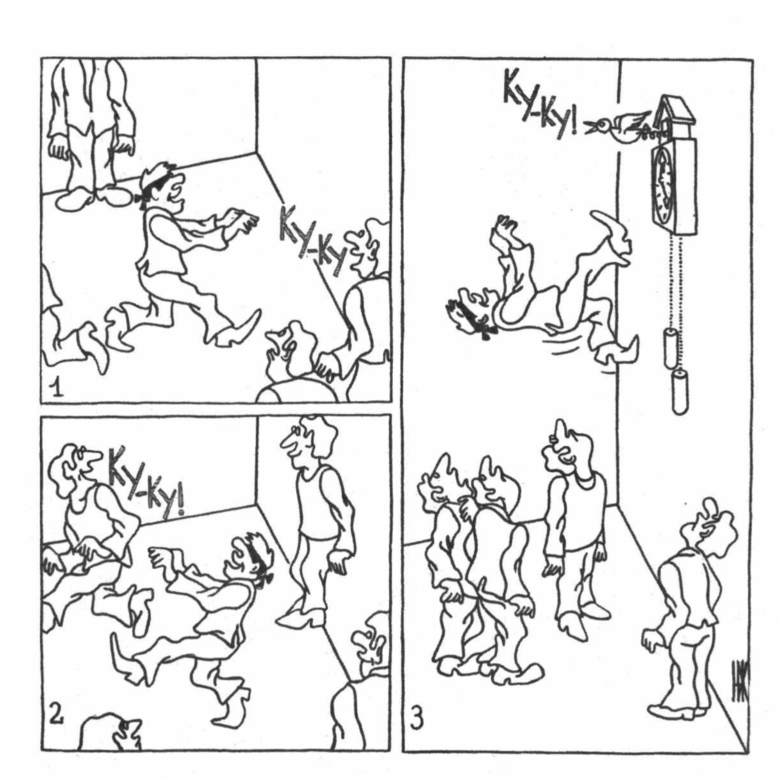
— Товарищ судья, он уж который год бегает от алиментов.

Без слов.

Рисунки А. Алешичева.

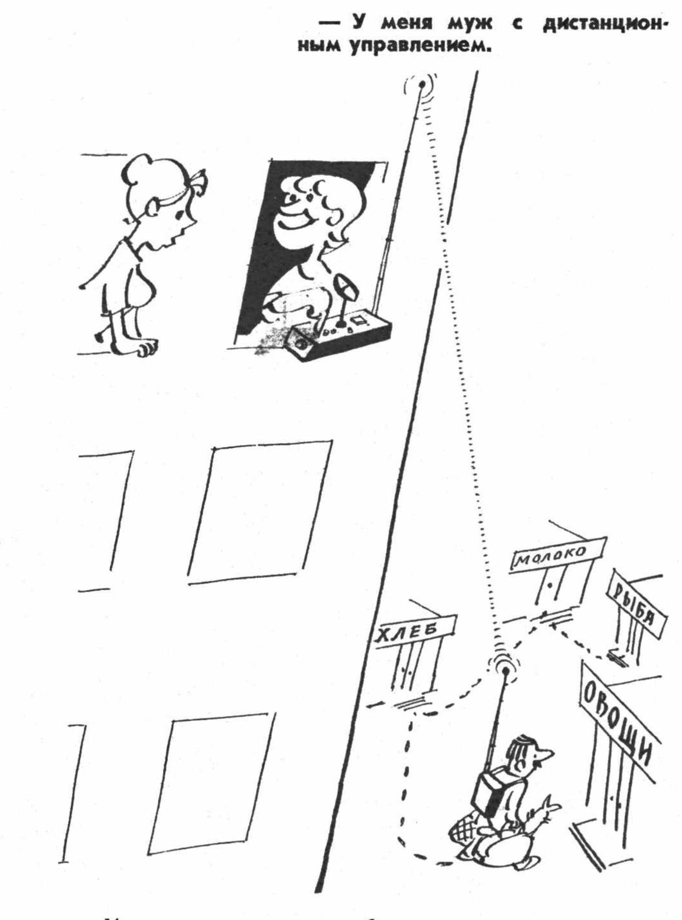

Без слов.

Рисунок Н. Калугина.

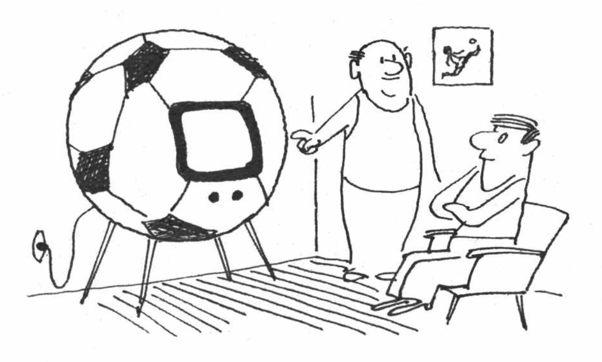
— У меня муж с дистанционным управлением.

— Из цирка тут один будет жить, говорят, что он и по потолку ходит.

Рисунки В. Воеводина.

Специально для болельщиков.

Рисунок Ю. Черепанова.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663

